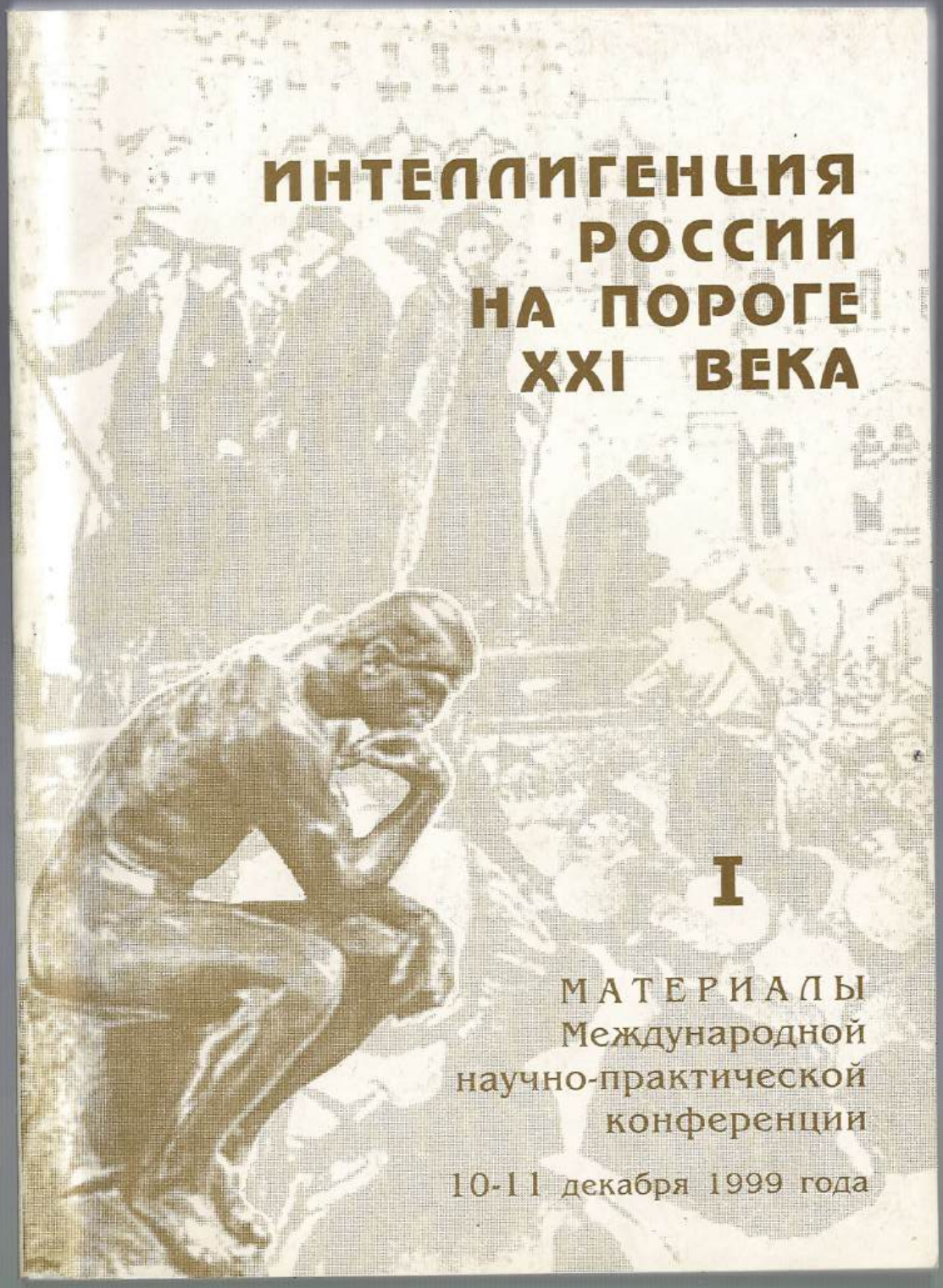
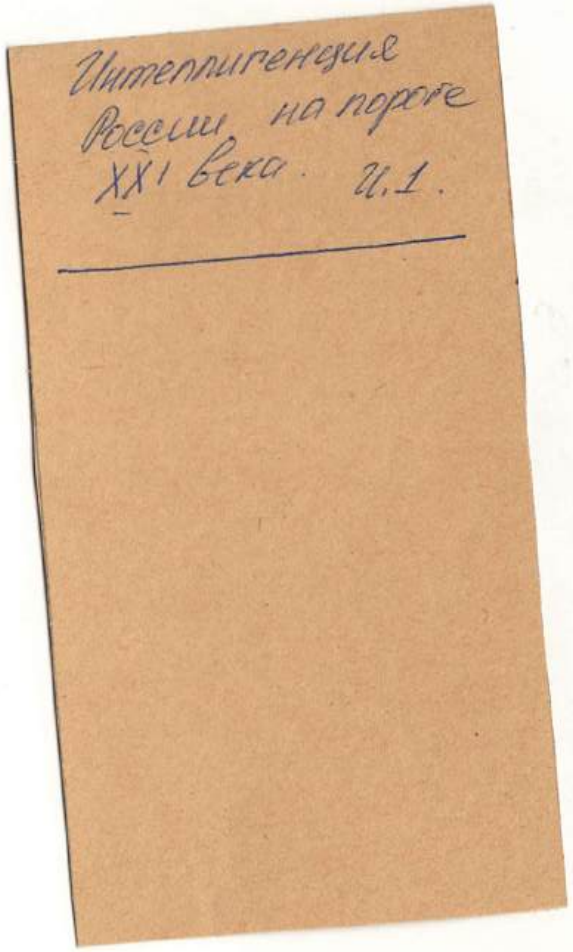

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА

I

МАТЕРИАЛЫ
Международной
научно-практической
конференции

10-11 декабря 1999 года

АДМИНИСТРАЦИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ННГУ
НИЖЕГОРОДСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РУСО
НИЖЕГОРОДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ФИЛОСОФОВ
ВОЛГО-ВЯТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ СОЦИОЛОГОВ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА

Материалы Международной научно-практической конференции

10–11 декабря 1999 года

Часть I

Н. Новгород 1999

УДК 316.343.65:17
ББК С 55.32

Интеллигенция России на пороге XXI века: Материалы Международной научно-практической конференции. 10-11 декабря 1999 года. В 2 частях. Ч. I. Нижний Новгород, 1999. — 287 с.

Материалы Международной научно-практической конференции рекомендуются ученым, преподавателям вузов и школ, аспирантам, студентам, всем кто интересуется историей интеллигенции и современными проблемами России на пороге XXI века.

Редакционная коллегия:

д.и.н., профессор **О.А. Колобов**, д.и.н., профессор **В.И. Мишин**, д.и.н., профессор **А.В. Медведев**, к.и.н. доцент **А.А. Перов**

© Коллектив авторов, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

РАЗДЕЛ 1

Интеллигенция: понятие, природа, предназначение, общественные функции

Зеленов Л.А. (*Нижний Новгород*) «Интеллигенция в судьбе России» 11

Фролов И.В. (*Нижний Новгород*) «Специфика русской системы ценностей и феномен русской интеллигенции» 15

Черемин Н.Б. (*Нижний Новгород*) «Интеллигенция и гуманизм» 20

Аннин Г.П. (*Владимир*) «Культурные традиции нашей Родины и интеллигенция» 26

Курылев Ю.И. (*Нижний Новгород*) «М. Горький о социальной позиции русской интеллигенции конца XIX — начала XX века, ее философском мировосприятии» 36

Фортунатова В.А. (*Нижний Новгород*) «Составные элементы интеллигентности и их испытание на «вечность» 44

Шулындин Б.П. (*Нижний Новгород*) «Интеллигенция как социальная группа» 49

Агудов В.В. (*Нижний Новгород*) «Культура мышления — ведущий признак интеллигентного человека» 57

Егоров В.И. (*Нижний Новгород*) «Социальная справедливость и личная праведность в судьбах русской интеллигенции» 64

Шетулова Е.Д. (*Нижний Новгород*) «Интерпретация природы русской интеллигенции в сборнике «Вехи» и современность» 69

Баранец Н.Г. (*Ульяновск*) «Об эволюции картины мира русской интеллигенции и русской философии» 75

Козырьков В.П. (*Нижний Новгород*) «Интеллигенция в двух измерениях: обыденного и высокого» 83

Фатенков А.Н. (*Нижний Новгород*) «О необходимости различения «почвенности» и «народности» применительно к характеристике русской интеллигенции» 91

Распопова Ю.Н. (*Нижний Новгород*) «Интеллигентность как способность к иррациональному» 96

Евстигнеев С.А. (*Нижний Новгород*) «Производительный труд, интеллигенция и народ» 98
Стаценко О.А. (*Минск*) «Художественная интеллигенция и власть: проблема взаимоотношений в переходный период» 101
Зубкевич Л.А. (*Нижний Новгород*) «Интеллигенция в переходные исторические эпохи» 105
Терехин А.В. (*Нижний Новгород*) «Интеллигенция: между народом и номенклатурой» 111
Головинский А.Г. (*Нижний Новгород*) «Прослойка или нарождающийся класс?» 116
Тимофеев А.В. (*Нижний Новгород*) «Интеллигенция в современном обществе» 126
Давыдов Г.Г. (*Нижний Новгород*) «Интеллигенция как социальное явление» 130
Балабанов С.С., Воронин Г.Л., Демшина Е.Б. (*Нижний Новгород*) «Положение интеллигенции в социальной структуре общества» 134
Димитричева О. (*Нижний Новгород*) «Настоящее и будущее отечественной интеллигенции» 143
Широкалова Г.С. (*Нижний Новгород*) «Сталин о роли интеллигенции в социалистическом обществе» 147

РАЗДЕЛ 2

История российской интеллигенции

Бармина Н.А., Фильченкова Э.М. (*Нижний Новгород*) «Дискуссионные проблемы истории Отечественной интеллигенции» 153
Белоус В.И., Слюсарь А.Е. (*Нижний Новгород*) «Советская интеллигенция в отечественной историографии» 157
Демичев А.А. (*Нижний Новгород*) «Российская интеллигенция и суд присяжных в конце XIX – начале XX века» 162
Москвин В.В. (*Москва*) «Культурно-просветительная деятельность интеллигенции России на рубеже XIX–XX веков» 167
Бичуч М.Л. (*Нижний Новгород*) «Проблема соотношения разрушительных и созидательных аспектов революции в представлениях русской интеллигенции XIX – начала XX веков» ... 174

Кривов С.В., Николаев Д.А. (*Нижний Новгород*) «К вопросу об отношении политической интеллигенции к столыпинским реформам» 180
Селезнев Ф.А. (*Нижний Новгород*) «К вопросу о «буржуазности» кадетской интеллигенции» 183
Медведев А.В. (*Нижний Новгород*) «Интеллигенция и народ в Октябрьской революции» 189
Чураков Д.О. (*Москва*) «Элитаризм интеллигенции и рабочий вопрос. На примере отношения политических партий к рабочему контролю. 1917–1918 годы» 197
Сапон В.П. (*Нижний Новгород*) «Интеллигенция и революция: поиск идеалов» 202
Романовский В.К. (*Нижний Новгород*) «Манифест о национальном примирении. Сборник статей «Смена вех» 208
Артамонова Н.Я. (*Хакасия, пос. Зеленый*) «Подготовка учительской интеллигенции в национальных районах Восточной Сибири (1918-1928 гг.)» 214
Абракова Т.А. (*Нижний Новгород*) «Взаимоотношения советской власти и сельской интеллигенции. 1925-1929 годы» 221
Назаров О.Г. (*Орехово-Зуево*) «Власть и «буржуазные специалисты» в 20-е годы» 226
Борков А.В. (*Нижний Новгород*) «Участие творческой интеллигенции в работе советского иновещания в 30-е – начале 40-х годов» 232
Кулешова Н.Ю. (*Москва*) «Моральное состояние командного состава Красной армии в конце 30-х годов (На основе анализа письма лейтенанта Е.Ф. Саулина)» 235
Перчиков Ю.А. (*Нижний Новгород*) «Интеллигенция 1941–1945 годов (На материалах Поволжского края)» 241
Шальнов М.Ю. (*Нижний Новгород*) «Вклад художественной интеллигенции в укрепление межнациональных связей в годы Великой Отечественной войны (На материалах Волго-Вятского региона и Среднего Поволжья)» 247
Макаров И.В. (*Нижний Новгород*) «Горьковская епархия в годы Великой Отечественной войны» 253
Медведева Т.А. (*Нижний Новгород*) «Диссиденты 60–80-х годов: прошлое и настоящее» 257

Зубков А.А. (*Нижний Новгород*) «Инженерно-техническая интеллигенция и задачи создания новой автомобильной техники» 265

Аннин А.Г. (*Владимир*) Подготовка кадров в учебных заведениях СССР (80-е годы) 266

Фещенко Н.И. (*Нижний Новгород*) «Реформы российской высшей школы второй половины XX века. Сравнительный анализ» 271

Грязнова Е.В. (*Нижний Новгород*) «Информатизация образования как фактор развития отечественной интеллигенции» 277

Терибунова Е.О. (*Нижний Новгород*) «К вопросу о ценностных ориентациях студентов» 280

Устинкин С.В. (Нижний Новгород) «С.Л. Франк о нравственно-этических ценностях русской интеллигенции» 283

Предисловие

В данный сборник вошли материалы Международной научно-практической конференции «Интеллигенция России на пороге XXI века», состоявшейся 10-11 декабря 1999 года. Организатором конференции выступил Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, исторический факультет ННГУ, при содействии администрации Нижегородской области и вузов города Нижнего Новгорода и области, Нижегородского регионального отделения организации «Российские ученые социалистической ориентации», Волго-Вятского отделения Российской ассоциации социологов. Нижегородского отделения Российского общества философов. В конференции приняли участие историки, представители других гуманитарных и общественных наук, несколько ученых-естественников, представители трудовых коллективов.

С разных сторон осмысливается ими проблема интеллигенции — ее природу, общественные функции, предназначение, ее историю, место и роль в российском обществе в XIX–XX вв. Кто она, российская интеллигенция, — жертва эпохи или активный субъект, оказавший и позитивное и негативное воздействие на общественные и политические процессы в России (СССР), — об этом рассуждают и спорят участники конференции. Особую актуальность представляют доклады о современном состоянии интеллигенции и ее роли в возрождении Отечества.

Естественно, в докладах сталкиваются не только личные мнения, но различные методологические и идеологические позиции, что делает материалы конференции интересными и поучительными. Пожалуй, в одном мнение участников совпадает: без активного участия интеллигенции в решении накопившихся острейших проблем России — в экономике, науке, культуре, образовании, искусстве и т.д. — выход российского общества и государства из кризиса будет невозможен.

«Возрождение России» — это тот лозунг и политический курс, который должен восторжествовать и объединить всех подлинных патриотов страны. Это возрождение будет невозможно, если интеллигенция не осознает своей роли в истории. Но для этого прежде всего надо обратиться к истории нашего Отечества, к его политическому и социально-

му опыту. Не разобравшись в действительном, не придуманном содержании российской и советской истории XX века, не осознав себя в героических и драматических событиях истории, мы не устраним нынешний разброд и разброс мнений о том, кто мы, куда нам идти и как возродить Россию. Историю нельзя переписывать и перекраивать в угоду конъюнктурным замыслам, это порождает в умах людей нигилизм и равнодушие к собственной судьбе. Науку Историю можно и должно изучать всем, но прежде всего это необходимо для интеллигенции, ибо без этого не будет исторического сознания, которое станет определяющим интеллектуальным фактором XXI века.

Материалы конференции будут полезны и интересны ученым, преподавателям вузов и школ, учащимся, всем интеллигентам и тем, кто интересуется историей и современными проблемами России.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:

ПОНЯТИЕ, ПРИРОДА, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ

РАЗДЕЛ I

Л.А. Зеленов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СУДЬБЕ РОССИИ

1. Автору неоднократно приходилось обращаться к этой теме публицистически, теоретически и организационно. Достаточно здесь сказать, что Обращение к интеллигенции России им опубликовано 5 декабря 1992 г. в «Советской России». Радовало, что были положительные отклики из всех городов от лучших сынов России. Радовало, что создание Общероссийской академии человековедения с замыслом объединения здравомыслящей интеллигенции в 1991 г. получило поддержку и одобрение со стороны научной интеллигенции страны: было даже создано 18 филиалов академии в ряде регионов страны. И все же многие проблемы остались. О них и хочется порассуждать. Более того, автор отдает себе отчет в том, что он как представитель интеллигенции России несет ответственность за все ее просчеты и грехи.

2. Социальное положение интеллигенции (работников умственного труда) достаточно неопределенно, что позволяет ей уклонятся от ответственности и находить оправдательные аргументы, особенно в критические периоды развития страны. Интеллигенция не хочет быть «подстилкой» между классами, но она и не понимает себя как «средний класс». Она хотела бы быть «совестью народа», но этой совестливости народ не видит. Н.М. Карамзин ввел это понятие в русский лексикон, дворяне подхватили его, хотя и не имели права, потому что они не интеллигенты, а частные собственники, бары, аристократы, помещики. Они не создавали духовных ценностей, а прожигали народное достояние, кичась приобщенностью к духовным ценностям. Наши дворяне-бары присваивали себе культуру, созданную народом и профессиональными интеллигентами. Сегодня при слове «интеллигент» склонны вспоминать поручика Голицина и корнета Оболенского. Но они дворяне, бары, помещики, а не творцы духовных ценностей и даже не защитники их.

3. Интересный ключ к пониманию роли интеллигенции в судьбе России дает современное постперестроечное состояние страны. Не странно ли, что сегодня во всех органах власти сидят бывшие партий-

ные, советские, комсомольские, профсоюзные работники, т.е. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. Секретари ЦК, председатели КГБ, секретари ОК, ГК, РК, председатели всех органов советской власти, секретари ЦК, ОК, ГК, РК и т.д. комсомола и пр. и пр. — сегодня у власти, сегодня банкиры, сегодня в аппарате правительства и президента и т.д. Именно они и совершили «переворот», именно с них спрос, именно у них не все в порядке было в голове, в идеологии, в мировоззрении уже в те давние советские времена. Не ученые, не художники, не врачи, не педагоги, не инженеры совершили «демократический переворот», а представители административной интеллигенции, чиновники, клерки. Они переродились и вызвали небывалый кризис в родной стране. Это относится и к директорскому корпусу: они тоже представители административной интеллигенции.

Я сказал — «ключ» к пониманию. Он состоит в том, что пора перестать говорить об интеллигенции абстрактно. Интеллигенция многослойна (на то она и прослойка — была, есть и будет). Она не только вербуется из всех классов общества, она воспроизводит идеологию порождающего ее класса, она служит интересам определенного класса, она ориентируется в перспективе на определенный класс, она и переродится может только в свой класс или мелкобуржуазный люмпен.

4. Отсюда первая важная проблема — проблема отрядов интеллигенции. Здесь важна иерархия, и она задается движением снизу вверх, от народа к воспаренной элите:

а) ближе всего к народу, к трудящимся, создающим материальные ценности, без которых интеллигенция не может существовать, находится инженерно-техническая интеллигенция: мастера, инженеры, технологи, агрономы, зоотехники, конструкторы, геологоразведчики, мелиораторы и все те, кто непосредственно связан с материальным производством. Они ближе всего к народу, к его чаяниям, интересам, требованиям, да и образ жизни у них аналогичен образу жизни рабочего и крестьянина. Вот почему среди этой интеллигенции меньше всего разброда, диссидентства, поддержки власть имущих, псевдодемократических, а по существу антинародных и антипатриотических вывертов. Это обусловлено и тем, что система материального производства требует высокой организованности, коллективности и упорядоченности действий, чувства локтя и поддержки, солидарности и высокого осознания общих обязанностей и общественного долга;

б) второй отряд составляет медицинская интеллигенция: медицинский персонал высшего и среднего уровня. Она тоже связана с высоко

организованным трудом, требующим большой ответственности, дисциплинированности и гуманистической ориентации. В силу специфики работы врачи, медсестры связаны со всеми слоями народа и группами населения, а посему хорошо знают проблемы, волнующие широкие народные массы. Среди медицинской интеллигенции тоже редко встречаются антинародные и антипатриотические настроения;

в) к этому отряду непосредственно примыкает педагогическая интеллигенция: педагоги, учителя, преподаватели, воспитатели всех рангов, всех типов учебных заведений. Их деятельность тоже еще требует определенной организованности и дисциплины, но нарастают и тенденции индивидуального авторства, эгоистического новаторства, появляются претензии на «свободу педагогического творчества», подкрепляемые существованием элитарных классов, элитарных школ, элитарных вузов. Более того, в рядах педагогической интеллигенции эти элитарные заведения рассматривают как своеобразную «социальную базу» их свободы, независимости и возможности получения социальных льгот и преимуществ, позволяющих выделится из общей массы педагогических работников. Все это — уже условие формирования эгоизма, элитарной психологии, аристократической морали и интеллектуальной избранности. На этой основе в высших эшелонах педагогической интеллигенции и складываются антинародные и антипатриотические настроения;

г) педагогическая интеллигенция создает плацдарм для формирования научной интеллигенции с ее культом интеллектуального труда. А интеллектуальный труд обладает множеством признаков, которые способствуют усилению негативных качеств интеллигенции:

— он не может быть организован, нормирован, упорядочен, а значит, создаются возможности для анархической идеологии и психологии;

— он допускает возможности для индивидуальной работы, а значит, создаются условия для формирования эгоистической психологии;

— он универсален, безразличен к стране проживания, к типу социальной системы, а значит, стимулирует антипатриотические взгляды;

— он элитарен по определению, а значит, подогревает антинародные настроения (народу наука не нужна и он ее не понимает).

Показательно и то, что негативные качества формируются прежде всего у тех представителей научной интеллигенции, которые связаны не с техническими, а с естественными и общественно-гуманитарными науками. Технические науки достаточно строги, определенны и практически ориентированы на систему и уровень отечественного производства. Занятие ими менее всего стимулирует возникновение антипатриотических

или антинародных настроений. В естественных и общественно-гуманитарных науках много неопределенного, вариативного, конвенционального, авторского, что прежде всего способствует формированию психологии индивидуализма и элитарности. А общение с иностранными коллегами, которые ТОЖЕ пришли к тем же теоретическим выводам, что и я, закладывает основы космополитизма;

д) в художественной интеллигенции все названные выше негативные черты расцветают пышным цветом: индивидуализм, богемность, анархизм, космополитизм, элитарность, «абстрактный гуманизм», апелляция не к своему народу и не к своей стране, а к ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ. Этот отряд интеллигенции — хорошая питательная почва для диссидентства, аполитичности, для лозунгов «деполитизации» и «деидеологизации». Аморфность ее мировоззрения, ее «мозаичная культура» тоже создают условия для концепций плюрализма и эклектики, что и заявлено открыто в современном постмодернизме как установке на вседозволенность. Какая уж тут зависимость от общества, от страны, от народа, от творческого метода, если так хочется «абсолютной свободы»! Все это прекрасно видно на примере идеологической травли В. Маяковского с его заявлением — «я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс» или М. Шолохова с его кредо — «мы пишем по указке сердца, а сердца наши принадлежат партии»;

е) административная интеллигенция представлена чиновниками всех рангов и во всех ветвях власти (законодательной, исполнительной, судебной). Они сами власть,и функция их — обслуживание власти, а не народа. Отрыв интеллигенции от народа здесь усиливается: к идеологическому и психологическому факторам добавляются политические и правовые. Стройное и глубокое мировоззрение здесь отсутствует. Возникает административно-правовой фетишизм: культ власти, воплощенной, материализованной в столе, бумаге, печати, документе, указе, регламенте. Именно этот смысл и вкладывается народом в понятие «бюрократ». Здесь тоже формируются такие качества, как элитарность, антинародность, психология строгой ранжированности и иерархичности, беспринципность, чинопочитание, угодничество. У административной интеллигенции «семь пятниц на неделе»: смена власти приводит ее к смене убеждений, образа жизни, манер, одежды, типа отдыха, модели автомобиля и т.д. В.И. Ленин писал, что «жить в обществе и не зависеть от него нельзя». Про административную интеллигенцию можно сказать: «жить при власти и не зависеть от нее нельзя». Психология конформизма — ее важная черта. У нее нет ничего своего.

Особое место занимает «военная интеллигенция», но она разнородна не только по формированию (сегодня инженер — завтра офицер, сегодня врач — завтра военврач, сегодня экономист — завтра начпрод и пр.), но и по составу: в армии — врачи, педагоги, инженеры, юристы, администраторы, повара, художники и т.д., т.е. все отряды интеллигенции. К тому же там действует всеобщий, всеобъединяющий Устав. Но армия из народа и для народа, в стране и для страны, поэтому в ней доминируют патриотические настроения: преданность Народу и Родине. Вот почему негативные социальные силы России прежде всего и хотят разрушить чувство патриотизма у военнослужащих.

Наконец, можно говорить о «религиозной интеллигенции»: священнослужители всех типов, связанные с утверждением и пропагандой духовно-религиозных ценностей. Она тоже разнородна по происхождению и по реакции на социальные процессы, хотя там, как и в армии, действуют общие предписания образа мыслей и образа жизни. Что касается православия, то оно исторически по природе своей является народным и патриотическим, что отличает его от католицизма и протестантизма. «Грех против Бога и преступление против человека» — так оценил патриарх Алексий II невыплату нашему народу зарплаты.

И.В. Фролов

СПЕЦИФИКА РУССКОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ И ФЕНОМЕН РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Слово «интеллигенция» появилось в России в 60-е годы XIX века. Писатель П. Боборыкин впервые использовал его, как сам впоследствии утверждал, с единственной целью — обозначить образованный слой российского общества. Однако уже с самого начала стало ясно, что интеллигенция не вмещается в эти узкие рамки, имея гораздо более обширное смысловое содержание, которому нет прямых параллелей в других национальных культурах.

Специфически русское происхождение интеллигенции не раз отмечалось многими видными отечественными мыслителями. Н. Бердяев подчеркивал: «...русская интеллигенция есть совсем особое, лишь в России существующее, духовно-социальное образование»[1]. С этим был согласен и Г. Федотов: «...мы имеем дело с единственным, неповтори-

мым явлением истории. Неповторима не только «русская», но и вообще «интеллигенция». Как известно, это слово, т.е. понятие, обозначаемое им, существует лишь в нашем языке... У них нет вещи, которая могла бы быть названа этим именем»[2].

Разумеется, во всех культурах были и есть большие группы людей, занимающихся интеллектуальным трудом. Однако между русскими интеллигентами и интеллектуалами, в особенности западными, существуют принципиальные различия, обусловленные спецификой национальных ценностных систем, особенностями исторического развития России и Европы.

Прежде всего необходимо отметить разное понимание соотношения истины, добра и красоты, что не могло не сказаться на сознании и характере людей, занятых духовно-интеллектуальной деятельностью.

Для русской культурной традиции характерно понимание единства, неразрывной связи этих основополагающих ценностей. В. Соловьев писал: «...благо, истина и красота являются лишь разными образами любви. ...Благо есть единство всего и всех, т.е. любовь как **желаемое** ... это есть единство **существенное**. Истина есть та же любовь, т.е. единство всего, но уже как объективно представляемое; это есть единство **идеальное**. ...Наконец, красота есть та же любовь (т.е. единство всех), но как проявленная или ощутимая; это есть единство **реальное**. ...Чтобы выразить отношение этих терминов в кратких словах, мы можем сказать, что абсолютное осуществляет благо чрез истину в красоте»[3]. Такое же понимание обнаруживается и у О.П. Флоренского: « «Истина, Добро и Красота» — эта метафизическая триада есть не три разных начала, а одно. Это — одна и та же духовная жизнь, но под разными углами зрения рассматриваемая»[4].

Западные мыслители иначе оценивают соотношение этических, эстетических и познавательных ценностей. В западной культуре давно уже четко обозначился их разрыв и даже конфликт. М. Вебер отмечал: «Мы знаем также, что прекрасное может не быть добрым и даже оно прекрасно именно потому, что не добро, — это нам известно со времен Ницше, а ранее вы найдете это в «Цветах зла» — так Бодлер назвал томик своих стихов. И уже ходячей мудростью является то, что истинное не может быть прекрасным и что нечто истинно лишь постольку, поскольку оно не прекрасно, не священно и не добро»[5]. Еще раньше Ф.Ницше, упоминая Вольтера, писал о том, что «истина, искание истины чего-нибудь да стоит, и когда человек при этом поступает слишком по-человечески (он ищет истину только для того, чтобы делать добро) — то держу пари, он не найдет ничего»[6].

Противопоставление истины, добра и красоты обусловило то обстоятельство, что в рамках западной культуры истина выступает лишь как категория логики и теории познания, характеризующая либо соответствие высказывания фактам действительности (корреспондентская теория истины), либо внутреннюю согласованности знания, определяемую через его соответствие другому знанию, истинность которого уже доказана (когерентная теория истины). Тем самым истина достигается чисто рациональным путем, не требующим полноты жизни и не нуждающимся в представлениях о добре и зле.

Утверждение о разрыве или дихотомии истины и добра совершенно неприемлемо для русской культуры. Для нее истина, не связанная с добром (в частности, со справедливостью) есть ущербная истина и даже вообще не истина. Такая убежденность находит яркое отражение в слове «правда». «У русских, — писал С. Франк, — кроме слова «истина» имеется еще другое понятие, ставшее главной и единственной темой их раздумий и духовных поисков. Это понятие выражается непереводимым словом «правда». «Правда», с одной стороны, означает истину в смысле теоретически адекватного образа действительности, а с другой — «нравственную правоту», нравственные основания жизни, ту самую духовную сущность бытия, посредством которой оно становится внутренне единым, освящается и спасается»[7]. Об этом же говорил и Н. Михайловский, отмечавший, что для русского духа «справедливость есть только отражение истины в мире практическом, а истина — только отражение справедливости в области теории» и, следовательно, «истина и справедливость не могут противоречить друг другу»[8]. «Везде, — писал он, — где есть место обоим половинам единой Правды, т.е. во всех делах, затрагивающих человека, как животное общественное, одной истины человеку мало — нужна еще справедливость... Если ученый или художник напускает на себя комическую важность человека, ищущего в делах общественных только истины и анализирующего их с точки зрения химической, анатомической или какой-то там еще, так он, прежде всего, истины не найдет»[9].

Такое понимание истины обуславливает и особый путь ее достижения, в корне отличающийся от западного. Русские мыслители не допускают, что истина может быть открыта чисто интеллектуальным, рассудочным путем, что истина есть лишь суждение. «Никакая гносеология, никакая методология не в силах, по-видимому, поколебать того дора-

ционального убеждения русских, что постижение сущего дается лишь цельной жизни духа, лишь полноте жизни»[10].

Поэтому русский мыслитель всегда ищет «правду», стремится соединить правду-истину с правдой-справедливостью, хочет не только интеллектуально понять мир, а ставит целью постичь главный религиозно-нравственный принцип мироздания, чтобы преобразовать мир в соответствии с ним. Он жаждет безусловного торжества истины как «истинного бытия» над ложью, неправдой и несправедливостью. Отсюда и религиозная страстность (русскому духу совершенно чуждо спинозовское «не плакать, не смеяться, но понимать»), и социально-этическая мечтательность, общемировая озабоченность, сложное переплетение сострадания и жертвенности, культ духовного начала, которые и составляют наиболее характерные черты русской интеллигенции.

Таким образом, для русской интеллигенции духовно-нравственный аспект жизни и деятельности неотделим от интеллектуального и даже выступает как более значимый. Потому интеллигенция всегда и представала как совесть нации, как группа людей, для которой нравственные поиски стали своего рода социальной предназначенностью. Не случайно Д. Мережковский подчеркивал: «Сила русской интеллигенции — ...не в уме, а в сердце и совести»[11]. Такая позиция объясняет и весьма распространенную в России точку зрения, согласно которой «к группе интеллигенции может принадлежать полуграмотный крестьянин, и никакой университетский диплом не дает еще права его обладателю причислять себя к интеллигенции»[12].

Формирование интеллигенции как особой социальной группы было также во многом обусловлено и спецификой социально-экономических процессов в России.

Реформация христианства, рационализация миропонимания и развитие свободного рынка на Западе породили социальное равновесие между интеллектуальным трудом и обществом. Западный интеллектуал создает, как правило, столько и таких интеллектуальных продуктов, сколько и каких ожидает от него общество на данной стадии развития. И чем точнее этот продукт отвечает социальным запросам, тем большего успеха достигает интеллектуал и по части общественного признания, и материального вознаграждения. Тем самым он прежде всего сориентирован на поиски равновесия со средой своего социального существования, органично вписан в состав общества и практически не выделяется какими-то особыми чертами из других социальных групп, о чем и

свидетельствует отсутствие на Западе особого термина для обозначения интеллектуального слоя.

В России же интеллигенция явилась историческим продуктом не равновесия, а дисбаланса социальных структур. В условиях крайней поляризации социальных классов российское общество на этапе своего предкапиталистического преобразования создало социальную нишу, которая позволила творчески мыслящим индивидам заниматься духовной деятельностью и поддерживать свое существование, не производя рыночных продуктов своего интеллектуального труда. Другими словами, русский интеллигент создавал такой духовный продукт, собственно нравственное содержание которого не диктовалось требованиями рынка и потому было по-своему свободным. Если принять во внимание то, что было сказано выше о специфике русской системы ценностей, становится понятным — почему эта излишняя с точки зрения рынка духовно-нравственная деятельность интеллигенции быстро превратилась в основную и самодостаточную.

Вышесказанным объясняются и многие существенные различия западного интеллектуала и русского интеллигента. Если первому присущи такие черты, как стремление к материальной выгоде, жестокая целесообразность во всем, умение приспосабливаться к ситуациям и обстоятельствам, весьма умеренная оппозиционность, которая никогда не переходит известных границ, способность к компромиссам, то второй демонстрирует нечто противоположное — отсутствие материально-экономического измерения жизни и бескорыстное служение правде-справедливости, полную духовную несдержанность и максимализм, резкую оппозиционность и отрицание компромиссов.

Таким образом, русская интеллигенция представляет собой своеобразное социокультурное явление, уникальность которого обусловлена спецификой системы ценностей русской культуры, особенностями исторического развития России.

Примечания

1. Бердяев Н.А. Русская идея // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: В 2 т. М., 1994. Т. 2.С. 225
2. Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. СПб., 1991. Т. 1. С. 67
3. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве // Соч. В 2 т. М., 1989. Т. 2.
4. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 75
5. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самопознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 142

6. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Избр. произведения В 2 кн. М.; Л., 1990. Кн. 2.С. 184.
7. Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 152.
8. Михайловский Н.К. Письма о правде и неправде // Соч. В 6 т. СПб., 1897. Т. 4. С. 384
9. Там же. С. 430
10. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 211
11. Мережковский Д.С. Больная Россия. Л., 1991. С. 40
12. Иванов-Разумник Р.В. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ. Антология. М., 1993. С. 69-70

Н.Б. Черемин

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ГУМАНИЗМ

Понятия интеллигенция и гуманизм настолько тесно взаимосвязаны, что порой, особенно в обыденном сознании, кажутся тождественными. Действительно, при слове интеллигент возникает образ умного, доброго, мягкосердечного, справедливого человека, помогающего людям в их повседневных переживаниях, бедах и несчастьях. Здесь присутствует целый набор признаков интеллигентности, но именно признаков, среди которых могут оказаться и случайные, а что же представляет собой интеллигентность и, естественно, интеллигенция?

Напомним, что этимология слова интеллигентность, от латинского *intellegentia,* означает высшую степень сознания, самосознания или — как позднее сформулировал Боэций (480-524) – это не личностный разум, это высшая точка познания, взятого во всеохватывающем, университетском масштабе. Данное представление об интеллигентности присуще и представителям немецкой классической философии.

По утверждению современного лингвиста Ю.С. Степанова, в русском языке и в русской культуре *интеллигенция* утверждается как особое слово в начале 60-х годов XIX века, которое стало обозначать, и в этом уникальность российского варианта, социально оформленную часть общества, взявшую на себя «миссию» выразителя и «формирователя» самосознания нации.

В современном политологическом словаре дается следующее определение интеллигенции: «... слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным творческим трудом».

Легко заметить, что здесь выделяются два характерных признака интересующего нас слова: интеллект и творчество. Такое понимание интеллигентности явно недостаточно и может привести к весьма опасным социальным явлениям.

Сразу же возникает определенного рода сомнение: в правомочности такого рода определения. Разве труд токаря, слесаря, хлебороба, печника не требует умственных усилий или творческой самоотдачи и самореализации? Конечно же требует и предполагает! Для сомневающихся интеллигентов, считающих себя выше в умственном развитии, чем так называемое простонародье, предлагаю попробовать сложить «примитивную» русскую печь!

Устами одного из своих главных героев драматург А. Вампилов напоминает нам: «Каждый человек родился творцом; каждый в своем деле, каждый по мере своих сил и возможностей должен творить, чтобы самое лучшее, что было в нем, осталось после него».

Любой из признаков интеллигенции (образование, критическое мышление, совесть, благородство) принадлежит не только ей, но и другим социальным слоям. Без них нет человека.

Выделение интеллигенции по интеллектуальному и творческому признаку мгновенно ведет к своеобразному отделению, а в конечном счете и отчуждению от народа, а следовательно, от его идеалов, надежд и стремлений. Интеллигенция становится особой социальной группой, возвышающейся над народной массой, живущей по своим законам, нормам и принципам. В русской культуре многие мыслители указывали именно на эту черту – духовную оторванность от народа – в качестве основной черты русской интеллигенции. Так, Г.П. Федоров писал, что «сознание интеллигента ощущает себя почти как некий орден». Это не столько люди умственного труда, сколько «группа, движение, традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей»[1]. Несомненно, что интеллигентный человек всегда идейно, т.е. страстно верует в свои убеждения и старается жить в соответствии с ними при любых условиях. Но этого мало. В свое время Достоевский в споре с Кавелиным отметил, что важно еще выяснить содержание господствующей в умах идеи.

Уже упоминавшийся Г.П. Федоров отмечал еще две взаимосвязанные особенности русской интеллигенции: преклонение перед западноевропейской культурой и критическим отношением, переходящим в ненависть к основам национального бытия русского народа и к России в целом.

Вспомним ходячие выражения в среде интеллигенции, как в XIX, так и в XX веке: темная, невежественная страна, ленивый народ, страна рабов, страна господ, «совки», патриотизм – прибежище негодяев, «эта страна». В нашумевшем сборнике «Вехи» другой известный русский мыслитель и общественный деятель П. Струве констатировал, что русская интеллигенция характеризуется особым качеством – «противогосударственным отщепенчеством»[2]. И это качество сохраняется и на сегодняшний день. Эта ненависть есть прямое следствие их гуманистического мировоззрения, имеющего западноевропейское происхождение.

Общеизвестно, что впервые светские образованные люди появились в Европе в эпоху Возрождения. Конечно, еще в античности появились люди «свободных профессий» (врачи, адвокаты, риторы, художники, поэты), а в Средневековье господствовала концепция «семи свободных искусств». Но все представители «свободных профессий» были объединены в корпорации (цехи), деятельность которых чаще всего регламентировалась со стороны церкви.

Как справедливо отмечают многие исследователи Возрождения, в частности А. Дживелегов, «… интеллигенция была явлением совершенно новым. Этого вида общественного служения не знали Средние века. Средние века знали рыцаря, который был призван защитить общество, знали духовное лицо, облеченного заботами о душе, а иногда и теле человека. Но светского ученого, светского проповедника не знали. Он явился вместе с новой культурой, чтобы служить ей и ее прогнозировать»[3].

Другой исследователь В. Соколов также подтверждает это суждение: «Появление той категории лиц, которую впоследствии стали именовать гуманистами, в сущности положило начало процессу возникновения интеллигенции»[4]. Основными чертами новой светской культуры стали антиклерикализм и неприятие феодально-корпоративного авторитарного строя.

Гуманистическое мировоззрение – это мировоззрение буржуазное по своей социальной природе, на что в свое время указал К. Маркс[5]. Авторитетный русский мыслитель XX века Лосев точно указал на две существенные черты буржуазного гуманизма: антропоцентризм и индивидуализм. Отсюда и понятно постоянное требование прав и свобод личности, которых в любые исторические периоды не хватает либеральной интеллигенции. Чуткий и проницательный литературный критик второй половины XX века Селезнев дает еще более четкую и обобщенную формулировку буржуазного гуманизма: «Буржуазный гуманизм, в конечном и прямом смысле этого понятия – общечеловеческий эгоизм, разделяет мир на две неравноценные половины: на цель (мир человека) и на средство (мир природы, взятой как целое). Гуманистическое отношение в этом смысле есть форма принципиально нового, по сути своей – эгоистичного сознания. Естественно, что такой монологизм (индивидуализм) сознания проявляет себя отнюдь не только в отношении: человек – природа, но и во всех возможных противопоставлениях одного – всему остальному: индивидуальной личности – государству, народу; одного народа – «избранного» – всем остальным народам мира; одного избранного класса – другим, трудящимся»[6].

Интеллигенция – это, в таком случае, узкий слой «критически мыслящих людей, которая переделывает историю в соответствии с выработанным в ее недрах социальным идеалом. Идеал этот, по выражению одного из лидеров эсеров Н.Д. Авксентьева, вытекает из «собственной разумной воли автономной моральной личности», т.е. умозрительной и абстрактный.

По словам незаслуженно забытого русского мыслителя и физиолога с мировым авторитетом Ухтомского, идеал этот есть не что иное, как «теоретически-фантастическое измышление праздного блудодея»[7].

Все, что не вписывается в эту произвольную схему, подлежит испарению и уничтожению. «В эту среду для безответственных операций (т.к. ответственен он только перед самим собой, ибо на своих рациональных построениях строит он свою истину) входит и народ, и природа, и вообще все бытие за исключением самого оперирующего». Отсюда возникает «типичная претензия интеллигенции на учительство и воспитание народа. И эту индивидуалистическую установку возвели в профессию – «профессию индивидуализма и учительства»![8] В таком случае противоречие, возникающее между интеллигенцией и народом неизбежно и закономерно. Мало этого. Сразу же возникает противоречие между подлинным значением слова «интеллигенция» и интеллигенцией как специфической социальной прослойкой. Последняя выражает уже не универсальную точку зрения, а свою частную, исходящую из абстрактных представлений о природе человека, и тем самым не отвечает своему собственному призванию и назначению, а поэтому и не имеет права называться интеллигентом! Напомним читателям, что еще в 1842 году в статьях под общим названием «О сословных комиссиях в Пруссии» К. Маркс противопоставляет интересам религиозных социальных группировок «интеллигентность, как принцип». «…Интеллигентность…

не есть ищущий удовлетворения эгоистический интерес, это – всеобщий интерес»[9].

Этот всеобщий интерес в своей конкретно-исторической форме выступает как общенародный интерес, который выражают гении и подвижники национальной культуры. Прекрасное определение гениального, великого дал один из наиболее значительных мыслителей XX века П.А. Флоренский: «Великое есть синтез того, что по частям фосфорическим мерцало во всем народе; оно не было бы великим, если бы не разрешало собою творческое томление всего народа. Оно есть слово, к которому сходятся бесчисленные нити, давно намечавшиеся в истории»[10].

Не случайно, что к их словам прислушиваются как к своим собственным, но никогда по каким-либо причинам не сказанным, а порой и не осознанным, и не только прислушиваются, но и откликаются на их призыв, как на родное, заветное, святое. Именно поэтому народное сознание связывает понятие интеллигенции с именами старцев, подвижников и народных гениев: Илларион, Сергий Радонежский, Серафим Саровский, оптинские старцы, Ломоносов, Достоевский, Леонтьев, Даль, Павлов, Менделеев, Васнецов, Флоренский, Шолохов, Распутин, Свиридов и многие другие. Но именно потому, что эта народная интеллигенция, выражающая и показывающая суть и смысл народной души и национальной стихии, ни о каком «избранничестве», особливости не может быть и речи. Они – плоть от плоти, народный дух от духа России, а поэтому скромны, непритязательны, незаметны. Подлинная интеллигентность это «некая духовная простота». Подлинный интеллигент всегда прост и незатейлив, всегда общителен и откровенен и не склонен аналитически вдумываться в свою интеллигентность. Интеллигент тот, кто всегда целесообразно трудится на благо всего народа и человечества; но он всегда настолько прост душой, что даже не чувствует своего превосходства над людьми неинтеллигентными. В этом смысле интеллигентности нельзя научиться, но она требует длительного воспитания[11]. В этом смысле показательно отношение российской «интеллигенции» к гениям, которые как раз и выражают общенародный, а через это и общечеловеческий интерес, и тем самым являются настоящей интеллигенцией. (Ломоносов был ненавидим; Пушкин не понят, оклеветан; Леонтьев – окружен атмосферой умолчания и равнодушия, Розанов исключен из религиозно-философского общества, Менделеев и Васнецов ненавидимы, издевательства и насмешки над В. Беловым, В. Распутиным.) Подвижникам органично присуща любовь к Родине, чуткость к ее болям, скорбям и невзгодам, прозорливое знание ее национальных

путей и исторических дорог, и поэтому они не бунтари, а «целители народных язв» (В. Распутин). Для народного интеллигента характерна позиция не руководства народом, а служение народу и Родине. Замечательное высказывание по этому поводу принадлежит интересному писателю и мыслителю XX века М. Пришвину: «Спасать мир надо не гордостью человека своим сознанием перед миром низших существ, а согласованностью творчества своего сознания с творчеством бытия в единый мировой творческий акт»[12].

Представители же либеральной «интеллигенции» не являются интеллигентами в прямом смысле этого слова. А. Солженицын называл их «образованными», но вряд ли это название приживется. Существует более подходящее и точное наименование этого любопытного социального явления – диссиденты.

По утверждению лингвиста Степанова «по внутренней форме это слово означает буквально «сидящий отдельно»[13]. В русском языке ему соответствует слово «отщепенцы». Таким образом, либеральный интеллигент и «демократы» сами себя поставили в столь демонстративное положение. Основная цель и смысл их существования – постоянная критика, обличение и разрушение существующего в угоду «общечеловеческим ценностям» (частная собственность, плюрализм, гласность и т.п.). Но при этом они живут за счет подвергаемой критике действительности и тем самым являются не чем иным, как инородным телом в народном организме, т.е. проще говоря – паразитами.

Выдавая частный интерес и буржуазные принципы за всечеловеческие, они тем самым искажают и затемняют национальное самосознание, т.е. наносят серьезный вред национальному организму.

Ответная реакция должна быть соответствующей: или предоставить возможность физически покинуть ненавистную им страну и народ, т.е. эмигрировать, или «лечить» по методу Л. Толстого трудовой терапией в местах не столь отдаленных. В свое время Достоевский сказал В. Соловьеву: «Вы всем хороши, но Вам нужно пострадать!» Великая ценность страданий заключается в том, что страдание или окончательно отлобляет человека, или очищает его от всего наносного и соединяет с народными преданиями и традициями. Салтыков-Щедрин понимал это не хуже Достоевского: «Действительное единение с народом по малой мере столь же мучительно, как и сдирание кожи с живого организма ради осуществления исторических утешений!»

Соединиться с народом, признавая его идеалы и интересы выше своих собственных, или же остаться в «лишних» людях зависит от представителей диссидентства.

А представителям национальной, народной интеллигенции дела и службы хватит с излишком. И. Ильин, а вместе с ним и многие другие видные деятели русской истории и культуры, основную задачу русской интеллигенции видели прежде всего в том, чтобы самим понять и другим поведать «о том, что делает нас настоящими русскими; о том, что есть душа нашей души; о своеобразии нашего духа и опыта, о том, что смутно чуют в нас другие народы… об отражении в нас нашей Родины!»[14].

Примечания

1. Цит. по: Распутина В. Интеллигенция и патриотизм. // Собр. соч. В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 367.
2. Сруве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. М., 1979. С. 173.
3. Дживелегов А. Очерки итальянского Возрождения. М., 1929. С. 54.
4. Соколов В.В. Европейская философия XV-XVII веков. М., 1996. С. 8.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., Т. 2, С. 482.
6. Селезнев Ю.И. Мысль чувствующая и живая. М., 1987. С. 29.
7. Ухтомский А.А. Интуиция совести. Петербургский писатель, 1996. С. 474.
8. Там же. С.476, 478.
9. Маркс К., Энгельс Ф. О сословных комиссиях в Пруссии. // Соч. Т. 40. С. 287.
10. Флоренский П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия. // Соч. В 4 т. Т. 2. С. 360.
11. Лосев А.Ф. Дерзание духа. М., 1988. С. 320.
12. Пришвин Н.Н. Дневники. М., 1990. С. 155.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 629.
14. Ильин И.А. Цит. по: Распутина В. Интеллигенция и патриотизм. Соч. В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 373.

Г.П. Аннин

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАШЕЙ РОДИНЫ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

История культуры изучает результаты человеческой деятельности в сфере материальной и духовной культуры в том виде, в каком они сложились и сохранились до нашего времени. Любое произведение культуры возникает в результате человеческого мышления и творческой деятельности человека. Творческие силы народа воплотились с наибольшей силой в памятниках материальной культуры. Развитие культуры

всегда находилось в зависимости от уровня развития производственных отношений и производственных сил. «...Пока человеческий труд был еще так малопроизводителен, что давал ничтожный избыток над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил, расширение обмена, развитие государства и права, создание искусства и науки — все это было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой»[1]. В условиях феодального строя и буржуазного режима господствовали феодальная и буржуазная идеология. «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу, в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу»[2]. С октября 1917 г. и до начала 90-х гг. ведущая роль в обществе принадлежала рабочему классу и при его активном участии развивалась социалистическая культура.

Изучение истории культуры народов России затруднено[3] рядом обстоятельств: литература, изданная для учителей десятки лет тому назад, превратилась в библиографическую редкость; учебники специально для студентов и учащихся общеобразовательных школ в 90-е гг. не издаются; курсы лекций, и учебные пособия для педагогических вузов издаются крайне редко и малыми тиражами[3]; большинство выпускников средних школ по проблемам истории культуры не получило необходимой подготовки; государственные органы, ведающие делами культуры, не выделяют средства на издание исторической, краеведческой, культурологической литературы. Специальная литература по всем видам искусства издавалась также малыми тиражами и очень редко[4].

Имеются трудности при изучении различных аспектов и отраслей культуры. Так, изучение музыки требует элементарного понимания жанров, проникновения в мир музыкальных образов, созданных творчеством композиторов и исполнителей. Изучение живописи возможно не только при простом зрительном восприятии, но и при проникновении в образный мир художника, как и музыканта, его мироощущение, умение художественными средствами определить идею, которую он вкладывает

в свое произведение. Восприятие прекрасного требует: «Если ты хочешь насладится искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком»[5].

Историю культуры своего народа особенно важно знать сейчас, когда разрушаются нравственные основы общества, сторонники капиталистического пути развития России пытаются утвердить буржуазную культуру, элементы антигуманизма. Прогрессивные деятели противостоят разрушительному воздействию на людей труда буржуазных традиций, мнимой культуры.

Основные признаки глубокого кризиса в сфере культуры современного буржуазного общества определены философами капиталистических государств: пропаганда заняла место правды; историю превратили в культ лжи; сочетание учености с предвзятостью стало обычным; свобода мышления изъята из употребления, ибо миллионы отказываются мыслить, не осознают духовной нищеты; с отказом от индивидуальности люди вступили в новое средневековье[6]; третирование прогрессивных сил становится нормой поведения властителей; забвение интересов людей труда и трогательная забота власть имущих о бизнесменах привели к социальным бедам и потрясениям.

Гармоничное развитие личности возможно только в условиях социалистического общества, создание которого — наивысшая цель прогрессивного человечества. Только при социализме человек труда, молодежь могут получить высочайший уровень общеобразовательной, профессиональной и культурной подготовки.

Изучение культуры народов России имеет особо важное значение для подготовки учительских кадров. Будущие учителя, воспитатели, изучая историю культуры своей Родины, имеют возможность, во-первых, получить более всестороннюю историческую подготовку, основы формирования их исторического сознания, во-вторых, повысить свою культуру, в-третьих, в единстве с другими гуманитарными науками, в том числе историческими, социально-политическими, экономическими, философскими, получить мировоззренческую подготовку, в-четвертых, понять социальную роль учителей, наиболее полно осмыслить свои задачи в продвижении нашего общества по пути социального и экономического прогресса, в-пятых, освоить исторический опыт, уроки и значение истории культуры народов нашей страны для решения современных задач культурного развития.

* * *

Современная жизнь поставила перед народом нашей страны вопросы освоения культурного наследия, умения вести выбор между подлинными и мнимыми культурными ценностями, проблемы овладения великими революционными и трудовыми традициями, воспитывания молодого поколения на опыте старших поколений, формирования осмысленного интереса ко всему ценному, что есть в русской и любой другой национальной культуре. Необходимо противостоять реакционным традициям, складывавшимся и насаждавшимся веками, постоянно проявляясь в сознании, деятельности и поведении людей.

Любая социальная, а тем более государственная система всегда вдохновлялась и вдохновляется идеалами — религиозными, патриотическими, революционными. Вера в особое предназначение страны, ее призвание нести «свет истины» другим народам всегда присутствовала и в российской культурной традиции («Москва — третий Рим», идеи славянофильства и т.п.). Эта традиция, лишенная религиозной оболочки, не исчезла и после Октября 1917 г., она наложила отпечаток на революционный идеализм того времени, который звал к социальному освобождению всего мира[7].

Советское государство провозглашало социалистические идеалы. Социалистическая идея впитывала в себя идеалы и чаяния народа, лучшие достижения гуманистической мысли, которые веками вынашивало человечество. И в настоящее время идеалы социализма разделяют миллионы людей в мире. Социалистическая идея была и остается притягательным общественным ориентиром.

Впервые в мире народ всего лишь за 20 лет осуществил индустриализацию страны, провел аграрные преобразования, культурную революцию, освободился от частной собственности и ее постоянной спутницы — безработицы, ликвидировал неграмотность. В «наследство» от царизма и капитализма наша страна получила 78% неграмотного населения. К 40-м гг. с неграмотностью было покончено навсегда. Учителя днем учили детей, а вечером — их родителей. В 1937 г. СССР вышел на второе место в мире после США по объему промышленного производства. Таких темпов экономического развития не имела ни одна страна.

Преобразования несли в себе и изменения, призванные поднять общество на новый, более высокий уровень культуры и морали. Они предполагали достижение поставленных экономических и политических целей на основе нравственных, чистых принципов. В концепции социализма предусматривалась цель общественного развития, социаль-

ного прогресса в развитии личности в физическом, умственном и нравственном отношениях. Утверждалась творческая свобода, открытость к лучшим образцам мировой творческой мысли. Прогресс достигнут бесспорный.

Процесс преемственного развития культуры испытывает на себе воздействие объективных и субъективных факторов, находится не только под влиянием перемен, независимых от человека, но и субъективных моментов, складывающихся из разнонаправленных целей, интересов, мотивов деятельности людей по освоению культурного наследия. Прогрессивное человечество понимает, что основное содержание современной эпохи конца XX начала XXI в. состоит в переходе от капитализма к демократии и социализму. На все демократические явления в мире оказывает влияние уникальный опыт социального строительства, выявивший особую значимость общих закономерностей социализма в странах Центральной, Юго-Восточной Европы, в Азии и на Кубе.

Подлинная культура предполагает богатую палитру побуждений человека. Для наших предков идеалом всегда выступало отечество, служению которому отдавали свои жизни лучшие сыны всех народов страны. Их патриотизм обнаруживался, прежде всего, в желании трудиться на пользу Родине, в большом и страстном желании ей добра и успеха, в горячем сочувствии ко всему хорошему на родной земле и негодовании против всего, что замедляло ее прогресс. Он был неотъемлимым признаком гуманитарной культуры личности. В.Г. Белинский писал, что всякая благородная личность глубоко осознает свое кровное родство, свои кровные связи с Отечеством.

Носителями подлинной культуры выступают представители классов и социальных групп, активно заинтересованных в утверждении прогрессивного социально-экономического и политического строя, прогрессивных гуманистических ценностей культуры, в сохранении всего наиболее значимого, что накоплено коллективным опытом народов, в развитии ее подлинно демократического содержания и национального своеобразия. Носителями мнимой культуры выступают защитники интересов эксплуататорских классов. Буржуазная культура стала антиподом социалистической культуры.

Великий гуманист России Л.Н. Толстой утверждал, что разумное и нравственное всегда совпадают. Советская власть открыла большие возможности для творчества во всех сферах человеческой деятельности, впервые дала возможность каждому получить за счет государства образование и желаемые профессии, неограниченный доступ к отечествен-

ному и мировому культурному наследию. Из поколения в поколение создавалась целостность отечественной культуры народов Советского Союза, в людях воспитывались честь и достоинство, порядочность и идейная стойкость, совесть и гуманное отношение к человеку.

На становление жизненных позиций россиян оказали большое воздействие деятели революционного движения И.В. Бабушкин, Н.Э. Бауман, Ф.Э. Дзержинский, А.В. Луначарский, Я.М. Свердлов, Г.В. Чичерин, государственные руководители В.И. Ленин, Ю.В. Андропов, А.Н. Косыгин, представители культуры Н.И. Вавилов, В.И. Вернадский, М.М. Пришвин, Н.К. Рерих, В.А. Сухомлинский, А.А. Фадеев, М.А. Шолохов. Под их влиянием формировался такой тип личности, который характеризовался зрелостью мышления, ясностью идейной позиции, высоким уровнем социальной активности.

Политическая культура, социальная активность советских людей формировалась путем их участия в управлении государством. Актив Советов народных депутатов в 80-х гг. составлял 30 млн. человек. В работе Советов участвовали более 330 тыс. постоянных комиссий. Среди депутатов Верховного Совета СССР, Верховных Советов союзных республик, местных Советов молодежь до 30 лет составляла более 34%[8].

Интеллектуальный прогресс, который выражается в развитии науки и искусства и в распространении более свободных взглядов, неотъемлим от промышленного и экономического прогресса. Социалистический строй с 1917 г. до начала 90-х гг. дал советскому народу возможность создать мощное государство с развитой экономикой. Наша страна первой стала осваивать космос. Небывалого расцвета достигла наша культура. Советские люди гордились высокими достижениями в науке, театре, кинематографе, музыке, балете, изобразительном искусстве, литературе, образовании, народном творчестве, физической культуре. Каждый гражданин имел реальное право на труд, бесплатное образование и медицинское обслуживание, на материально обеспеченное детство и старость. Выделялись большие бюджетные дотации на оплату жилья, детских и школьных товаров, содержание детских пионерских лагерей, санаториев. Люди получали бесплатно квартиры и до 2000 г. были бы полностью обеспечены современной жилой площадью. Каждый советский человек был уверен в завтрашнем дне.

Ускорение социально-культурных процессов в советском обществе обеспечивалось прогрессивным государственным и общественным строем, культурной политикой. Культурный потенциал обогащался за счет научных исследований, которые вели десятки тысяч научных уч-

реждений, проектных и конструкторских организаций, более 50 тыс. лабораторий на промышленных предприятиях. В сферу науки и научного обслуживания свой творческий вклад вносили 4,5 млн. человек. В результате многоплановой деятельности ученых на СССР во второй половине 80-х гг. приходилось 1/3 мировой научной продукции и 1/5 часть технических решений, зарегистрированных патентными бюро всех стран. Тысячи лицензий в Советском Союзе приобретали развитые в промышленном отношении страны - США, Япония, Англия, Франция, Италия[9].

Особая роль в реализации культурного потенциала советского общества принадлежала таким средствам социализации личности, как система общего и профессионального образования. Если в 1960 г. в стране было 52,7 млн. человек обучавшихся, то в 1985 г. их насчитывалось более 108 млн. Число лиц с высшим образованием выросло в расчете на 1000 человек с 33 в 1959 г. до 116 в 1984 г., со средним (полным и неполным) в те же годы соответственно с 400 до 752 человек.

До введения «катастройки» и анархии в стране 80% рабочих имели среднее (полное и неполное) и высшее образование. Постоянно увеличивались государственные дотации на образование. 76% студентов дневных отделений высших учебных заведений получали стипендию[10].

Понимание задач экономического характера наследования культуры требует изучения экономической эффективности культурного наследия, формирования экономически подкрепленной структуры воспроизводства ценностей культуры прошлого в жизни современного человека, качественно нового подхода к культурному обслуживанию людей, учета достижений научного и технического прогресса.

За последнее столетие культурный потенциал российского общества обогатился многими ценностями отечественной и мировой культуры. Укреплена материально-техническая база освоения культурного наследия, расширились общественные фонды культурных ценностей. Специалисты достигли прогресса в хранении, репродуцировании и реставрации культурных богатств страны, в открытии новых данных культурного наследия. С первых дней рабоче-крестьянской власти все памятники культуры взяты под охрану государства. Самая передовая часть прогрессивной интеллигенции сознает всю меру своей индивидуальной ответственности за сохранение культурного наследия. Тысячи таких подвижников создают и сохраняют музеи А.С. Пушкина в Михайловском, М.Ю. Лермонтова в Тарханах, Н.А. Некрасова в Карабихе, Л.Н. Толстого рядом с Тулой, И.С. Тургенева в Спасском-Лутовинове,

Ф.И. Тютчева в Овчухах, партизанский стан недалеко от шоссе Брянск-Орел. Туристы убеждаются в самобытности исторического стиля, важности опыта наследования, когда посещают Суздаль, награжденный орденом «Знак Почета» и отмеченный премией Союза журналистов «Золотое яблоко». В первозданном виде предстают перед гостями уникальные объекты во Владимире — Успенский и Дмитриевский соборы, Золотые ворота, а в Боголюбове — резиденция Андрея Боголюбского и церковь Покрова на Нерли.

В Советском Союзе постоянно укреплялась материальная база художественной литературы. В СССР в середине 80-х гг. действовало более 600 профессиональных театров, 170 концертных организаций, насчитывающих около 400 филармонических коллективов, в том числе 51 симфонический оркестр, 32 хоровые капеллы, работало 138 тыс. клубов и домов культуры, 1936 музеев, 1169 парков культуры и отдыха. В стране имелось 13 тыс. культурно-спортивных комплексов. Советские люди опережали граждан других стран по затратам времени на чтение литературы, по числу посещений музеев, художественных выставок, концертов[11].

Неиссякаемым источником, питающим национальное самосознание многих поколений было народное творчество. Прогрессивная зарубежная общественность давно признала расцвет народного творчества в нашей стране в годы советской власти. Характерной чертой социалистического образа жизни стало соединение усилий профессиональных и самодеятельных творческих коллективов.

Культура народов России неразрывно связана с социальным прогрессом, с поступательным движением человечества. Россияне и мировая прогрессивная общественность черпали вдохновение в социалистической культуре, в ее ценностных ориентациях. Творческая интеллигенция, занимавшая прогрессивные позиции, обогащала нравственную жизнь общества, содействовала идейному и нравственному росту человека труда, создавала талантливые, правдивые произведения.

Прогрессивная зарубежная общественность дала высокую оценку подлинному гуманизму и художественному мастерству советского кинематографа, кинорежиссерам и теоретикам кино В.И. Пудовкину, С.М. Эйзенштейну, С.А. Герасимову. Современные зрители отдают пальму первенства русскому и советскому балету. Постоянный успех за рубежом сопутствует Большому театру, Русскому народному хору им. М.Е. Пятницкого, ансамблю народного танца под руководством И.А. Моисеева, хореографическому ансамблю «Березка».

Герои творческих работ режиссеров театра и кино до 90-х гг. постоянно сверяли свои поступки с историческим опытом народа, с подлинными ценностями жизни. Творческая интеллигенция продолжала преемственную линию развития социалистической культуры первых десятилетий народовластия, когда особое внимание уделялось художественному отражению революционных событий 1905-1907 гг. — «Броненосец Потемкин», завоеваниям рабочих и крестьян в 1917 г. — «Мы из Кронштадта», «Депутат Балтики», «Ленин в Октябре», защите социалистического отечества в годы гражданской войны — «Чапаев», «Оптимистическая трагедия», первых социалистических преобразований — «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Великий гражданин», «Член правительства». Проблема преемственности традиций получила интересное решение в кинофильмах 60-80-х гг. — «Лев Толстой», «Председатель», «Премия», «Время желаний», «Обратная связь», «Твой сын, Земля», «Остановился поезд», «Мой друг Иван Лапшин», «Иди и смотри», в телевизионных работах — «В.И. Ленин. Страницы жизни», «Штрихи к портрету В.И. Ленина», «Долг», «Первые песни — последние песни».

Художественные традиции музыкальной культуры прошлого развиты в произведениях композиторов Г.В. Свиридова, Т.Н. Хренникова, Д.Д. Шостаковича, Р.К. Щедрина. Средствами музыки они донесли до слушателей гражданский пафос и образный строй русской и зарубежной классики.

Мотивы преемственности поколения ярко отражены в полотнах мастеров живописи, представлявшихся на Всесоюзных художественных выставках.

Преемственность культурных традиций отражена в произведениях В.В. Вишневского, Ф.В. Гладкова, Л.М. Леонова, В.А. Луговского, В.В. Маяковского, Н.Ф. Погодина, К.М. Симонова, А.К. Толстого, К.А. Федина, М.А. Шолохова. Они вошли в культурный фонд отечественной и мировой классики.

Для нашей современности и будущего Родины нужны высокоодаренные личности, имеющие высокий уровень общеобразовательной, профессиональной и культурной подготовки, способных всю свою жизнь работать на благо своего Отечества. Воспитать таких гармонически развитых людей возможно только при таком народовластии, когда страной будут управлять честные, добросовестные, любящие свое Отечество, самые передовые представители рабочих, крестьян и прогрессивной интеллигенции, имеющие высокий уровень образования, профессиональной подготовки и культуры.

Закономерной тенденцией стало осознание человеком самого себя в контексте исторического времени, ориентация его на свои историко-культурные идеалы и возможности их реализации. В современных условиях возрастает потребность человека пристальнее вглядеться в прошлое, воспользоваться его ценным опытом для решения сложных проблем настоящего времени и прогнозирования будущего.

Современные прогрессивные общественные движения и партии, заботясь об эффективных способах познания культурных ценностей, реставрации, реконструировании памятников культуры, проявляют максимум действий для практического преобразования жизни людей, от освобождения их от частной собственности и ее спутницы – безработицы, голодной смерти тысяч людей, особенно престарелого возраста, участников Великой Отечественной войны и тружеников трудового фронта. И когда будут устранены все социально-экономические предпосылки, политические амбиции и буржуазные, антинародные структуры, народ с облегчением возьмется за творчество, преобразования во имя Отечества, во благо человека труда. Для этого необходимо использовать печатные и непечатные средства воспитания настоящего человека историей, с тем чтобы он воспринимал революционные, боевые и трудовые традиции нашего народа. Важнейшим фактором гуманизма общества, сближения народов нашей многонациональной Родины остается прогрессивный государственный и общественный строй, в котором должны иметь руководящее положение люди труда – рабочие, крестьяне и прогрессивная интеллигенция. Их нравственные идеалы любви к своей Родине и трудовому народу, чувства долга, доброты, порядочности, милосердия, честности, чести восторжествуют, останутся в жизни людей в качестве вечных ценностей.

Примечания

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. . 20. С. 186.
2. Там же.
3. Муравьев А.В., Сахаров А.М. Очерки истории русской культуры IX-XVII вв. М., 1984; Зезина М.Р., Кошмян Л.В., Шульгин В.С. История русской культуры. М., 1990.
4. История русского драматического театра. В 7 т. М., 1977; Алленов М.М, Евангулова О.С., Лифшиц Л.И. Русское искусства X – начала XX века. Архитектура, скульптура, живопись, графика. М. 1989; История русской музыки. М., 1986.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве М. 1967. Т. 1. С. 155.
6. Швейцер А. Культура и этика. М. 1973. С. 11.
7. Советская культура. 1991. 12 мая.
8. Аргументы и факты. 1985. № 36. С. 3.
9. Наука и жизнь. 1985. № 3. С. 3.
10. Аргументы и факты. 1985. № 44. С. 4-5; Вестник статистики. 1986. № 3. С. 12,56,58.
11. Аргументы и факты. 1985. № 40. С. 6.

Ю.И. Курылев

М. ГОРЬКИЙ О СОЦИАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА, ЕЕ ФИЛОСОФСКОМ МИРОВОСПРИЯТИИ

Проблема русской интеллигенции волновала М. Горького фактически всю его сознательную, творческую жизнь. Свое отношение к ней писатель собирался высказать уже в первом издании "Очерков и рассказов" (1898 г.), посвятив очередной третий том "рассказам из быта мелкой интеллигенции". Об этом он писал тогда С.П. Дороватовскому: "Попробую, каков я буду в этой сфере"[1].

Каким же стал М. Горький в раскрытии данной темы? Прежде всего обращают на себя внимание два важных факта. Это то, что писатель видел социальную обусловленность постановки вопроса о роли и месте интеллигенции в российской жизни, насыщенной в ту пору классовыми столкновениями, социальными драмами и кровопролитиями. И далее то, что рассмотрение этого вопроса ведется в творчестве М. Горького в широком плане, охватывает по существу все сферы общественного развития.

Социальную детерминированность рассмотрения вопроса об интеллигенции М. Горький считал не только что сложившейся, а традиционно эволюционирующей, присущей России на протяжении последних двух столетий. Все это время развитие проблемы интеллигенции в жизни и литературе определялось в основном постановкой и ответом на такие вопросы, как интеллигенция и общество, интеллигенция и народ, интеллигенция и революция. А в конце XIX в. острота данной проблемы необычайно возрастает, с новой силой встает вопрос об отношении интеллигенции к назревающему в России национальному кризису, к

революции. Интеллигенция должна была определить свое место в жизни: с народом и его освободительным движением или с царской властью и укрепляющейся буржуазией?

Сложность в решении данного вопроса, а отсюда колебания большей части интеллигенции в различные периоды русского освободительного движения зависели, как свидетельствуют литературно-публицистические обобщения М. Горького, от расслоенности интеллигенции, ее неоднородности. Если буржуазная и социалистическая группы интеллигенции занимали определенные, соответствующие их интересам социальные позиции и практически оставались верными своему политическому выбору, то колеблющиеся группы — мелкобуржуазно-либеральная, радикальная и демократическая — стремились занять "среднюю" позицию между крайними лагерями борьбы за будущее России, а фактически переходили на сторону тех сил, которые диктовали свою волю отступающим или побежденным. Отсюда становится понятным, почему эта часть интеллигенции "играла" роль революционеров в 70-е годы и накануне 1905г. и почему они отказывались от служения народу в 80-е годы, когда была разгромлена "Народная воля", и после поражения первой русской революции. М. Горький определил такое поведение отечественной интеллигенции как приспособленчество ради своего выживания. Эта интеллигенция, хотя и мнила себя "мозгом нации", на практике была предателем интересов народных масс, не имеющим никаких собственных убеждений, никакой честности.

Социальное приспособленчество как личностное и групповое качество людей, появляющееся наиболее отчетливо в кризисных ситуациях, имеет под собой и философское "оправдание". Это — философия индивидуализма.

Из всех теоретических прикрытий индивидуализма писатель особо выделял стремление к достижению "духовной цельности", "совершенства личности" и поиска "полной свободы". Эти лозунги подкупали своей внешней привлекательностью и могли стать в питательной для них почве довольно сильным средством торможения хода истории. "Циники не очень глупы, — писал М. Горький, — они знают, что в современных условиях битвы всех со всеми человек дробится на куски, хочет он этого или нет.

Им известно, что духовная цельность невозможна и гармонизация своего "я" недостижима у человека, — нет для этого ни времени, ни места.

Но они все-таки зовут, заманивают и толкают в эту сторону, — один из приемов их борьбы с неизбежным.

— Свобода — там! — говорят они и указывают место около себя и, может быть, сбивая людей с прямого пути, количественно растут"[2].

Касаясь индивидуалистического требования "полной свободы", Горький отмечал, что было бы хорошо, если бы это требование (и проявление) не выходило за пределы мещанской среды и тем самым вылилось в процесс самоистребления тех, кто не нужен и враждебен жизни. "Но буря животной распущенности, мятеж обезумевших, — опасался писатель, — может захлестнуть своей волной драгоценнейшее в жизни — часть того юношества, которое растет и поднимается к вершинам духа из почвы его, из глубин народа.

Вот почему берешь на себя противную задачу посильно осветить тот процесс разложения человека, который льстецы именуют психологией современного культурного общества"[3].

В борьбе за свое спасение личность индивидуалиста, мельчая духовно и нравственно, не могла обрести стабильного, устойчивого положения (к чему она постоянно стремилась, не рассчитывая на возможность роста). И причиной этого выступал, прежде всего, характер буржуазной социально-экономической организации, формирующий в личности индивидуалистический анархизм и потребность заботы лишь о себе.

"Здесь каждый является вместилищем некоего мелкого своеобразия, — констатировал М. Горький, — каждый ценит себя как нечто совершенное, чему не суждено повториться, и принимая свое духовное уродство, свою ограниченность за красоту и силу, каждый напряженно подчеркивает себя и отъединяет от других"[4]. Разобщенность, погоня за личной "сытостью" заслоняют сознание общей опасности, а отсюда объективно обрекают индивидуалиста на неотвратимую гибель. В этой связи писатель отмечал и другие причины, обусловливающие разрушение личности — неспособность мещанства выдвинуть из своей среды достаточно сильных защитников его власти, потерю индивидуализмом прежних позиций в идеологическом обосновании своего существования и др. В России, помимо отмеченных причин общего порядка, были и национальные, "частные причины домашнего характера". Действие их М. Горький наглядно проиллюстрировал на примере развития русской интеллигенции. Идя в народ, интеллигент-разночинец 70-х годов вынужден был принять в качестве руководящей теории учение социализма. Это, по мнению писателя, явилось причиной начала раздвоения психики

народника, появление противоречия между индивидуалистическим строем его души и противоположным ему коллективистским принципом социализма. А то, что мужик не принял интеллигента-пропагандиста, не понял его и не поверил ему стало причиной поражения народнического просветительного движения, с которой М. Горький связывал начало интенсивного поправения русской интеллигенции.

В 80-х и первой половине 90-х годов интеллигенция, порывая с социализмом, занималась "упорядочением потрясенных событиями своих душ", личным самоусовершенствованием, впадала в ренегатство, пессимизм и даже религию. М. Горький с горечью писал об этом драматическом периоде в истории России: "После гибели сотен юных и прекрасных людей, после десятилетия героической борьбы величайшие гении рабьей земли (Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. — *Ю.К.*) в один голос сказали:

— Терпи.

— Ни противься злу насилием.

Я не знаю в истории русской момента более тяжелого, чем этот, и не знаю лозунга, более обидного для человека, уже заявившего о своей способности к сопротивлению злу, к бою за свою цель"[5].

Скрывая свое бессилие, интеллигенция (в определенной своей части) продолжала поиски нитей, связывающих ее с народом. С этой целью она стала переселяться в сельскую местность, "садиться на землю" и устраивать "интеллигентские колонии". Однако и это "опрощение" оказалось безуспешным. Более того, жизнь колоний вопреки замыслу их организаторов явилась демонстрацией злейшего, "нигилистячего, нашего самобытного" индивидуализма. "... В них (колониях. — *Ю.К.*) с поразительной быстротой выявлялась органическая неспособность интеллигента к дисциплине, к общежитию и немедленно черным призраком вставала роковая и отвратительная спутница русского интеллигента - позорно низкая оценка человеческого достоинства ближнего своего. Драма этих колоний начиналась почти с первых дней их основания: как только группа устремленных к "опрощению" людей начинала устраиваться "на земле" — в каждом из них разгоралось зеленым огнем болезненное, истерическое ощущение своей "самости" и "ячности"... Создавались отношения, полные враждебного надзора друг за другом, болезненной подозрительности, кошмарные отношения, насыщенные лицемерием иезуитов. В несколько месяцев физически здоровые люди превращались в неврастеников и, духовно изломанные, расходились, унося более или менее открытое презрение друг к другу"[6]. Все это вместе взя-

тое придавало процессу разрушения индивидуалистической личности сравнительно быстрое течение, углубляло его, доводя до появления признаков истерического состояния. "Может быть, здесь уместно будет указать, — писал М. Горький, — что наш интеллигентский индивидуализм неизбежно приводит людей в болезненное состояние, в высшей степени родственное истерии"[7].

М. Горький неизменно придерживался точки зрения, согласно которой в основе индивидуализма лежит субъективный идеализм, переходящий в солипсизм. Наряду с этим, писатель, очень тонко подмечавший особенности духовной жизни общества, сделал вывод о том, что индивидуализм в зависимости от социальной среды своего проявления принимает своеобразную философскую окраску, т.е. выступает в обрамлении различных философско-этических систем. Исходя из этого, М. Горький не ограничился общими рассуждениями о философии индивидуализма, а раскрыл ее содержание в многообразии различных форм проявления.

Так, в среде интеллигенции распространение индивидуализма сопровождалось, как полагал М. Горький, рядом философских систем: эгоцентризмом (солипсизмом), субъективизмом, рационализмом, волюнтаризмом и др. Все они, взаимодействуя, создавали благоприятную теоретическую атмосферу для утверждения индивидуалистического (даже анархического) "я". Но для интеллигенции, осознававшей нарастание новой общественной силы, противостоящей индивидуализму, была свойственна и такая философия, которая в большей степени, чем другие философские системы, выражала ее раздвоенную сущность, чувство нового, неизбежного и в то же время бессилие перед ним. Это - философия пессимизма или мировой скорби. Особенно к пессимизму была склонна художественная интеллигенция. Абсолютизируя свои личные переживания и неудобства, она возводила их на уровень мировых потрясений, скорбела о безвозвратно ушедшем в прошлое, выражала тревогу перед будущим.

Наряду с дифференцированным рассмотрением философии индивидуализма и полученными при этом выводами, М. Горький сделал новый шаг вперед в своих теоретических обобщениях: раскрыл общий генезис религиозно-философской подоплеки индивидуализма. На этапе своего становления индивидуализм прибегал к религии и мистике, создал бога — единого, непостижимого разумом и мистического; наделил его такими качествами, как всеведение, всемогущество, сверхразумность. Такой

бог необходим был индивидуализму для того, чтобы оправдать право личности на независимость и власть.

Однако мистический бог индивидуалистов, как отмечал писатель, всегда был "неподвижным, бездеятельным, творчески мертвым" и не мог быть иным, поскольку отражал внутреннее бессилие индивидуализма, противопоставившего себя коллективному разуму и труду. Поэтому на последующих ступенях развития индивидуализм с целью своего закрепления стал искать теоретического обоснования в различных философских системах, в том числе и материалистических. Это вначале, особенно в период борьбы с феодализмом, преграждавшим дорогу буржуазной личности, имело определенный успех. Но затем, по мере нарастания революционного движения и отказа мещанства от идей свободы, обозначилась тенденция изгнания разума и замены его верой, слепой и всегда надежной опорой авторитета. Происходило суживание философской основы индивидуализма: сохранялись лишь идеалистические системы, которые, способствуя усилению религии, пошли в фарватере возрождавшейся философии пессимизма. "Стали доказывать общую неразумность миропорядка, — писал М. Горький, — это хорошо отвлекает от мышления о неразумности порядка социального. Мещанин ставил себя в центр космоса, на вершину жизни, и с этой высоты осудил и проклял вселенную, землю, и главным образом — мысль, пред которой он еще недавно идолопоклонствовал, как всегда заменяя непрерывное исследование мертвым догматизмом"[8].

Обращение к пессимизму, начавшееся во втором десятилетии XIX века, имело, как отмечал М. Горький, и другие причины, в частности в этом сказалась относительная самостоятельность в развитии идей, их отставание от ушедших вперед условий жизни. "В 1812 году лорд Ноэль Байрон опубликовал первые песни "Чайльд Гарольда", а вскоре после этого Джакомо Леопарди, граф Мональдо, философ и поэт, начал проповедовать, что знание обнаруживает только бессилие разума, что все в мире — "суета сует" и только страдание и смерть — истинны. Мысль — не новая, — ее очень красиво оформил Екклезиаст, ее проповедовал Будда, она отягощала разум Томаса Мора, Жан-Жака Руссо и многих людей большого ума и таланта. Возрождение этой мысли Байроном и Леопарди трудно объяснить одной только скорбью представителей феодального дворянства, побежденного буржуазией, но, разумеется, унаследовав земли аристократов, мещанство унаследовало и некоторые идеи их, — идеи обладают вредной способностью переживать условия, которыми они созданы"[9]. Живучесть философии пессимизма М. Горький

объяснял еще и тем, что она, утверждая бессмысленность бытия, вполне удовлетворяла запросы малоищущих умов, успокаивала любителей покоя и группировала вокруг себя достаточно устойчивых приверженцев.

Возрождение пессимизма шло сравнительно быстро, и поэтому уже к двадцатым годам XIX века он получил широкое распространение. "Уже в двадцатых годах столетия "мировая скорбь" Байрона, — писал М. Горький, — превращается у мещан в то состояние психики, которое Петрарка называл "acedia" — кислота — и которое Фойгт определяет как "вялое умственное равнодушие". Наш талантливый и умный Шахов, может быть, несколько упрощенно говорит об этом времени: "Пессимизм двадцатых годов сделался модой: скорбел всякий дурак, желавший обратить па себя внимание общества"[10].

XIX век М. Горький считал по преимуществу веком проповеди пессимизма. И это несмотря на то, что в мире шло мощное развитие науки, техники, промышленности, торговли, проводилась бесчеловечная, циническая эксплуатация "белых и цветных рабочих всей земли". Но пессимизм распространялся, и главной причиной этого являлось "сознание личностью непрочности ее социального бытия". "...Шопенгауэр, Гартман, Леопарди, Штирнер и многие другие философы, - продолжал М. Горький, — укрепляли это сознание проповедью космической бессмысленности жизни, — проповедью, в основе которой коренилось, разумеется, то же самое сознание социальной беззащитности, социального одиночества личности"[11]. Не говоря уже о народе, эту непрочность чувствовали на себе и эксплуататорские классы, причем у последних она имела тенденцию к нарастанию.

Под влиянием идей пессимизма развитие философии индивидуализма шло на протяжении более столетия. Это находило свое выражение в скептицизме, агностицизме и нигилизме (интеллигентском анархическом нигилизме), в появлении крайних форм анархизма и эгоцентризма, ведущих к последней степени деградации личности и превращению ее в лишнее для общества существо (фактически, отказавшееся от своей социальной принадлежности и действующее лишь по собственному усмотрению). В области этики возрождался квиетизм, наиболее верно передававший основное настроение интеллигента-индивидуалиста — равнодушие, проповедь пассивно-созерцательного отношения к жизни, отказ от активной деятельности, безразличие к добру и злу, примирение со всеми страданиями, безусловное подчинение "божественной воле". В унисон с ним развивались теории самоусовершенствования личности, непротивление злу насилием. Все это духовное обличие, будучи одетым

в "черный плащ пессимизма", являло собой затасканное обветшалое теоретическое тряпье, изношенные места которого можно было прикрыть только скорбью, жалостью к себе. Но скорбя в предчувствии неизбежного будущего, буржуазная интеллигенция переносила свои неизлечимые пороки на все общество, предрекала ему скорую гибель. Понимая несостоятельность этого, М. Горький глубоко верил в новые силы современного общественного прогресса и показывал не "закат Европы" или всего мира, а деградацию и вымирание буржуазии. "...Следует упомянуть в ряду немецких пессимистов, — писал он, — Вейнингера, автора мрачной книги "Пол и характер", и Шпенглера, автора книг "Закат Европы", "Человек и техника".

"Закат Европы", то есть духовное оскудение ее, истощение талантов, нищета и убожество организующих идей, — все это явления, свойственные не только Европе, но и обеим Америкам, да и всему миру. Погасли яркие звезды в небесах буржуазии!"[12]

Подводя итог развития философии индивидуализма, М. Горький констатировал, что та теоретическая система, которая порывает со своим живым источником — народом, его трудовой деятельностью, питающей идеи материалистическим содержанием, — неминуемо приходит к краху. "История бесплодных колебании религиозного, метафизического мышления индивидуалистов известна каждому грамотному человеку. В наше время бессилие этих "умозрительных" колебаний обнаружилось с неоспоримой ясностью и обнаружило полное банкротство философии индивидуалистов"[13].

Знание прошлого помогает давать более правильные оценки происходящих событий в настоящем и предвидеть тенденции развития в будущем. М. Горький всем своим творчеством утверждал эту истину. И сейчас, когда в нашей стране резко обострилась ситуация, охватившая не только социально-экономические и политические отношения, но и духовные, вновь встали (конечно, в "снятом" виде) проблема интеллигенции. Как и в кризисную эпоху конца XIX – начала XX века, интеллигенция в своем большинстве оставила народ (в лучшем случае заняла позицию стороннего наблюдателя), оправдывает проводимые "реформы", защищает антинародный режим. И все это она проделывает, прикрываясь фальшивыми лозунгами борьбы за демократию, свободу, возрождение. Живя сегодняшним днем, заботясь о своем благополучии, интеллигенция, очевидно, не извлекла для себя уроков из истории. А они не в пользу ее: интеллигенция, порвавшая с народом, не имеет будущего.

Примечания

1. М. Горький. Собрание сочинений в 30-ти томах. М.: ГИХЛ, 1948-1955. Т. 28. С. 29.
2. Там же. Т. 24. С.18.
3. Там же. С. 17.
4. Там же. С. 43.
5. Там же. С.53.
6. Там же. С. 56
7. Там же. С.58.
8. Там ж. С.46.
9. Там же. Т. 26. С. 280-281
10. Там же. Т. 24. С. 47.
11. Там же. Т. 27. С. 216-217
12. Там же. Т. 26. С. 281-282.
13. Там же. С. 28-29.

В.А. Фортунатова

СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ И ИХ ИСПЫТАНИЕ НА "ВЕЧНОСТЬ"

Интеллигент в России — трагическая фигура из-за своей исторической миссии посредника между высокой дворянской и демократической культуры, а также особой социальной прослойки между государством, которое всегда относилось к интеллигентам с подозрительностью, и народом, которому интеллигенция чужда своими занятиями, обликом, манерами, языком, образом жизни.

Необходимый индивидуализм, присущий творческому сознанию, и вынужденная изоляция, в которой оказывается интеллигент, развивает в нем повышенную рефлективность — сущностную характеристику интеллигентского мышления.

Отечественная интеллигенция прошла в своей эволюции классическую стадию с момента возникновения в 60-х годах прошлого столетия до революционных событий нынешнего века; героическую — этап становления советской интеллигенции, характеризующийся полным разрывом с традициями старой культуры; "нэповскую", когда на смену интеллигентам приходят "спецы", — процесс, названный Б. Эйхенбаумом "вторичной европеизацией" новой русской культуры[1].

Дальнейший процесс превращения "спецов" в "образованцев" (определение А.И. Солженицына) означал разрушение культурного слоя в стране под натиском атакующей агрессивности малообразованной части населения. Массовость высшего образования, партийный контроль за "социально-классовым" составом нашей студенческой аудитории, идеологизированность учебного процесса породили слой полуинтеллигентов, не имеющих определенной цели в жизни, но глубоко убежденных в своей принадлежности к элите общества.

Расхождения между данным и желаемым, известные грезы и мечтательность, традиционно присущие русскому интеллигенту, сохранились и даже упрочились в наши дни. Переживания по поводу несоответствия своей судьбы тем склонностям и намерениям, которые интеллигент имеет, приобрели характер некой философии "пупизма" (иногда более изящно называемой "нарциссизмом"). Особенно это проявляется в отношении интеллигенции к современной власти. "Любая власть плоха, если в ней нет меня и моих единомышленников", — примерно так можно сформулировать основные умозаключения в этой связи.

Интеллигенция сегодня выше ценит материальные условия жизни, чем ее предшественники. А.П. Чехов, воплощающий собой тип русского интеллигента в его чистом виде, писал о людях подвига, веры и ясно осознанной цели: "Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое, стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, голоду, к тоске по родине, к изнурительным лихорадкам, их фантастическая вера в христианскую цивилизацию и в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу. А где эта сила, перестав быть отвлеченным понятием, олицетворяется одним или десятком живых людей, там и могучая школа"[2].

В наши дни проблема "вынужденной жертвенности", обреченности на нищее существование, материальной ограниченности отнюдь не связана с духоподъемностью, с желанием пострадать "во имя", а скорее — с пассивностью и социальной инертностью, которые возводят в ранг личной добродетели.

Большая часть современной отечественной интеллигенции подвержена греху уныния, несовместимому с представлением о "культурном

оптимизме" (Ю.М. Лотман), который еще со времен Н.М. Карамзина призван наследовать каждый просвещенный человек.

Вера в лучшее, в человека, в развитие человечества, в силу знаний и созидательного труда сегодня подвергаются жестокому осмеянию поп - и масскультурой. Атрибутом же "интеллигентного" мировосприятия считаются скепсис, ирония и злорадство. Умение быть счастливым, т.е. находится в гармонии с окружающим миром, можно считать следствием развитого сознания, толерантности, отсутствия непомерных притязаний.

Уходящий XX век актуализировал такие понятия, как "разброс", "разложение", "разъединение", "расторжение" и т.п. Интеллигенты, всегда болезненно пережившие "распавшуюся связь времен", теперь мучительно ищут новые замысловатые пути к давно утраченному, "старому" отношению людей друг к другу и к природе. Теория архетипов, историзация мышления, различные теории интерпретации культурных текстов — все это разрозненные попытки интеллигенции упорядочить хаос, усмирить стихию, выявить согласованность или хотя бы детерминированность норм и идеалов современного бытия.

Кардинальные усилия в этом направлении должны быть связаны с формированием гомоцентрического сознания. Исторический опыт русской интеллигенции актуализируется в новой эпохе. С одной стороны, от "новых людей" требуется универсальность полученных знаний. Узкопрофильность общей подготовки, точечная специализация, ведущие к "точке зрения", не могут отвечать требованиям времени. Давнее назначение интеллигенции не только создавать культуру, но и хранить ее. Эта "накопительная" функция, воплощающаяся в фиксации, передаче культурной информации, связана с образовательной миссией русского интеллигента — *учителя*, знающего ответы на "самые главные вопросы", мудрому и целеустремленному в своей подвижнической жизни, способному "дать образец", стать примером для подражания, воспитать единомышленников. Вместе с тем востребованы временем и мультиинструменталисты, полистилисты, "технари" с гуманитарным образованием, гуманитарии, владеющие практическими навыками, специалисты по интеграции и конвергенции.

Одними из индикаторов такого широкого гуманитарного мышления является язык общения. Речь современных интеллигентов способна повергнуть в жесточайшее уныние. Способность "говорить ясно, легко и приятно" (Н.М. Карамзин) кажется утраченной вовсе, точно так же, как и умение говорить образно и убедительно. Взамен этих требований к

интеллигентной речи пришла распущенность и вседозволенность, лексика уголовника, канцелярит и нецензурная брань. "Так жить нельзя!" — восклицает известный кинорежиссер Станислав Говорухин и подкрепляет свой вывод с телеэкрана отборной руганью. Ему вторит с той же заборной экспрессией актер, которого почему-то считают воплощением интеллигентности в отечественном кинематографе (А. Баталов), не отстают музыканты, писатели, художники… Культура как внутренняя цензура для интеллигента не существует больше в таком своем назначении прежде всего для самих деятелей современной культуры.

Влияние интеллигенции на тип окружающей среды невероятно велико. Эти процессы воздействия необходимо изучать и осмысливать для формирования важнейших личностных черт, культуры устойчивых патернов поведения. В тех случаях, когда интеллигентность по сути приравнивается к культуре "как исторической сверхпсихической реальности, не зависящей ни от индивидуальной инициативы, ни от коллективных человеческих усилий"[3], не происходит подмены самостоятельных понятий, поскольку в таком истолковании культура может идентифицироваться с интеллигентностью.

Основательность и разносторонность — вот главные требования к личности XXI века, призванные воплотить собой подвижное равновесие между реальностью и умозрением. Универсализм отнюдь не означает столь распространенные ныне верхоглядство и некомпетентность. Напротив, высокий профессионализм, понимаемый как доскональное знание материала и владение инструментарием своей деятельности, сегодня востребован как никогда ранее.

И еще внеидеологичность отличает сегодня подлинного интеллигента. Это качество вовсе не сходно с аполитичностью и общественной пассивностью. Оно просто означает отсутствие сиюминутной конъюнктуры. Бескорыстное стремление к истине, а не к получению выгод от служения тем или иным идеологемам общественного или политического сознания. К сожалению, обратных примеров сегодня несть числа, и русская интеллигенция, отрекшаяся вначале от Бога, а затем от партии, составлявшей весь "ум, честь, и совесть" эпохи, сегодня зависла в пограничном состоянии, ожидая указующего перста.

Обобщая исторический материал из жизни этой категории людей, Григорий Померанц создал схему пяти категорий поведения отечественных интеллигентов за последний исторический период: "Первая помечена именем Джордано Бруно (гореть будем, но не откажемся от своих убеждений); вторая — именем Галилея (а она все-таки вертится);

третья — безликая (ни в городе Богдан, ни в селе Селифан); характер четвертого сорта выражен шуткой Светлого: "Сурков — человек порядочный, делая вам гадости, он не испытывает от этого удовольствия"; пятый — нечто вроде Лысенко, Презента, Кочетова, делающих гадости с наслаждением"[4].

Человек рождается в среде рабочих или крестьян, в городе или деревне. Это предопределено его судьбой. Однако независимо от условий своего появления на свет и от среды обитания у каждого человека есть возможность стать интеллигентом, исповедовать принципы интеллигентного мироощущения и жизнеустройства. В этом заключается глубокая внутренняя демократичность этого движения, основанная прежде всего на демократии духа.

Именно этого не понимают и не признают за интеллигентами их вечные гонители, не способные понять, что духовность и образованность разрушают социальные преграды и уравнивают людей. Подобное равенство не поддается умопостижению всех тех, кто продолжает себя считать "униженным и оскорбленным", впадающих в ярость при столкновении с честью, достоинством и выдержкой людей *воспитанных*, перешагнувших средний уровень толпы и "предавших", по мнению своих оппонентов, тем самым народ.

И вновь призывы к изгнанию интеллигенции "народно-патриотического" общества, вновь поношение и проклятия на головы тех, кто выбивается из толпы невежд. "Самовыделение интеллигенции, — пишет современный автор, — явилось трагическим шагом, содействовавшим дестабилизации и разрушению общества"[5]. Вновь интеллигенция оказалась "крайней", вновь она ответственна за недомыслия тех, кто себя ее противопоставляет.

Смирение и терпение — эти христианские добродетели весьма востребованы в нынешней общественно-исторической ситуации. Интеллигенция, исповедующая высокие гуманитарные традиции, прошедшая испытание на нравственность, талант и способность к творческому созиданию, понимающая перспективы развития, а не кликушествующая по поводу тупика и туннеля, способна примирить крайности, указать путь к гармонии, а не вражде, единению, а не к отчуждению. Первоначальный индивидуализм в ходе исторической эволюции оказался заменен требованием соединить свой личный опыт с опытом предшествующих поколений и рядом живущих людей. "Нет надобности в широкомасштабных идеологиях развития"[6], — справедливо замечено в заметках об общественной роли постсоветской интеллигенции, — необходимо создать только одну — идеологию "интеллигентного интеллигента".

Европейская по своей природе, как неоднократно указывал академик Д.С. Лихачев, русская культура сегодня выходит на свой, уготованный ей путь. Дистанция между Европой и Россией состоит уже не столько в экономических расхождениях, она приобрела, по словам известного кинорежиссера Александра Сокурова "уже и гуманитарный порядок".

"Мы будто расстаемся с Европой, — добавляет он , — возникли необратимые процессы"[7].

Не стоит тревожиться по поводу этой тенденции. В XX веке мы пережили две крайности в отношении Европы — "железный занавес", который отгородил нас от мира на протяжении 70 лет, и полнейшая зависимость и униженность перед благами западной цивилизации. Экономический кризис означал также крах культурных иллюзий и надежд на то, что "все образуется" без нашего участия. Теперь обретение пути будет означать не слепое следование образцам, а обретение новой культурной ориентации. В этих условиях интеллигенция становится приоритетным социокультурным фактором отечественного развития.

Примечания

1. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях. М.; Харьков, 1995. С. 105.
2. Чехов А.П. Собрание сочинений. М., 1956. Т. 10. С. 389.
3. Бидни Д. Концепция культуры и некоторые ошибки в ее изучении// Антология исследований культуры. Т .1. СПб, 1997. С. 87.
4. Померанц Г. Пузыри духа // Литературная газета. 1998. 18 марта. С. 10.
5. Клеченов Г. Прощай, интеллигенция! // Молодая гвардия. 1998. №1. С. 7.
6. Гудков Л.Д.. Дубин Б.В. Цит. изд. С. 5.
7. Культура. 1999. №19. 3-9 июня. С. 8.

Б.П. Шулындин

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА

Нет такой другой социальной группы, роль которой в развитии общества вообще и в судьбах российского общества в частности оценивалась бы в современном российском обществе настолько противоречиво. В связи с этим важно точно определить место этой социальной группы в социальной структуре общества, охарактеризовать ее сущность.

Научный подход к общественным явлениям предполагает выделение их объективной основы. Для общества в целом такой основой являются так называемые материальные общественные отношения, т.е. та сторона реальных общественных отношений, которая обусловлена обязательным для всякого общества процессом материального воспроизводства самих людей как материальных существ — общим процессом взаимодействия людей с природой, в ходе которого люди используют вещество и силы природы (в том числе — заключенные в их собственных организмах) для поддержания своего собственного существования как материальных существ, функционирования и развития общества. В свою очередь, материальные общественные отношения в конечном итоге определяются уровнем развития производительных сил общества, характеризующих отношения людей с природой в процессе материального производства. Развитие производительных сил, происходящее вследствие накопления и развития производственных навыков, развития науки, техники, технологии, приводит к смене базовых качественных характеристик процесса взаимодействия людей с природой, к замене типов такого взаимодействия. Разные типы взаимодействия людей с природой — технологические способы производства требуют и соответствующих типов взаимоотношения людей в процессе материального производства, материальных общественных отношений — общественных способов производства.

Тип материальных общественных (производственных) отношений — общественный способ производства можно охарактеризовать следующими необходимыми и достаточными тремя взаимосвязанными качественными параметрами: характером собственности на средства производства (кто владеет средствами производства), распределением ролей в общественной организации труда (кто выступает в роли организатора производства, ставит перед ним цели и задачи) и способом (принципом) распределения производимых материальных благ. Любые общественные отношения есть не что иное, как отношения между некоторыми большими социальными группами, каждая из которых включает людей, обладающих сходными социальными параметрами, сходным местом в общественных отношениях. Поскольку с позиций научного подхода определяющей стороной общественных отношений являются материальные общественные отношения, а социальные группы должны выделяться, прежде всего, как некие устойчивые социальные образования, существующие в течение достаточно большой по времени исторической эпохи, постольку особый интерес для характеристики любого общества

должны представлять те социальные группы, которые неразрывно связаны с определенным типом материальных общественных отношений, само существование которых раскрывает сущность этого типа отношений. Эти социальные группы и характеризуются в научно-материалистической, в частности — в марксистской, традиции понятием классов, хотя оно, как известно, было введено в научный оборот еще до появления марксизма.

Поскольку всеми исследователями интеллигенция рассматривается как внеклассовая социальная группа, необходимо для характеристики ее места в социальной структуре четко представить место в этой структуре классов. Как уже было отмечено, тип материальных общественных отношений определяется тремя характеристиками. Следовательно, именно с этими характеристиками должно быть связано место в общественных отношениях того или иного класса. Классы — это большие группы людей, объединенные местом (которое отличает их от других классов) в исторически определенной системе (типе, способе) общественного производства. Поскольку система (тип) общественного производства определяется приведенными тремя базовыми характеристиками, то место класса в определенной системе общественного производства характеризуется тремя конкретными признаками: отношением к средствам производства с точки зрения владения и распоряжения ими (отношение к собственности); ролью, которую эта социальная группа играет в организации общественного производства (не в самом производстве, а именно в его организации) и определенным способом получения производимых материальных благ. Именно так и построено известное классическое определение классов[1].

Классы, таким образом, это большие группы людей, занимающие не просто особенное место в общественном производстве (особое место в общественном производстве свойственно и другим социальным группам, как являющимся составной частью того или иного класса, так и занимающим такое место в социальной структуре, которое не относится к классам — например, профессиональным группам), а именно в определенном типе производственных отношений, в общественном способе производства, т.е. группы людей, *само существование которых неразрывно связано с определенным исторически сложившимся способом производства, выражает его сущность.* Другими словами, классы - это такие группы людей, существование которых обязательно следует принимать во внимание при раскрытии смысла, сущности определенного типа общественных отношений. Те социальные группы, существование

которых не связано с сущностью определенного исторического способа производства, какую бы важную роль они ни играли в развитии общества на том или ином этапе, не являются классами. К одной из таких групп и относится интеллигенция.

Поясним сказанное на примере общества классического капитализма (пик развития которого, по нашему мнению, приходится на начало XX века). Сущность этого типа общества, способа производства заключается в том, что в его рамках как минимум существует две группы людей, одна из которых — буржуазия — безраздельно владеет и распоряжается средствами производства (отношение к средствам производства), выступает поэтому в роли организатора общественного производства, получает произведенные материальные блага на основе устанавливаемых ею способов распределения пропорционально доли находящихся в собственности средства производства, а другая — пролетариат — лишена средств производства и потому вынуждена наниматься к владельцам средств производства, соединяя свой труд с действием средств производства, играет подчиненную роль в организации производства и получает производимые материальные блага в соответствии с принципом их необходимости для воспроизводства своей рабочей силы, отдавая владельцам средств производства производимый прибавочный продукт. Для существования капиталистического способа производства в абстракции достаточно существования во взаимодействии именно этих двух социальных групп. Они-то и являются классами собственно капиталистического способа производства и соответственно основными классами общества, где господствует капиталистический способ производства. Если в реальном обществе наряду с капиталистическим способом производства существуют пережитки феодализма, то в качестве неосновных классов в нем существуют классы феодалов и крестьян, представляющих феодальный способ производства. Однако эти классы постепенно разлагаются, и из них формируются классы капиталистического способа производства и другие социальные группы. Часто и собственно крестьян как класс феодального общества, и вышедших из него представителей буржуазии, пролетариата и других социальных групп, занятых в сельскохозяйственном производстве, именуют крестьянами, но следует учитывать, что в этом случае данное понятие не характеризует класс как таковой.

В реальном капиталистическом обществе, даже без учета разлагающихся классов, связанных с предшествующими и не изжитыми полностью способами производства, существуют и другие, кроме буржуазии

и пролетариата, социальные группы, которые не являются, однако, классами. Те из них, которые занимают промежуточное социальное положение между классами, можно характеризовать как социальные прослойки. Так, в капиталистическом обществе всегда существует достаточно многочисленная прослойка мелкой буржуазии, т.е. социальная группа, подобно буржуазии владеющая средствами производства, участвующая в определенной мере (хотя при определяющей роли буржуазии) в организации производства, но подобно пролетариату не эксплуатирующая чужой труд. Эта группа не является классом, так как ее существование не связано с определенным историческим способом производства.

В капиталистическом обществе имеется и многочисленная группа людей, *не владеющих средствами производства, но и не использующих их в своей профессиональной деятельности, не связанных непосредственно с процессом материального производства, хотя и занятых трудовой деятельностью*. Это и есть интеллигенция как социальная группа, «однопорядковая» с классами, но не являющаяся классом. Происхождение термина «интеллигенция» говорит о преимущественно интеллектуальном характере профессиональной деятельности представителей этой группы, но такой характер труда не определяет современный смысл этого понятия (в конце XX века в профессиональной деятельности некоторых представителей рабочего класса, например наладчиков автоматизированных линий, доля затрат интеллектуального труда может быть выше, чем в профессиональной деятельности некоторых представителей интеллигенции, например рядовых служащих). На начальном этапе развития капитализма социальная группа интеллигенции по своему реальному социальному положению была достаточно близка к средней буржуазии, поэтому с полным правом ее можно было охарактеризовать как «прослойку». В современных условиях интеллигенция во всех развитых странах является большой социальной группой, причем достаточно неоднородной. Она включает как наемных работников, государственных и муниципальных служащих, так и лиц так называемых свободных профессий, а в другом отношении — как эксплуатируемых, так и тех, с кем правящие классы делятся прибылью (крупные управляющие, парламентарии и т.д.). Поэтому характеризовать ее как прослойку сейчас было бы необоснованно.

Из вышеизложенного ясно, что ни одно из понятий: «пролетариат», «лица наемного труда», «эксплуатируемые», характеризующих социальные группы капиталистического общества, не является полностью тождественным другому. Не равнозначны и понятия «пролетариат» и

«лица преимущественно физического труда», «интеллигенция» и «лица преимущественно интеллектуального труда».

Отвлекаясь от характеристики именно капиталистического общества, переходя к обобщению, справедливому для общества с любыми способами производства, можно определить интеллигенцию как особую *социальную группу, к которой относятся члены общества, в своей профессиональной деятельности не включенные непосредственно в процесс материального производства, профессиональная деятельность которых не связана с прямым использованием средств производства.* Под непосредственной связью профессиональной трудовой деятельности с материальным производством понимается связь без промежуточных звеньев — других видов профессиональной деятельности. Такая непосредственная связь может выражаться как в форме прямого включения трудовой деятельности человека в технологический процесс (например, немеханизированный ручной труд на производстве или труд рабочего на простой конвейерной линии), так и в форме труда по контролю за технологическим процессом, по профилактике, перенастройке и ремонту оборудования (например, труд наладчика автоматической линии). К интеллигенции следует относить людей, профессиональная деятельность которых оказывает влияние на материальное производство лишь косвенно, через влияние на профессиональную деятельность тех, кто непосредственно участвует в процессе материального производства.

Конечно, связь с материальным производством и влияние на развитие материального производства (заметим кстати, что «близость» к материальному производству отнюдь не пропорциональна влиянию на его развитие) разных отрядов интеллигенции может быть разной, ведь к социальной группе интеллигенции относятся государственные и муниципальные служащие (от самого высокого ранга до низших канцелярских должностей), представители науки, образования, искусства и культуры, менеджеры и служащие предприятий и организаций разных форм собственности, инженерно-технические работники, однако все они характеризуются общим признаком — отсутствием непосредственной включенности в материальное производство. Даже наиболее близкие к материальному производству инженеры и техники «предоставляют» плоды своего труда для использования их теми, кто непосредственно в этом производстве участвует.

Современный технологический переворот приводит к ряду тенденций в развитии общества и социальной его структуры (некоторые из них вместе с понятием современного технологического переворота охарактеризованы в работе[2]), к которым можно отнести «размывание» социально-классовой структуры (не в смысле ее исчезновения, а в плане меньшей зависимости социального положения людей от классических классовых характеристик), усиление процесса дифференциации интеллигенции по ее социальным характеристикам и сближения определенных ее отрядов с теми или иными существующими классами, постепенное формирование «неоклассов» в силу возрастания роли тех социальных параметров, которые не относятся к собственно классовым[3].

Приведенная выше характеристика понятия интеллигенции и отмеченные тенденции позволяют на научной основе понять и объективно проанализировать ту роль, которую сыграла интеллигенция в развитии общества вообще и которую она должна сыграть в следующем веке, найти объективные основания тех противоречивых оценок, которые даются ныне роли интеллигенции в развале мировой социалистической системы. Приведем лишь некоторые соображения на этот счет.

Объективный, не идеологизированный взгляд на общество, существовавшее в СССР и других социалистических странах, прежде всего, с точки зрения реальных отношений собственности на средства производства, позволяет охарактеризовать эти общества как общества с элементами частного характера собственности на средства производства, а значит — общества с элементами классовых антагонизмов (прежде всего, между основной массой рабочих и интеллигенции, с одной стороны, и частью партийно-государственного аппарата высшего звена, тесно связанной с ней частью интеллигенции, представителями «теневой экономики» — с другой). Эти противоречия выражались, в частности, в отстраненности больших масс населения, в том числе — интеллигенции, от реального участия в управлении общественными делами, общественным производством.

Наибольшее разочарование в расхождении между внедрявшимися в массовое сознание представлениями о социализме и реальным положением дел испытывала именно интеллигенция как наиболее интеллектуально развитая честь общества. С другой стороны, часть интеллигенции, наиболее тесно связанная с правящим бюрократическим слоем, постепенно перерождалась в потенциально новый правящий класс собственников и его интеллектуальную «обслугу». Реальное классовое расслоение общества неизбежно порождало развитие индивидуализма, прежде всего, в среде интеллигенции, и без того, в силу индивидуализированного характера труда, ориентированной на индивидуализм в большей мере, чем другие социальные группы. Эти обстоятельства и привели к той

роли в развале страны, которую сыграла значительная часть интеллигенции.

Вместе с тем неправильно было бы характеризовать эту роль однозначно, учитывая сильную дифференциацию интеллигенции как социальной группы. Ведь среди противников проводившихся сверху общественных преобразований наиболее активную роль также играли представители интеллигенции.

Без интеллигенции, дальнейшей ее активизации в современных условиях российское общество не может обойтись в процессе решения задачи выхода из нынешнего глубокого кризиса. Общественные силы, заинтересованные в сохранении страны и выходе общества из системного кризиса, не только словами, но и делами должны привлечь основную массу интеллигенции на свою сторону.

При анализе существующих в российском обществе противоречивых оценок роли интеллигенции в произошедших за последние десятилетия событий необходимо также учитывать, что в массовом сознании (а иногда и в научных работах) зачастую неоправданно отождествляются понятия интеллигенции как элемента социально-классовой структуры общества (именно такое понятие охарактеризовано выше) и как интеллектуальной элиты общества, причем само понятие интеллектуальной элиты связывается исключительно с уровнем образованности относящейся к ней категории людей. Как уже отмечалось, с интеллектуальностью связана лишь этимология слова «интеллигенция», но этот признак вовсе не является присущим интеллигенции как социальной группе, однопорядковой с классами. Конечно, спорить о терминах бессмысленно: как утверждает русская поговорка, «хоть горшком обзови, только в печь не ставь».

Под интеллигенцией можно понимать и интеллектуальный авангард общества, социальную группу людей, яснее других представляющих, что надо делать обществу, в каком направлении оно должно развиваться, и готовых отдать борьбе за прогрессивное развитие общества все свои силы (именно такое понимание интеллигенции свойственно было российскому обществу в XIX веке, само слово «интеллигенция» возникло в русском языке именно для характеристики такой социальной группы, в зарубежной литературе до сих пор чаще используется термин «интеллектуалы»). Однако и при таком понимании не следует смешивать характеристики «интеллектуальный авангард общества» и «интеллектуалы». Последнее понятие более широкое и включает не только тех, кто использует свои интеллектуальные возможности на благо общества,

но и тех, кто эти возможности использует в узкоэгоистических и узкогрупповых интересах.

Для интеллигенции в узком смысле характерен не просто высокий уровень интеллекта, а такая черта, которая свойственна российскому менталитету, носит название «духовности»[4] и представляет собой способность личности в своем мышлении, в своих действиях и поступках «выходить» за рамки своей собственной жизни, своего собственного существования, ставить общественные интересы выше собственных. Отождествление *интеллектуальности* и *духовности* является одной из причин того, что часть интеллигенции совершенно неоправданно мнит себя «мозгом нации», представляя собой нечто совсем другое.

Уточнение понятия интеллигенции, различение разных его смыслов абсолютно необходимо для научного, объективного анализа исторических событий, роли в них интеллигенции, для разработки мер по ее активизации в решении проблемы вывода российского общества из нынешнего глубокого кризиса, в возникновении которого сама интеллигенция сыграла далеко не последнюю роль.

Примечания

1. Ленин В.И Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.
2. Шулындин Б.П. Собственность и рынок: вопросы методологии // Общество и экономика. 1998. № 1. С. 71-91.
3. Там же.
4. О понятии духовности: Шулындин Б.П. Российский менталитет и государственное устройство // Государственное устройство и народ. Диалог мировоззрений: Материалы международного симпозиума. 2-3 июня 1997 г. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 1997. С. 12-18.

В.В. Агудов

КУЛЬТУРА МЫШЛЕНИЯ — ВЕДУЩИЙ ПРИЗНАК ИНТЕЛЛИГЕНТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Квалифицированное владение закономерностями интеллектуальной деятельности, прежде всего — *закономерностями логико-методологического мышления* как его инструментария, всегда являлось определяющим признаком интеллигентности. Через призму именно этого фун-

даментального свойства формируются и все остальные характерные черты работника именно умственного, духовного труда, т.е. его научная и художественная квалификация в соответствующих профессиональных отраслях знания, его нравственно-политический кругозор и отношение к социальной картине мира, отношение к искусству и даже характер отношения к религиозным и другим вненаучным системам взглядов. Это давно известная аксиома, хотя на нее мало кто обращает внимание и отдает себе отчет в ее функциональном существовании. Но она есть и постоянно действует, составляя исходную основу *культуры мышления* личности, тем более интеллигента как профессионала, который без наличия такого интеллектуального свойства, — свойства правильно мыслить, — просто не может состояться.

Однако бурные события последнего десятилетия прискорбно-наглядно показали, что большая часть нашей многократно возросшей в числе интеллигенции, особенно художественной (почему-то определяемой как «творческая» в отличие от остальной, надо полагать, — «не творческой», странная для интеллигенции дихотомия) от обладания этим основополагающим качеством оказалась, увы, несколько отдаленной, а порой и просто отчужденной. Наши представители социальной, межклассовой «прослойки» с легкостью необыкновенной поддались наивной эйфории псевдодемократических идеалов и сомнительных целей повсеместной рыночной либерализации системы общественных отношений, разрекламированных в зарубежных и своих СМИ. Именно такая «перестройка» и должна была по представлениям ее профессионально недалеких адептов в рекордно короткие сроки (через каких-то 2 – 3 месяца, через 500 дней, через год – два и т.д.) привести страну к мощному, если не фантастическому, экономическому рывку и чуть ли не к сказочному повышению всеобщего материального благосостояния, блистательному духовному подъему («возрождению») всего российского народа, или, по меньшей мере, — его подавляющего большинства. Прямо, ни дать ни взять, как в известной сказке Пушкина про золотую рыбку. Наш среднестатистический российский интеллигент, который так и не дотянул для пресловутого «среднего класса», оказался не в состоянии, хотя бы приблизительно, логически «просчитать» последствия попыток реализации этих утопических для сложившихся условий идей, явно противоречащих социально-экономической науке, даже элементарному здравому смыслу, и оказавшихся на деле банальной «лапшой на уши». Хотя сделать такие прогнозы для научно, т.е. прежде всего — логически дисциплинированного ума, освоившего в свое время хотя бы

основы политэкономии, логики и методологии, особого труда не составляло. Что многими и было сделано (но, к сожалению, далеко не большинством!). Эта часть интеллигенции закономерно оказалась в конструктивной оппозиции установившемуся в стране дилетантскому, а во многом и преступно-аморальному режиму. Больше того, — интеллигентская масса, не отдавая в то время себе отчета, невольно послужила носителем и ударной силой в повсеместно развернувшейся демагогии вокруг «перестройки», а затем «реформ», объективно став основным проводником неслыханного за последние 300 лет развала российского общества и последовавшей его духовной деградации (под широковещательную болтовню о «духовном возрождении»), свидетельством чему является бесподобный рост его криминализации на всех уровнях управления. Вина российской, да и вообще СНГ-вской интеллигенции, здесь огромна. Не будем закрывать глаза на сей печальный факт.

О таком повороте событий предупреждали многие социально грамотные диссиденты (В. Максимов, А. Зиновьев и др.), которые в прошлом активно и мужественно выступали с критикой действительных недостатков советского строя (теперь выглядящих детскими шалостями на фоне нынешних, «перестроечных» и «реформаторских»), но при этом и отдавая себе отчет в несомненных достоинствах социализма, которые должны были быть, по их мнению, преемственно сохранены и развиты далее. В итоге стало очевидным, что интеллигенция наша в большинстве своем просто не обладает, к сожалению, при всей искренности ее большей части, необходимыми навыками дискуссионного социального мышления, навыками теоретического анализа, аргументации и доказательства публично выдвигаемых или защищаемых положений и точек зрения. И вследствие этого она оказалась более склонна опираться в своем социальном мышлении лишь на суррогаты эмоционально-ценностных «аргументаций», нежели на логико-методологические, т.е. на научнообоснованные доводы. Последнее оказалось для нее слишком сложным и прямо-таки не подъемным. Хотя склонности к абстрактному мышлению, как это и должно быть у всякого интеллигентного человека, место имеют быть. Одним словом, многие, даже маститые мэтры пера и слова, уподобились тому русскому, стремящемуся к быстрой езде и сгоряча «рванувшему» в нее, который не успел «до того» освоить сущий пустяк — правила и нормы управления этой «ездой», в данном случае — нормами мышления своего же интеллекта. А своевременно востребовать освоить эти нормы оказалось некому...

В таком состоянии большинства нашей интеллигенции повинна не в последнюю очередь и сложившаяся за годы советской власти система образования, которая в силу разных причин оказалась более ориентирована на некритическое усвоение, заучивание фундаментальных основ социалистической идеологии, чем на усвоение универсальных и независимых от какой-либо идеологии норм и правил мышления, «технологии» дискуссионно-критического анализа в его соотношении с меняющимися условиями и задачами действительности. При таких упрощенных, если не вульгаризированных, требованиях к образованию не замечалось особой нужды в широком и обязательном для всех специальном усвоении норм дискурсивной логики (она и не преподавалась ни в школе, ни в вузе по подавляющему большинству специальностей, усваиваясь в лучшем случае лишь стихийно, при изучении других предметов, хотя в дореволюционных гимназиях России это был обязательный и по существу ведущий предмет). Обучение же методологии сводилось в курсах диалектического и исторического материализма к набору общих и абстрактных исходных принципов диалектики (фактически вне ее взаимосвязи с логикой!), которые сдавшие экзамены по этим предметам чаще всего толком не знали где и как их можно использовать при решении конкретных вопросов научной и общественной жизни. И ныне положение дел здесь нисколько не улучшилось. Скорее наоборот. Логика так и не введена, а диалектика как представительница ныне не желательного «марксизма» (на самом деле сам марксизм был порожден диалектикой в ее единстве, естественно, с логикой) стала во многих случаях подвергаться безграмотному остракизму, подкрепленному нынешней «либеральной» идеологией, упорно насаждаемой, прежде всего СМИ, взамен марксистской (между прочим, научную, теоретическую несостоятельность марксизма так никто и не доказал, хотя робкие попытки имели место, но все как-то неудачные, мягко говоря).

Насколько низок и в настоящее время уровень культуры мышления большинства нашей интеллигенции наглядно свидетельствуют даже наши ведущие деятели СМИ (а уж для них эта культура должна бы быть такой же профессионально высокой, как и культура владения грамматикой языка, с чем проблем у наших журналистов, слава Богу, нет). В их изречениях так и «искрится», как при плохих электроконтактах, практически весь набор типичных паралогизмов-софизмов (а их существует около трех десятков), известных в логике уже не одно столетие. Но, пожалуй, самыми распространенными типичными алогизмами являются «подмена», «не вытекает», «кто много доказывает, тот ничего не доказывает», «предвосхищение основания», «довод к человеку», «женский аргумент» («доведение до абсурда»), а прием выхватывания отдельных фраз из контекста и произвольные «выводы» из них стал буквально универсальным. Чтобы не быть голословным, приведу запомнившиеся примеры. 20 февраля 1999 г. в 7.30 «Радио России» (наш главный радиоканал) в передаче «Персона-грата» бойкий ведущий безапелляционно тиснул в эфир «истину» неоднократно и ранее воспроизводимую, того порядка, что в обществе только при существовании частной (не общественной!) собственности «не воруют», ибо человек «сам у себя (?) воровать не будет» (зачем же «у себя», если вор психически нормален, воруют всегда у других, независимо от форм собственности). Занимаются же этим делом, по словам нашего радио-аналитика «только тогда, когда собственность государственная, т.е. ничейная (?)». И потому не только воровство, но и взяточничество процветает там, где еще нет частной собственности, а существует только государственная (то-то теперь с хищениями, видимо, покончено...) Такой вот перл «реформистской» мудрости, выданной на весь белый свет. Ну ладно, это точка зрения невежественного ни в экономике, ни в истории, не говоря уже о логике, ведущего. В конце концов, каждый имеет конституционное право на свое личное мнение, даже если оно нелепо и абсурдно (правда, непонятно, зачем это нужно демонстрировать через «Радио России»). Но автор из этого своего, мягко говоря, сомнительного тезиса, разумеется никак и ничем не обоснованного, да еще и противоречащего общеизвестным закономерностям, да и фактам, делает, как из уже установленного исходного принципа, далеко идущие и поучающие слушателя выводы, в том числе и относительно необходимости... скорейшей «приватизации»... пахотных земель (чтобы, значит, их не разворовали?). Но это уже не просто мнение, а создание видимости доказательства. Для простаков, конечно. И подобного рода «аналитических» примеров в рассуждениях, в том числе и того же Сванидзе или небезызвестного Доренко, в изобилии. Видимо, их директор, г-н Швыдкой, не замечает здесь никакого профессионального несоответствия интеллекта своих подопечных с поставленными перед ними задачами (лишь бы языком в совершенстве владели, да идеологически были «своими», этого достаточно?).

Не лучше с культурой мышления и у заокеанских духовных наставников наших «демократов». В известной своей респектабельностью «Нью-Йорк Таймс» упоминается (см.: Сов. Россия. 1999. 20 февраля) непонятно откуда извлеченный «ленинский принцип»: «Чем хуже по-

ложение России, тем лучше оно для коммунистов». Где этот «принцип» выдвинут Лениным и в связи с чем, конечно, ни слова. Ну ладно, фальшь она и есть таковая. Но из этого как бы уже очевидного, само собой разумеющегося факта, путем не сложных умозаключений делается логикообразный вывод (который по действительным правилам логики никак «не вытекает») того порядка, что нужно побыстрей ликвидировать нынешнюю российскую Думу, потому что там засели коммунисты, и далее еще «круче»: «Америка должна (?) активно вмешаться (?) в процесс российских реформ»! Как «вмешаться» — пока не поясняется, видимо, как в непослушную Югославию или «нецивилизованный» Ирак...

Да что там какие-то заокеанские «аналитики». И своих достаточно. Даже среди тех, для которых методологическая культура вроде бы должна быть основной профессией. Доктор философии (так он себя называет) С.В. Соколов в трех подряд статьях в «Нижегородской правде» (от 14, 28 и 30 июля), да еще вдогонку и в «Нижегородских новостях» (от 19 декабря) подобным же, околонаучным, т.е. откровенно алогичным образом «обосновывает» свои идеи о будущем России. В качестве исходных положений используются те же дилетантизмы о пресловутой «ничейной», т.е. общественной и государственной собственности (что это за такая чудная «*собственность*», если она «*ничейная*», — нормальному уму непостижимо), о «неэффективной с самого начала (?) советской системы», о существовании у нас «просто», «средне» и «высоконародья» (что это такое — никаких пояснений, «тумана» здесь еще больше, чем со «средним классом»), о пролетарско(?)-социалистической» и даже «буржуазно(?)-социалистической» революции, о существовании у нас «ленинско(?)-ельцинских космополитов», о «номенклатурных капиталистах» и т.д. и т.п. Только в одной первой статье десятка полтора таких «оригинальных» и «свежих» перлов, используемых в качестве посылок для последующих умозаключений (это и есть софизм «кто много доказывает, тот ничего не доказывает»). Странно, что редакции указанных газет не обратили внимание на такие бесподобные букеты «премьер-делиро» (с *лат.* «первичный бред», вторичные же, более тяжелые его формы являются объектом уже не логики, а психологии). Бывает... Но ведь для интеллигента они не должны иметь место! Подобное было немыслимо для среднего выпускника дореволюционной гимназии, а уж вуза — и говорить не приходится. Это видно из рассуждений и действий советской «элиты» 20-х годов (один пример блестящего и разностороннего аналитика Л.Б. Красина здесь о многом говорит),

быстро нашедших пути и способы возрождения хозяйства огромной страны, основательно растрепанной германской и антантовской интервенцией и Гражданской войной. Для них лапотные паралогизмы в рассуждениях были столь же невозможны, как и мятый костюм на дипломатических встречах и раундах.

Упомянутое «Радио России» регулярно ведет рубрику своих передач под названием «Как это по-русски», оттачивая у слушателей правильное употребление норм грамматики русского языка. Ценность и необходимость такой темы очевидна. Конечно, мы должны знать, как правильно сказать: «гренки́» или «гре́нки» (половина физиков до сих пор говорят «а́том», а другая половина «ато́м», — безобразие, конечно, однако, судя по всему, — вполне терпимое). Но было бы намного полезнее, если бы нечто подобное было организовано по отработке навыков правильного логического мышления. Тем более что за примерами употребления алогизмов далеко ходить не надо, то же радио и центральное ТВ дают их в изобилии.

Разумеется, одно, даже совершенное, владение логико-методологическим аппаратом мышления при всей его необходимости само по себе недостаточно для определения человека как интеллигента. Необходимы и соответствующие знания и понимания им фактического материала, наличие соответствующего уровня духовно-нравственного воспитания, надлежащего владения нормами, поведения в любой среде и обстановке, в том числе и этикета. Но без первого признака, — наличия логической культуры мышления как инструмента интеллектуальной деятельности — все другие факторы уже ничего или почти ничего, не будут значить. Как ничего не будут значить и не даст никакого реального результата целеустремленная материально-практическая деятельность рабочего, если у него нет под рукой технического инструмента или он не умеет им пользоваться, не обучен такому мастерству. Поэтому профессионально подготовить рабочего — это, прежде всего, научить его в совершенстве владеть *материально-техническим инструментом* (включающим в свой состав не только простейшие слесарные инструменты, но и сложнейшие станки, аппараты, при помощи которых и посредством которых производится нужная продукция). Профессионально же подготовить интеллигента — это прежде всего обучить его современному владению *интеллектуальным инструментарием* (целиком вмещающимся в голове), — логикой и современной методологией, а также математикой (там, где ее использование необходимо, прежде всего — для научно-технической интеллигенции) и грамматикой языка

как в первую очередь, обязательного коммуникативного, опять же — инструментария духовного общения людей независимо от рода их деятельности (единство логики и грамматики, «замешанной» на социальной психологии, и составляет основу риторики). Все три звена не замещают друг друга (хотя иллюзии такого рода имеют место, и на математику, и на грамматику нередко смотрят как на некого компенсатора, достаточного заменителя логики), но обязательно дополняют друг друга. И в этом триединстве именно логике вкупе с методологией принадлежит ведущая и наиболее фундаментальная роль. Потому логичность мышления — лидирующий признак интеллигентности человека, в конечном итоге определяющий его общую культуру.

Кстати, когда говорят об «интеллигентном рабочем», крестьянине (и, извиняюсь, о бомже) — подспудно, чаще всего, даже не отдавая себе в этом отчета, имеют в виду отличительное от других владение им культурой логического мышления, может быть, как способность и стихийно им приобретенная, или унаследованная склонность и навыки этого человека к логически достаточно правильному мышлению. Это и позволяет ему находить обоснованные выводные истины в любых областях, в которых он владеет соответствующим фактическим материалом (которым могут владеть и другие его коллеги, но они оказываются менее способны к его логико-методологической обработке). Знать факты, события, наблюдать общедоступные явления — это еще далеко не значит уметь делать правильные логико-методологические выводы из них. Последнее дано не каждому, а первое общедоступно, для этого достаточно простого любопытства, как говорится, наличие глаз, ушей и памяти.

В.И. Егоров

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЛИЧНАЯ ПРАВЕДНОСТЬ В СУДЬБАХ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Облик современного российского интеллигента, согласно социологическим опросам, включает в себя разностороннюю образованность, высокий уровень культуры, профессионализм, род деятельности, в котором умственный труд преобладает над физическим... Респонденты описывают мельчайшие детали характера, поведения и даже внешнего вида "интеллигентного человека", свойственные ему хорошие манеры и "отсутствие дурных привычек".

В то же время возвышенные социальные идеалы, жертвенное служение народу, горячее чувство патриотизма и другие неотъемлемые признаки образа русского интеллигента XVIII, XIX столетий, в России конца XX века не ассоциируются у населения с принадлежностью к интеллигенции.

При всем различии между славянофилами и западниками, революционными демократами, народниками и марксистами, их общей чертой было стремление выработать *программу переустройства* российского общества. И всегда программа эта носила острый критический по отношению к власти характер. Государство постоянно ощущало идеологическое давление со стороны интеллигенции и вследствие этого прессинга вынужденно шло на уступки.

Социальная индифферентность и аполитичность значительной части современной российской интеллигентности ставит под сомнение саму возможность сохранения за ней этого статуса.

В массовом сознании понятие "интеллигенция" все больше сближается с понятием "средний класс". При этом мало кого смущает сравнительно низкий уровень доходов этой части общества. Обозначение "средний" относится не к материальной, а к духовной стороне жизни "интеллигентных людей". Позиция "золотой середины", молчалинская "умеренность и аккуратность" - вот качества нынешней российской "образованщины", бросающиеся в глаза людям из "неинтеллигентного круга".

Тип "духовного середняка" хорошо известен русской истории под именем мещанства. Принципиально новым социальным явлением, претендующим на звание российской интеллигенции, становятся молодые управленцы высшего и среднего звена, окрестившие себя "белыми воротничками" и технократами. Эти "новые русские интеллигенты", в отличие от "духовных середняков", весьма активны как в выработке реформаторских программ, так и в практике политической деятельности. И открытая критика действующей власти в их речах слышится постоянно.

Однако оппозиционность власти не является определяющим признаком традиционного понятия русской интеллигенции. Да и мотивы поли-

тической активности последней сильно отличались от соответствующих мотивов современных российских технократов.

Чтобы более полно и точно осознать различия между действительной и мнимой интеллигентностью, обратимся к ключевым принципам интеллигенции как самобытного российского явления. Такими важнейшими принципами, на наш взгляд, были и остаются — идея социальной справедливости и стремление к нравственному совершенствованию.

Самоотверженная социальная деятельность и духовное становление личности всегда были неразрывно связаны в сознании и душе интеллигенции в России.

Общий корень этих двух понятий в русском языке — слово "*Правда*". Право — правильность — правота — правдивость — праведность — справедливость, многие другие производные от этого слова настолько плотно соприкасаются, что провести грань между социальным и индивидуальным аспектами их значения практически невозможно. Правда имеет всеобщий, всенародный характер. Она не может быть "частной собственностью" кого-либо, даже царя ("суд царев, а правда — божия", — гласит русская пословица). Правду нельзя "приватизировать": довольствоваться личной праведностью, когда вокруг царит беззаконие и бесправие, для русского интеллигента немыслимо и аморально.

Напротив, совершенно естественным кажется ему отказ от морального эгоизма, от самолюбования и ощущения собственной праведности во имя благополучия Родины, счастья своего народа, жизни другого человека. В этом и заключается для интеллигента высшая степень добродетельности.

Главный мотив участия интеллигента в общественной и политической жизни — внутренняя потребность в осуществлении *правды* на земле, которая, как и всякая иная потребность, предполагает не просто ожидание, а именно правдоискание, активную и творческую социальную деятельность.

Подобная мотивация оформилась в русской культуре задолго до "века просвещения", положившего начало истории отечественной интеллигенции.

Еще на рубеже XV–XVI веков вопрос о значении социального служения становится ключевым в споре православных иерархов, казалось бы весьма далеких от общественно-политических проблем.

Нестяжатели избрали "уединенно-созерцательный" путь, считая, что активизация общественной деятельности приведет церковь к "обмирщению", а верующих духовно рассредоточит. Доходило до того, что

отрицалась всякая благотворительность и милостыня. Человек, не имеющий лишнего, зарабатывающий своим трудом, по словам Нила Сорского, не должен творить подаяния, поскольку "нестяжание бо вышшее есть таковых подаяние", а "душевная милостыня и толика вышнии есть телесная, яко же *душа вышнии тела*"[1]. Не чувствуется ли здесь внутренняя гордыня, пренебрежение "мирскими делами" во имя ложно понимаемой нравственной чистоты?

Как справедливо отмечал Г.В. Флоровский, у нестяжателей отречение от мира переходит в мироотрицание, в забвение о мире "не только в его суете, но и в нуждах и болезнях". С этим связана историческая недейственность нестяжателей. "В миру остались действовать осифляне"[2].

Правдоискатели в России — это не отшельники и пустынники, а подвижники и созидатели. Причем искание правды не означает, что ее еще нет в этом мире. Правда для русского интеллигента — это не цель, которую нужно достичь, которой предстоит овладеть (вот оно - подлинное духовное нестяжательство). Это — смысл человеческой жизни, человеческой истории, который необходимо отыскать, *вы-явить, обнаружить*. Правда уже заключена в истории, но только потенциально, скрыто. Нужно актуализировать этот смысл, и тогда, как с холма, откроется вся панорама отечественной истории, станут очевидными ответы на "проклятые" вопросы, терзающие душу русского человека.

Правдоискание означает, с одной стороны, углубление своего личного духовного опыта, развитие в себе, по словам И. Ильина, "духоинстинкта" к *правде*, а с другой стороны, потребность в справедливом устройстве окружающего мира.

Причем для интеллигента-правдоискателя чувство своей моральной чистоты не является самоцелью. Задача заключается в том, чтобы не только "спастись" самому, но спасать других, и уже через это "внешнее делание" получить внутреннее духовное самооправдание.

Внутреннее самосовершенствование возможно именно через внешнее делание. Социальная справедливость есть предельное значение личной праведности, закономерный вывод из личной потребности в *правде*.

Подлинной трагедией русской интеллигенции долгое время оставалось стремление осчастливить свой народ и при непонимании строя его жизни, неумении улавливать его чаяния и настроения. Отсюда такое желание называться народниками, почвенниками, самобытниками, интерес к фольклору, искусству, языку и бытовой стороне жизни русского

народа со стороны интеллигенции, ее попытки сформулировать народные идеалы и святыни.

Но даже лучшим представителям российской интеллигенции, к которым, безусловно, относятся славянофилы, не удалось преодолеть раскола общества на "образованное сословие" и народ.

Славянофильство сумело понять значение народного призвания, но в силу своего "аристократизма", не увидело реальных народных путей его осуществления. "Славянофилы — барская затея... Просмотрели Россию", — писал Достоевский[3]. Это барское отношение к внешне будничным, земным проблемам справедливого устройства и благополучия народа русский писатель охарактеризовал так: "...какая-то удивительная аристократическая сытость при решении общественных вопросов"[4].

По словам Вячеслава Иванова, "Достоевский сделал славянофильство трагическим"[5] и в этом — его безусловная заслуга, ибо служение своему народу предполагает *не умиление от своей добродетельности, а жертвенное, самоотверженное подвижничество.*

Именно этой бескорыстной жертвенности и не достает той части современной российской интеллигенции, что гордится своей моральной безукоризненностью и сетует на непонимание ее "возвышенных идеалов" простым народом. Ее аристократизм и рафинированность есть не что иное, как выражение боязни утратить чувство своей "праведности", как "моральный нарциссизм". В особенности это касается части творческой интеллигенции.

Что же касается русских "яппи", преуспевших в экономике, управлении и политике, то провозглашаемые ими принципы профессионализма, эффективности, успеха, коммуникабельности, почерпнутые из учебников Хаббарда и американских технологий PR, совсем не походят на критерии самооценки русской интеллигенции. А социальная активность, проявляющаяся в деятельности их политического авангарда — движений "Новая сила" и "Правое дело", — имеет совершенно определенный мотив и цель: возвращение к власти, открывающей новые возможности личного преуспевания за счет, а не во благо народа.

Означает ли все вышесказанное, что понятию "русская интеллигенция" в нынешней России нет места? Думается, что это не так. Иначе не возникала бы потребность в осмыслении роли и значения интеллигенции в нашем обществе, не обсуждалось бы ее участие в преодолении затяжного кризиса.

Среди тех, кто и сегодня по праву носит звание русского интеллигента, — В. Распутин и В. Белов, В. Кожинов и В. Клыков, М. Ножкин и

Н. Бурляев, многие другие деятели науки, культуры, образования... Все это люди, которые не могут считать свою душу спокойной, а совесть чистой, пока народ, к которому они принадлежат не только умом, но и сердцем, не обретет жизнь, достойную его великого исторического призвания.

Примечания

1. Цит. по: Архангельский А.С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882. Т.1. С. 75.
2. Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 21.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1973-1986. Т. 11. С. 66.
4. Достоевский Ф.М. Письма. М.; Л., 1928–1959. Т. 2. С. 311.
5. Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1917. С. 73.

Е.Д. Шетулова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИРОДЫ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СБОРНИКЕ "ВЕХИ" И СОВРЕМЕННОСТЬ

Бывают на свете книги, основные идеи которых время от времени, вновь и вновь становятся актуальными. К таким, с полным на то основанием, может быть отнесен и знаменитый сборник статей о русской интеллигенции "Вехи" (1909 г.). . Почему же эта книга, изданная девяносто лет тому назад, сегодня вновь оказалась в центре общественного и исследовательского внимания? Ответ, как нам представляется, прост — "веховцы" жили в предчувствии скорого конца того типа государственности, который существовал в то время в России, и были свидетелями одного из сильнейших духовных кризисов, когда-либо бывших в истории нашей страны. Теперь мы также переживаем и процесс демонтажа российской государственности, и серьезный духовный кризис, с ним связанный.

Причины и истоки кризисов начала и конца XX столетия, конечно, разные, но и тогда, и сейчас огромную роль и значение имела и имеет позиция интеллигенции (сейчас даже больше), а следовательно, и изучение феномена "русской интеллигенции" обладает исключительным значением. В чем же по мнению авторов "Вех" заключается природа русской интеллигенции?

Из совокупности работ, опубликованных в сборнике, отберем те, что выделяют основные черты и рисуют, таким образом, как бы коллективный портрет интеллигенции. Так, по мнению П.Б. Струве, идейной формой русской интеллигенции является "отщепенство", т.е. отчуждение от государства и даже враждебность к нему. Это проявилось, как он считал, в призывах 1905 года к великим политическим и социальным переменам, которые по сути означали конец власти, веками слагавшейся до этого в России[1]. Б.А. Кистяковский находил, в свою очередь, что русская интеллигенция никогда не уважала права и ее сознание не охватывалось идеями, связанными с обоснованием прав личности и правового государства, поэтому русская интеллигенция в принципе не смогла создать прочного правосознания.[2] С.Н. Булгаков в том же ключе констатировал духовный кризис, охвативший в начале XX века русскую интеллигенцию. Общие же, объединяющие ее черты виделись ему в недостатке чувства исторической действительности, максимализме, прямолинейности суждений и оценок, идейной одержимости, самогипнозе, недостатке исторической трезвости, стремлении вызвать социальное чудо. Булгаков находил у интеллигенции существование особого мировоззрения, которое включало в себя, с его точки зрения, атеизм как некую общую веру и в то же время — определенные черты религиозности, но только не вполне в христианском смысле, а такие, как неотмирность, покаяние, но опять же не перед Богом, а в социальном смысле, т.е. перед народом[3].

В рассмотрении указанных общих духовных черт интеллигенции С.Н. Булгакова поддерживали и П.Б. Струве, который также считал, что в русской интеллигенции слишком много фанатизма, а прямолинейность ее выводов и суждений просто убийственна. О том же писал и С.Л. Франк, отмечая, что символ веры русской интеллигенции есть благо народное, а основной сутью ее духовного склада является нигилистический морализм[4]. М.О. Гершензон сосредоточил свое внимание на том, что с его точки зрения, интеллигенция в России представляет собой некую однородную массу, которая характеризуется отсутствием личностей, формализмом сознания, психологической установкой общего для всех смысла жизни, без всяких индивидуальных различий, отсутствием серьезной философской, общественной мысли по поводу социальных проблем, а вместо этого рабское, подражательное следование западным образцам, своеобразная духовная, идейная мода на какое-либо философское направление в данный момент[5].

Таков обобщенный портрет отечественной интеллигенции, представленный в сборнике "Вехи". Портрет, как видим, не очень симпатичный, местами даже отталкивающий. Не будем пока касаться причин и истоков такого видения поднятой проблемы, остановимся на другом: как такие представления были встречены и оценены теми, кому и был посвящен этот сборник.

В целом "Вехи" встретили весьма прохладный или открыто негативный прием со стороны русской интеллигенции, лишь за очень небольшим исключением. Отрицательно к ним отнеслись и кадеты, и представители научных кругов, и круги социал-демократической интеллигенции. В рядах их противников оказались П.Н. Милюков, Н.А. Гредескул, М.М. Ковалевский, М.И. Туган-Барановский, В.И. Ленин и многие другие.

Анализ "Вех", данный Лениным, наверное, можно считать классическим для левого, социал-демократического крыла русской интеллигенции. Как известно, Ленин считал, что "веховцы", по сути, борются с идейными основами всего миросозерцания демократии, отрекаются от русского освободительного движения, которому всегда была столь привержена вся русская интеллигенция, и, наконец, "веховцы" открыто провозглашают свое поклонение и преклонение перед самодержавной властью и теми социальными силами, которые ее поддерживают[6].

В этом отрицательном отношении к "Вехам", как мы уже отметили, Ленина поддерживали очень многие, хотя по любому другому вопросу позиции его и либеральной профессуры расходились, как известно, кардинально. К примеру, весьма негативное отношение к "Вехам" выразил известный профессор Р.Ю. Виппер, который считал, что в интеллигенции практически всегда представлено два отдельных типа. Один из них беззаветно служит широким массам, занимается просветительской деятельностью и т.п., другой же, напротив, сосредотачивается лишь на проблемах собственного самосовершенствования. К последним Виппер и относил "веховцев". И эту их позицию он считал реакционной и неправомерной[7].

Итак, оценка "Вех" их современниками может быть определена следующим образом: этот сборник есть выражение реакции, антидемократизма, усталости и уныния отдельных представителей русской интеллигенции, отказа от тех светлых идеалов, которым последняя всегда служила. А попытка определить природу интеллигенции, предпринятой в "Вехах" оказалась, с точки зрения оппонентов, не слишком удачной. Так

было в начале века, и эти оценки сохранились на протяжении последних десятилетий.

Однако в конце века, начиная примерно со второй половины 80-х годов, начала происходить резкая переоценка идейного содержания "Вех" и положений, высказанных в них. Оценка сменилась с негативной на явно позитивную. Дело в том, что демократическое движение времен "перестройки" стало искать свои "корни" в российской истории, культуре. Советская интеллигенция, скоропалительно зачислившая себя в лагерь "демократической" (т.е. антисоветской), попыталась найти эти корни среди тех русских идеалистических философов, которые принадлежали к "веховскому" движению[8].

Общее направление и результаты этих поисков оказались, на наш взгляд, парадоксальными и спорными, по крайней мере, по трем вопросам:

1. Можно ли считать "веховцев" демократами в традиционном и общепринятом смысле этого слова?

2. Можно ли выводить "корни" так называемого "диссидентского движения" 60–80-х гг. в СССР из "веховского" движения?

3. Можно ли все-таки утверждать, что "Вехи" адекватно раскрывают природу отечественной интеллигенции?

Ответ на первый вопрос представляется нам очевидным. Оценка сборника "Вехи" его современниками как антидемократического , реакционного кажется вполне обоснованной, особенно в свете открытого признания и отчасти даже откровенного преклонения философами этого направления перед полицейской силой тогдашней самодержавной власти, перед "твердой рукой", столь далекой по всем меркам от какого-либо демократизма, признания свобод и прав за широкими слоями населения, терпимости к инакомыслию. Поддержка такого типа власти начисто лишает возможности относить "веховцев" к подлинно демократическому лагерю. Это явно реакционно-консервативное течение. Второй вопрос требует некоторого экскурса в область истории "диссидентского", точнее, правозащитного движения в СССР. Как известно, оно не было однородным, а тяготело, по крайней мере, к двум расходящимся направлениям, которые традиционно, по аналогии с XIX веком, обычно именуют "западническим" и "славянофильским". Известно также и то, что на протяжении своей тридцатилетней истории ведущими, доминирующими в "диссидентском" движении становились разные взгляды по поводу перспектив, идеалов развития страны. В этих взглядах можно заметить определенную эволюцию. Так, если первоначально эти перспективы укладывались в так называемый "демократический социализм", т.е. не порывали с идеалами социализма, то затем, с определенного момента, они начинают носить *антисоциалистический* характер, чаще всего маскируемые под "либеральное" движение. У многих они вскоре становятся откровенно прокапиталистическими. Здесь расхождение с "Вехами" — значительно. Ведь большинство авторов этого знаменитого сборника (за исключением, может быть, П.Б. Струве) были противниками не только социализма, но и капитализма, буржуазного типа государственности и принципов либерализма, всей буржуазной культуры. Все это они критиковали, а вместо буржуазного мировоззрения предлагали свои проекты устройства мира, не имеющие ничего общего с капитализмом (например, концепция "персоналистского социализма" Н.А. Бердяева). Наконец, "веховцы" выступали против "отпадения" интеллигентов от государства, против радикальной борьбы с государством как таковым, за сохранение тех правовых установлении, которые господствуют в настоящий момент, какими бы они ни были. Такого подхода у "диссидентского" движения по отношению к советскому государству и его правовой системы мы констатировать никак не можем, отношение это было принципиально иным, разрушающим, а не сохраняющим. Так что явно не из "веховского" движения выросли "корни" нынешнего "диссидентского" движения, "корни" эти иные.

Третий вопрос. В период перестройки ее сторонниками было декларировано, что сборник "Вехи" глубоко проник в суть русского интеллигентского сознания и миросозерцания.

Как мы можем относиться к этому утверждению? Конечно, ясно, что то, что констатировали "веховцы" в своем сборнике относительно феномена интеллигенции сделано с определенных ценностных позиций. Позиций, как мы видели, откровенно реакционных. Ясно также, что "веховцы" имели право на собственную интерпретацию. Однако можем ли мы все-таки согласиться с ними сегодня? Представляется, что нет. Ведь под призывами 1905 года к переменам имелись совершенно объективные основания, которые признавались отнюдь не только радикальными социал-демократами! И дело здесь было не в некоем отчуждении от государства, как таковом, а в понимании необходимости его изменения. Таковые проблемы переустройства периодически возникают в любом ранее вроде бы вполне "стабильном" государстве на определенных, переломных этапах его развития. Это было известно еще с первой половины XIX столетия (взять хотя бы гегелевскую концепцию истории).

Интеллигенция, возможно, и не уважала тогда права. Но это ее ли вина? В дореволюционной России право не уважала прежде всего правящая элита, влияющая на определение судеб страны. Известное неуважение это сохранилось и в советский период. Черта эта полностью сохранилась и у "демократов", пришедших на волне "перестройки" к власти на рубеже 80–90-х годов. К примеру, события 1993 года — это ли не попрание права и конституции со стороны новых властных структур?

Говорить же о русской интеллигенции начала нынешнего века, да и его конца, как об однородной массе, которая страдает отсутствием личностей и рабски следует западной идейной моде, представляется неправомерным ввиду того, что в таком социальном слое, как интеллигенция, всегда существуют разные группы, тяготеющие как к правящим, так и оппозиционным группировкам. Да и личностей всегда выдвигалось предостаточно, которые диктовали, порой с амбициозной самоуверенностью, свое идейное видение, часто совершенно наивное.

Наконец, что касается миросозерцания интеллигенции, его особенностей. Существует ли оно как общее для всего этого социального слоя? Вряд ли. Но даже если мы выделим некоторые общие духовные черты, то к ним можно относиться и положительно и отрицательно, опять же в зависимости от определенных ценностных установок, ибо от этого в социальной области уйти невозможно.

Таким образом, на наш взгляд, сборник "Вехи" дает нам характеристику определенной эпохи, к которой требуется конкретно-исторический подход. Эта характеристика интересна, но нужно не забывать, что она есть выражение и свидетельство духовного кризиса, а последний так или иначе всегда нужно преодолевать.

Примечание

1. Струве П.Б. Интеллигенция и революция //Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991.
2. Кистяковский Б.А. В защиту права //Там же.
3. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество //Там же.
4. Франк С.Л. Этика нигилизма //Там же.
5. Гершензон М.О. Творческое самосознание //Там же.
6. Ленин В.И. О вехах //Пол. собр. соч., Т. 19. С. 168.
7. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки. М., 1912. С. 24-25.
8. Пивоваров Ю. Бывшее, но не сбывшееся. О "русском марксизме" и его удивительной судьбе //Октябрь. 1992. № 2. С. 177-187.

Н.Г. Баранец

ОБ ЭВОЛЮЦИИ КАРТИНЫ МИРА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Кардинальные изменения, происходящие на территории постсоветских государств, и в частности в России, являются основным объектом изучения социологов, экономистов, политологов, историков, которые отмечают, что противоречивый процесс обновления экономики и демократизации сопровождается криминализацией и деинтеллектуализацией общества. Причем кризис науки и образования является наиболее тревожным симптомом, ставящим под сомнение возможность благоприятной перспективы развития российской цивилизации в будущем тысячелетии. Помимо вполне объективных социально-экономических причин этого кризиса науки и образования как социокультурных феноменов, а также характерного для всех развитых стран "кризиса восприятия" науки в общественном сознании, достаточно важным, по-видимому, является субъективный фактор, связанный с мироощущением российской интеллигенции, как никогда остро ощущающей свою маргинальность. Припоминая основные вехи истории российской интеллигенции, можно, наверное, согласиться, что только один раз, на рубеже XIX-XX в. был еще подобный нынешнему всплеск саморефлексивных настроений, но в отличие от теперешнего, нацеленный на самосознание и оптимистический по существу. Именно, о социально-психологических условиях, культурной среде, формирующих мировосприятие российской интеллигенции, хотелось бы порассуждать, так как кроме объективных факторов, могущих способствовать преодолению кризисного состояния науки и общества, полагаю важным и изменение ценностных установок в самовосприятии отечественной интеллигенции.

1. Влияние социокультурной среды на развитие российской интеллигенции

Существует определенная понятийная чехарда в отечественной историко-публицистической литературе при употреблении понятия "интеллигенция". В нашем сознании это понятие, в зависимости от политико-идеологических воззрений автора, рассуждающего об интеллигенции, наполняется различными смыслами и эмоционально окрашивается. Все многообразие этих смыслов, упрощая, можно свести к следующим позициям: до революции 1917 года доминировало понимание интелли-

генции как особого "ордена", члены которого отличаются от других людей специфическим мировоззрением (Н. Бердяев, Г. Федотов); менее была распространена позиция П. Милюкова, соединявшего западноевропейское понимание интеллигенции как образованного, просвещенного элемента общества, и отечественное. Он полагал, что интеллигенция есть тесный внутренний круг внутри "образованного слоя", ей принадлежит инициатива и творчество. Позднее возобладало мнение, что к интеллигенции относятся все образованные люди, занимающиеся интеллектуальным трудом, то есть профессиональная категория, определяемая как "белые воротнички". Именно в этом смысле в данной работе будет использоваться понятие "интеллигенция".

Надо сразу же отметить, что русская интеллигенция развивалась в неблагоприятной социокультурной среде, что было обусловлено специфическими особенностями российской цивилизации. Если попытаться представить основные этапы эволюции интеллигенции, то можно сделать это так.

I этап: X век – 70-е годы XVII века

Точно определить хронологические рамки начала этого периода из-за недостатка информации не представляется возможным. И хотя со второй половины X века можно говорить о существовании такого явления, как "древнерусская литература" — результате деятельности ученых монахов (первых интеллектуалов), тем не менее это, во-первых, не было литературой отдельных писателей — она была "надиндивидуальна", и, во-вторых, сказывалась специфика российского православия, ставившего выше, по оценке П. Милюкова, не духовный подвиг, а физическую аскезу, так что чтение книг, написание неадминистративных и нерелигиозных работ не поощрялось и даже считалось весьма опасным для государства. Инакомыслие в этот период носило религиозно-еретический характер (стригольники, жидовствующие) и не имело четкой социальной основы, поэтому его нельзя считать проявлением начавшейся саморефлексии интеллигенции.

С середины XV века намечается тенденция политического вольномыслия, в большей степени светского, но опирающегося на религиозный фундамент. Отчасти это было обусловлено приездом Софии Палеолог привезшей в своей свите греков с новыми идеями и обычаями. Заявившая о себе политическая оппозиция ознаменовала появление личности в российской истории (И. Берснев-Бекмяшев, А. Курбский, А. Холмский). Но, все таки, как отмечает В.О. Ключевский, тогдашняя московская интеллигенция — это только чиновники, государственные

служащие, которые лишь занимались ведением государственной документации и находились в полной духовной самоизоляции от европейской духовной культуры.

Московское царство складывалось как служилое государство, на территорию которого царь (монарх) смотрел как на личное владение, а на население как на своих слуг. Поэтому для того чтобы жить, население должно было отказаться от политических притязаний и "служить" царю-отечеству (дворянство взамен получало поместья — власть обеспечивала покорность крестьян, чиновники — жалованье и перспективу дворянства, купцы — лицензии, монополии и снижение тарифов, духовенство вначале получило земли и крестьян, а уж после реформ Петра I стало частью государственного аппарата и служило государству).

II этап: XVIII – конец XIX (начало XX века)

Ситуация принципиально не изменилась и после реформ Петра I, породившего два противоположных процесса — в начале XVIII века получила мощный импульс тенденция огосударствления общественной жизни, но одновременно расширение культурного горизонта образованных слоев общества стимулировало развитие критического отношения к созданной империи и эксплицировалось противостояние государственной власти к оформляющейся интеллигенции. Как отмечает А.И. Ракитов, создание Российской империи выдвинуло на первый план три общегосударственные проблемы: формирование профессиональной высококвалифицированной бюрократии; создание военной промышленности и технологии, обеспечивающих современные методы ведения войны; развитие образования и науки, обеспечивающих решение двух предыдущих задач[1]. Государство смотрело на создаваемую этим интеллигенцию с исключительно прагматических позиций, поэтому согласно "Табели о рангах", чин университетского профессора соответствовал чину армейского капитана, что делало, конечно же, научную деятельность малопривлекательной с позиции социальной системы ценностей.

Екатерина II освободила в 1762 году дворян от обязательной службы — в результате возник "праздный класс", занимавшийся своими делами, неконтролируемый государством. В XVIII — середине XIX века основное его занятие — свободная литературная деятельность и чтение. В его среде сразу же произошла поляризация: выделился консервативно-национальный и либерально-радикальный блок. До реформ Александра II социальный состав интеллигенции можно определить как дворянский, но мелкие и средние дворяне по преимуществу должны были состоять на государственной службе из-за недостатка средств, и высшее

образование для одних было условием — возможность поступить на государственную службу, для других — своего рода интеллектуальным развлечением, к которому серьезно не относились[2].

Ситуация начинает изменяться после Великих реформ 1861 года, появившаяся новая социальная группа разночинцев, не принадлежавших ни к одной из обычных категорий населения, профессионально занимающихся умственным трудом, дающим им средства к существованию, формирует новое отношение к знанию и науке, так как для них успешность в этой сфере означала улучшение своего социального статуса. К тому же ускоренный переход от традиционного к индустриальному обществу во второй половине XIX века породил множество новых профессий, в дореволюционной России неизвестных. С 60-х годов XIX века по 1900 год число имеющих профессиональное образование возросло в 4 раза. Слой образованных людей увеличивался за счет разночинцев. Правительство, проводившее реформы, нуждалось в грамотных кадрах и выделяло с каждым годом больше средств на нужды просвещения: так с 1894 по 1914 год бюджет министерства народного просвещения возрос с 25 млн. до 161 млн. рублей. Число студентов также постоянно росло, в 1893г. в России было 52 высших учебных заведения с 25 тысячами студентов и около 2500 профессоров и доцентов. В 1915 году на 110 высших учебных заведений приходилось 6400 научных работников. Российские ученые стали пользоваться известностью, в их активе имелись неевклидовая геометрия Н.И. Лобачевского, периодическая система химических элементов Д.И. Менделеева, работы И.П. Павлова и К.А. Тимирязева, но сам по себе уровень фундаментальных исследований не интересовал государство, важно было лишь практическое применение знаний инженеров, технологов и технических разработок. Ни государство, ни общество в целом не рассматривало науку как основной продукт деятельности интеллигенции, должен быть показателем ее успешного выполнения своей социальной функции. Как впрочем и сама интеллигенция не могла считать ее основным полем своей деятельности, и в связи с тем, что ее силы и идеи в общественно-политическом плане мало интересовали и государство, и общество - рождалось ощущение собственной маргинальности и ненужности, усугубляемое тем, что государство всегда могло восполнить нехватку кадров, пригласив специалистов, в которых нуждалось, из-за границы.

Только после 1917 года, на третьем этапе эволюции интеллигенции, стремясь превратить Россию в оплот будущего коммунизма и создать для этого соответствующую материально-техническую базу, при этом

оказавшись фактически в полной интеллектуальной изоляции, государство стало видеть в интеллигенции залог будущего развития и преуспевания страны. Отчасти это изменило отношение к интеллигенции, интеллектуальная деятельность стала достаточно престижной, это фиксировалось в восприятии интеллигенции как государственных служащих, чиновников. Но несмотря на то что была создана в короткий срок система высшего образования, система специализированных НИИ и закрытых научных городов, тем не менее государство весьма внимательно следило за умонастроением интеллектуальной элиты, регламентируя деятельность университетов и научных организаций. В частности, преодоление свободомыслия и непослушания легко достигалось за счет внедрения в сознание чувства опасности быть замененным. Как отмечает А.И. Ракитов, утверждению чувства страха способствовало создание избыточного числа специалистов (с 60-х годов), что вело к снижению критериев отбора и подготовки кадров, а это в целом сказалось на мироощущении интеллигенции, к 80-м годам вновь уверившейся в своей маргинальности и в большей степени профанирующей свои профессиональные и социальные обязанности.

Стремительные изменения, происходящие в течение последнего десятилетия, окончательно разрушают престиж образования и интеллектуальной деятельности (снижается качество подготовки специалистов, НИИ и университеты, привыкшие жить за счет государственного бюджета, теряют специалистов, растет раздражение в обществе против интеллигенции, так как в ней видят причину начавшихся бед и т.д.). Несомненно, что без государственной поддержки ситуация не изменится, но не менее важен и мировоззренческий фактор — без кардинального переосмысления своих функций в обществе российская интеллигенция не в состоянии будет обрести уверенность в себе и доказать обществу не только свою полезность, а самое важное — необходимость. Таким образом, интеллигенции, рассматриваемой как коллективный социокультурный субъект, следует внести существенные коррективы в свою концептуальную "карту мира" и переосмыслить свои ценностные мотивы и социальные задачи.

2. Картина мира интеллигенции и философия

Известна философская и психологическая идея о своеобразном видении мира и представлении о нем у различных людей в связи с их психическим состоянием, социальным статусом и национальным характером. Интеллигенция, образуя самостоятельный социальный слой, имеет

специфическое видение мира. Конечно же, в рамках отдельной статьи нет возможности эксплицировать целостную картину эволюции мировидения интеллигенции с момента ее возникновения до наших дней. Поэтому остановимся лишь на развитии самосознания русской интеллигенции. Это думается вполне обоснованно, так как одна из функций интеллигенции в отношении общества — это выработать и сформулировать общественное, национальное самосознание.

В силу выше обозначенной специфики эволюции российской интеллигенции процесс самосознания интеллигенцией себя как особой социальной группы и задача формирования национальной идеологии совпали, что нашло отражение в доминирующей теме отечественной философии — русской идее. И не удивительно, что для отечественного интеллектуала философия была всегда больше, чем способ теоретизирования, для него она была неотделима от стиля жизни, неотделима от собственной судьбы и России, то есть фактически философия становилась идеологией, которой либо следовали — и это были сторонники, либо отвергали — и это были противники, поэтому каждое новое поколение предлагало новый вариант спасения России и интеллигенция должна была занимать в нем ключевую роль, выбирая в качестве союзников или крестьян, или пролетариев, или церковь, или правительство,

Здесь же следует уточнить, что анализ мировосприятия интеллигенции через анализ философии особенно уместен, так как в России в силу особенности взаимодействия государства и университетов, им контролируемых, философия, или то что мы привыкли считать отечественной философией, возникла за рамками университетов и по существу ее носители были маргинальны к академической философии и выражали различные идеологические позиции интеллигенции.

"Расфокусированность философской среды порождала неразборчивость в рецепции идей, дилетантство"[3]. Но тем не менее главной темой, реально соединяющей все многообразие философских позиций, была "русская национальная идея", позволявшая выразить чаяния как либералов, консерваторов, так и нигилистов, социалистов (для которых проблема национальной идентификации была проблемой социокультурного самосознания).

До появления светских тенденций в философии и собственно до самосознания самой себя интеллигенцией, то есть до XIX века, можно выделить два периода, в которые пространственная картина для интеллектуальной элиты была диаметрально отличной. До начала XVIII века, то есть до тех пор, пока православная церковь не имела серьезных конкурентов на интеллектуальном поле, Россия воспринималась как Святая Русь, сохранившая вселенское здание христианства. С XVI века миссионизм заменился мессианизмом, то есть дополнился идеей о национальном превосходстве России на основании сохранения "чистого" христианства, а так как царь — самодержец является основным хранителем земли Русской и православия (трансформированный византийский принцип "симфония" церкви и государства, дело народа и образованных людей "служить" ему.

В XVIII веке, после периода ломки петровскими реформами, в среде интеллигенции складывается секуляризованная форма национальной идеологии, основными положениями которой становятся учение о "великой России", на службе которой опять же должна находиться интеллигенция. Особых разногласий по тому, что из себя должна представлять эта "великая Россия", не было — вернее, они отчасти подавлялись, если не устраивали государство, пример А.Н. Радищева, декабристов. В 30-60-е годы XIX века, с появлением возможности высказывать более или менее свободно свою позицию, в среде интеллигенции выделились последовательно три направления: консерваторы, либералы и радикалы. Для двух последних направлений, если можно так обобщить, был характерен опыт отрицательной идентификации — осознать слабость свою и своей страны, чтобы преобразовать себя и ее, влиться в русло европейского развития и, хотя и не декларировалось этого, слиться с ним, освободившись от "наростов", придающих России национальную специфику, воспринимавшуюся чаще отрицательно, как то, что либо надо изжить, либо, использовав, трансформировать. Но это не значит, что позиция западников и либералов не имела ничего общего с национальной идеей — она продуцировала своеобразный вариант "либерального национализма", в котором интеллигент — гражданин своей, страны играл доминирующую роль в гражданском обществе.

В консервативном направлении, а правильнее сказать, традиционалистском — национальная идея пережила ряд превращений. В 30–40-е годы она появляется в виде "славянской идеи", включавшей помимо обычно воспринимаемых "православия, самодержавия, народности" и идею единства славянских народов под эгидой России. В 80-х годах XIX века произошло перерождение славянской идеи в русскую идею. Вл. Соловьев, разочаровавшись в панславизме, который считал "разменной картой" в политической игре, не имевшим реальной почвы, так же отказался и от идеи исключительности русского народа, якобы выразившимся в его самодержавности, православности и соборности. Ста-

рые формы национальной идеи изжили себя, так как христианство "нанесло окончательный удар внешнему невольному единству" и на место мессианства должен прийти универсализм, принимающий всякое национальное, как необходимое для достижения полноты. Именно в таком варианте русская идея проходит через русский духовный ренессанс начала XX века; либеральная в политическом плане и национально ориентированная в культурном часть интеллигенции пожелала провести страну над "обрывами социализма и буржуазной цивилизации", соединив политические, правовые и технические достижения европейской цивилизации с ценностями православной культуры.

Возобладавшая в политическом плане часть российской радикальной интеллигенции начинала с интернационалистских установок и рассматривала, как хорошо известно, Россию лишь как плацдарм для будущего распространения справедливого общества. На деле эта идея превратилась в "национальный социализм", причем цивилизационные признаки российской цивилизации и здесь были чрезвычайно сильны, даже в каком-то плане по интенсивности проявления мессианства, "государственного единомыслия", патернализма превосходили Российскую империю последних десятилетий ее существования, что сказалось на мироощущении интеллигенции, реально не принимавшей участия в великом деле "собирания" мира и питавшей робкие надежды помочь оформить идеологию и техническую базу будущего.

В нынешней ситуации интеллигенция вновь переживает кризис неразвитости самосознания как самосознания собственно отдельных личностей (выражающегося в примитивном эгоизме), так и самосознания социального слоя, невидящего своей целостности и единых целей. С одной стороны, теперь уже очевидно, что СССР как цивилизационный тип особенно не отличался от российской цивилизации и кардинального изменения в историческом развитии в 1917 году не произошло. С другой стороны, прежние ценности и достоинства российско-советской цивилизации не так уж бесспорны и, самое главное, скорее находятся в сознании интеллигенции, по-прежнему "идущей в народ" со своими стереотипами и не видящей реального положения дел. И, наконец, теперь уже Россия в силу объективных экономико-политических причин не может претендовать ни на мессианство, ни на патернализм, но по-прежнему остается цивилизацией "промежуточного типа". Так почему же российской интеллигенции при выработке "российской идеи" не исходить из уже имеющегося печального опыта "подтягивания" России под какой-то выбранный идеал и не попытаться исходить из двух реалий, во-первых, если Россию нельзя изменить радикально, то использовать выгоды ее "промежуточного положения", во-вторых, осознать, что просто воззвания к обществу и государству о своей полезности не помогут до тех пор, пока интеллигенция не начнет реально выполнять свои социально-культурные функции, залогом чего может быть только ее образованность и профессионализм. "Приобрести серьезное влияние среди населения, получить в современной жизни большой удельный вес можно только обладая солидными, действительными специальными знаниями"[4]. Мы пришли к тому же, о чем говорили "веховцы" в начале века - круг замкнулся, и он не выпустит нас до тех пор, пока мы не освободимся как от сентиментальных иллюзий возможности новой "православной России", так и прогрессивной утопии построения "открытого общества" либерально-гражданственной России.

Примечания

1. Ракитов А.И. Российская наука: прошлое, настоящее, будущее //Вопросы философии. 1995. № 3. С. 16.
2. См. воспоминания о студенчестве Тимковского И.Ф., Герцена А.И., Аксакова К.С., Чичерина Б.Н. Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917). М., 1989.
3. Секацкий А.К. Маргинальная философия и клиническая практика: опыт России //Философская мысль в России: традиции и современность. СПб., 1997. С. 96.
4. Изгоев Н.С. Об интеллигентной молодежи //Вехи. М., 1991.

В.Н. Козырьков

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ДВУХ ИЗМЕРЕНИЯХ: ОБЫДЕННОГО И ВЫСОКОГО

Социокультурный смысл существования интеллигенции изначально связан с внутренним конфликтом в развитии культуры, порождающем пошлость. «Постулат пошлости» сформулировал еще Ф. Шлегель: «Все подлинно великое, доброе и прекрасное невероятно, ибо необычайно, и по крайней мере подозрительно. Аксиома обычности: как все происходит у нас и вокруг нас, так должно было происходить и повсюду, ибо все это так естественно»[1]. Пошлость — существенная черта обыденной жизни, и выражается она в отказе от поиска смысла жизни, в сведении его к рутинным и грубым средствам жизнеутверждения, способным

воспроизводить целостность личности в примитивной форме (физиологической, гедонистической, потребительской, вещественной) или духовно отчужденной (миф, религия, идеология, утопия, элитарная культура и др.). Интеллигент осознает себя призванным преодолеть этот разрыв, но для этого он должен одновременно обитать в двух мирах: низком и высоком, будничном и праздничном. Глубоко переживая субстанциональную значимость повседневности в жизни человека и общества, он видит ее недостаточность в качестве пространства для обретения смысла жизни, поэтому стремится найти новые, высокие формы духовности, противопоставляя их обыденным ценностям.

В этом отношении А.И. Герцен, один их первых русских интеллигентов, считал пошлым человека, у которого «душа убывает»: «Постоянное понижение личностей, вкуса, тона, пустота интересов, отсутствие энергии» — вот процесс, ведущий к господству пошлости. По его мысли этот процесс имеет непреодолимый характер: «Не только несколько печальными упреками не уймешь *убывающую душу,* но, может, никакой плотиной в мире»[2]. Пошлость создает или «подпольного человека» (Ф. Достоевский), или тип человека-потребителя, причудливо соединяя эти ипостаси в реальной жизни и создавая многоликие типы пошлого человека. Всем известным художественным воплощением пошлого человека в русской культуре стали образы Ионыча (А. Чехов) и Клима Самгина (М. Горький). Пошлый человек доволен нетребовательностью существующих форм культуры, или отвергает их с позиции утонченной духовности. Он может быть доволен и расколотостью культуры, извлекая из этой расколотости моральную выгоду, поэтому пошлым человеком часто становится интеллектуал, не выполняющий своей социокультурный функции по разрешению противоречий такой культуры, которые и сделали его интеллигентом: пошлый человек — это гордящийся своей интеллигентностью интеллектуал. К примеру, сейчас нам часто показывают «последних из оставшихся настоящих интеллигентов». Довольно странна эта гордость, если учесть, что интеллигентность как раз и заключается в том, чтобы не подчеркивать свою особую духовность и не смотреть высокомерно на тех, кто выполняет другую жизненную задачу. Пошлыми являются и рафинированная интеллигентность, и грубая необразованность, бесконечные угрызения совести одних и нравственная неразвитость других.

Пошлость в современном российском обществе — это сознательная установка на торжество низкого, безвкусного, грубого, пустого и духовно убогого в качестве высших ценностей. Предельная резкость и хлесткость фраз, крикливость критичности мышления, удивительно сочетается с лестью и со стремлением угодить любому, кто больше заплатит. Современная пошлость — это безвкусица, но с претензией на изысканность и оригинальность; банальность, но с желанием прослыть мудростью, глубокомысленностью, поэтому собирающая в различных исторических эпохах крупицы этой глубины. Безликость, но с развращающей настойчивостью выставляющая все частные, интимные стороны жизни человека, оголяющая (физически, социально и духовно) его до такой степени, что личность становится беззащитной, легкоранимой и одинокой. Концентрированным выражением такой духовно холодной безликости является реклама: искусство и психология на услужении пошлости и корысти.

Наличие интеллигенции в России, как социального слоя и как предмета особой гордости, есть показатель расколотости ее обыденного мира, выражение забитости и трагичности судьбы народа в освоении и развитии своей повседневной жизни. Российская интеллигенция содержит в своей духовной структуре все то из области культуры, часто в утрированном до неузнаваемости виде, что на другом полюсе, у основной массы населения, дополняется отсутствием какой-либо духовной потребности: и то, и другое — выражение пошлого существования, «убывания души» русского человека. За особую чувствительность к происходящим социальным процессам отечественную интеллигенцию часто называют высоким слогом: «совесть нации». Звание высокое, но положение это крайне негативно для общества, так как нация не может хранить свою совесть где-то отдельно от своей духовной структуры, как Кащей Бессмертный хранил душу в яйце утки. Крайне отрицательный характер приобретает и существование интеллигенции, ибо основная масса населения, отделившая от себя совесть, подвергает гонениям и свою радетельницу, поскольку с ней чаще всего общается и видит ее в качестве посредницы между народом и властью, благополучием и бедностью.

Яркие индивидуальности у власти в России редки и, как правило, страдают от бремени власти, так как не могут действовать по ее законам. В свою очередь человек, обладающий властью и принявший правила бюрократической игры, не боится пошлости. Он уверен, что весь мир создан по его образу и подобию и будет таким, каким он его захочет видеть, то есть пошлым: самодовольным, без тайн истины, высокой духовной радости и трепета перед священным. Поэтому властитель не видит и не понимает пошлости, ибо сам есть ее персонифицированное

выражение. Маска пошлости прилипает к представителю власти быстро и надолго. Во-первых, властителю приятно думать, что любой человек, даже «интеллигентный», внутренне все же хочет того же, что и он, но только «хитро прикрывает» свои обычные человеческие желания красивыми словами, мыслями и поступками. А поскольку именно ему повезло и он сильнее и богаче, то и подчиняться нужно ему, так как «он может научить, как нужно жить». Во-вторых, представитель власти уверен, что в любой ситуации есть единственно правильное решение, которое судьба дарит именно ему, а не кому-либо другому: отсюда и гордость за свою находчивость и удачливость. Пошлый человек всегда чем-то гордится, это его самая высокая эмоция, на которую он способен. Поэтому в пошлом человеке всегда есть в изобилии то, чему, как ему представляется, нужно завидовать другим людям. С точки зрения пошлого политика, интеллигентность есть вторичная моральная компенсация за неудачливость в жизни, поскольку власть и денежное богатство полностью, по мысли богатого и властного человека, ничем компенсировать нельзя. Так или иначе, но интеллигентный человек вынужден часто не только внешне, но и внутренне подчиниться власти, если даже она имеет пошлый характер, а интеллигентность видится как антипод пошлости. Интеллигент подчиняется пошлости лишь только потому, что пошлый человек — хозяин современной жизни, носитель ее богатства. Еще А. И. Герцен был уверен, что мещанство есть «последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности, — демократизация аристократии, аристократизация демократии»[3]. Куда же интеллигенту противостоять этой абсолютной самодержавности! Кроме того, как уже было отмечено в начале наших рассуждений о пошлости, интеллигент призван соединять два мира: мир обыденный и мир возвышенный. Как же он может их соединять, не находясь в каждом из них?

Интеллигенция — это хранительница языка культуры, ее духовных ценностей. Сейчас в российском обществе, с одной стороны, доминирует консервативная установка, то есть «утопия, обращенная в прошлое».[4] С другой стороны, на обыденное сознание мощно наплывает семантика, идущая с Запада и не соответствующая культурной матрице российского общества. Опять, как и в обществе советского периода, создается некоторое сумеречное духовное состояние, в котором каждое явление не может получить своего действительного имени и представляется личности той стороной, которая ближе ее интересам и социальному статусу. Далеко не случайно и то, что так бурно начавшийся в 80-е годы

процесс реабилитации исконно русских названий улиц и городов в 90-е годы резко оборвался, и теперь топонимика настолько контрастна, что вызывает удивление первого же человека, который посмотрит на этот процесс не погруженным в современную повседневность взглядом. Можно, конечно, объяснить этот семантический отказ тем, что сейчас не до названий улиц и городов, когда люди получают мизерную зарплату или не получают ее вообще. Но дело не только в этом: возникла новая семантическая потребность называть все то, что возникает как социально новое и требует своего имени. Поэтому семантическая активность в области топонимики сменилась другой формой: рекламной, потребительской, политической. А. Ахматова писала: «О, если бы вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Сейчас ни стихи не растут, ни новые русские слова: один семантический сор, и стыдливости что-то не замечается. Более того, появилась интеллигентность для видимости, напоказ, гордящаяся и любующаяся собой, — телевизионная, эстетизирующаяся интеллигентность, созданная монтажерами, имиджмейкерами телевидения, очищающими экран от полноты и правды жизни. Использование «интеллигентных» телеведущих учитывается и включается в цену передачи. В результате вместо действительной духовной целостности человека мы видим рекламу духовного содержания личности, ее красивую упаковку.

Есть пошлость избытка, пошлость богатых, а есть пошлость нужды, пошлость бедных, которая имеет право на существование, но от этого она не перестает быть пошлостью. Г. Плеханов, анализируя мещанство в его различных аспектах, солидаризируется с выводом романтика Р. Вагнера: «Добывание материальных средств к жизни путем затраты всей своей жизненной силы и служит теперь источником «мещанских» чувств. Постоянная забота о средствах к жизни «сделала» человека слабым, подобострастным, тупым и жалким, превратила его в создание, не способное ни любить, ни ненавидеть, в гражданина, каждую минуту готового пожертвовать последним остатком своей свободной воли только для того, чтобы ему была облегчена его забота»[5]. Вот что пишет А. Небольсин о задаче, которую он ставил перед собой, исследуя проблему пошлости: «Используя творчество Анненского, ...я старался вникнуть в пошлую действительность, пошлый объект, пошлого человека, чтобы там усмотреть глубины и высоты красоты и сердечности, скрытые обволакиванием пошлости, но вызывающие жалость и сострадательную любовь»[6]. «Гоголь, — пишет он, — видел в человеке (но не в природе) преимущественно безобразие, пошлость, а Достоевский через

свой рупор — подпольного человека — издевался над опошленными романтическими идеалами. Для Анненского же пошлость — особого рода зло — зло, обрекающее человека на страдание, и она для него — стимул к творчеству»[7]. Важно только подчеркнуть, что имеется в виду социокультурное творчество, связанное с необходимостью духовного развития человека в его повседневной жизни, а не творчество само по себе, вне существующей культуры. В таком толковании творчество И. Анненского действительно весьма показательно для раскрытия природы пошлости и, одновременно, трагично. Показательно как образец борьбы поэта с пошлостью, преодоления ее средствами поэзии. Трагично тем, что И. Анненский, так же как и Н. В. Гоголь, погибает от неспособности преодолеть пошлость путем создания новой духовной структуры человека с помощью искусства. Поэзия оказалась бессильной перед пошлостью. Эстетическая утопия в XIX веке оказалась бесплодной и погибла под собственной тяжестью.

Укорененность и многоликость пошлости в России есть выражение трагедии здравого смысла: неспособности обыденного рассудка и социальной воли преодолеть общественные конфликты в соответствии с природой человека и выработать культуру повседневной жизни. Это выражается, с одной стороны, в различного рода утопиях: политических (декабризм, народничество, анархизм, большевизм и др.), эстетических (Гоголь, Леонтьев и др.), религиозных (софийность, богостроительство, антропософия, роза мира и др.). С другой стороны — в бездуховном практицизме, в этике выживания, в традиционалистской морали, в правовом и нравственном нигилизме. Объединяющей их формой является утопизм духовно-антропологический, творцами и социальными носителями которого является интеллигенция.

Пошлость утопичности в данной антиномии обыденного сознания существует как явная, привлекательная и тщательно оберегаемая сторона пошлости. Она привлекательна тем, что духовное содержание личности заменяет красивыми социальными масками (программы, платформы, обещания и т. п.), претендующими на то, чтобы быть подлинным выражением социальных качеств человека. Но в действительности — это социоантропная утопия, социально-творческое вырождение, ведущее к выключению личности из культурного творчества, к ее духовному опустошению. Ни один плакатный или рекламный образ человека в действительности ничего живого и целостного не выража ет. Пошлость как социальная маска, имидж — это дразнящая социальная реальность: заговорщически зовущее к будущему правительство, гордые и довольные своей привилегией быть представителями народа депутаты, сияющие удачей и довольством собой бизнесмены, разжигающая аппетит реклама, звездоносно-услужливая и менторски поучающая «интеллигенция».

Пошлость практицизма — противоположная сторона трагедии здравого смысла. Это не только заскорузлость Плюшкина, скаредность Коробочки, грубая развязность Собакевича, но и практические устремления Манилова построить хрустальные мосты и продавать вдоль этих мостов полезные вещи. Это проект Чичикова «жениться на приданом» в тысячу душ. Пошлость практицизма — это то, что с трудом переваривали в себе Гете (великий поэт и государственный чиновник), Герцен (великий мыслитель и русский барин), Фет (благоуханный русский поэт и расчетливый помещик). Толстой (великий правдолюбец и помещик, создатель новой этической системы и «опрощенец»), Чехов (мучающийся убийственным контрастом между идеалом и повседневной жизнью, но создающий на этом контрасте все свои произведения). Можно продолжить этот ряд такими явлениями: спецраспределители и спецпривилегии партработников, призывающих к социальному равенству; ГУЛАГ для построения социализма. Пошлость практицизма — это то, что позволило огромному слою комсомольских и партработников ранее других, раньше всего «советского народа», который они вели к коммунизму, использовать свое служебное положение в корыстных целях, а сейчас быстро «адаптироваться» к новым условиям и так же быть в первых рядах организации новых общественных порядков, строителей капитализма.

Пошлость практицизма не может не дополнять утопичности: это ее основа и тайный исток. Возвышенное, то есть все, что изумляет, умиляет, перед чем мы благоговеем — все это вырастает из низкой, грубой обыденности, порождается угнетающей и унижающей повседневностью. И чем унизительнее повседневность, тем выше идеал, позволяющий человеку сохранить свое человеческое достоинство хотя бы в своем воображении тем, что окружающие вещи наделяются теми свойствами и качествами, которыми они на самом деле не обладают. И делается это объективно и в такой форме, в какой сформировалась и ощущается человеческое достоинство. Не случайно первые социальные утопии появились с первыми трактатами о достоинстве человека в эпоху Возрождения. Социальные утопии — это мысленный протест человека против унижающей его повседневности. «Возвышающий обман» — это компенсация за унижения, которые терпит человек в условиях господ-

ства «низких истин». Следовательно, пошлость — это не только оправдание и защита общества, которое не понимаешь, потому что отказываешься от тактичного обозначения и трезвого осмысления; одновременно это стремление ввести в общественные отношения «корректирующий идеал», который является на самом деле лишь «отражением существующего мира», «собственной приукрашенной тенью этого общества». Социально униженный человек бежит от реального общества в созданный его воображением мир, а поскольку в действительности от своих вопросов он все же убежать не может, то и создается положение, в котором он самодовольно утешается иллюзиями, вместо того чтобы по-настоящему решать существующие проблемы. Таким образом появляется интеллигенция как социокультурная, культурантропологическая утопия, порождаемая внутренней расколотостью духовных основ российской обыденной жизни.

Итак, интеллигенция в России есть выражение расколотости обыденного сознания и обыденной жизни в целом, порождающей утонченно антропологическую пошлость. Гордящаяся собой интеллигенция есть выражение ее духовной слабости и практического бессилия. Она существует как божье наказание за допущенные исторические грехи народа и нераскрытая духовная потенция от их избавления. Пошлость в России есть не только "эпизмнизин"[9], но и социокультурное пространство, в пределах которого рождается лиризм высокого.

Примечания

1. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. Т. 1.М., 1983. С. 281.
2. Герцен А. И. Соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1975. С. 61, 62.
3. Герцен А.И. Там же. Т. 8. С. 82.
4. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е. изд. Т. 42. М., 1974. С. 367.
5. Плеханов Г. В. Избр. филос. произв.: В 5 т. Т. 5. М., 1958. С. 740.
6. Небольсин А. Р. Поэзия пошлости // Человек. 1993. № 3. С. 176.
7. Там же. С. 178.
8. Маркс К. Нищета философии. М., 1955. С. 62.
9. Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 373.

А.Н. Фатенков

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗЛИЧЕНИЯ "ПОЧВЕННОСТИ" И "НАРОДНОСТИ" ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

"Интеллигенция" — весьма многомерное понятие, использование которого должно предваряться, возможно, более строгим его определением. Наметим важнейшие, на наш взгляд, смысловые значения данной категории, идя по пути ее последовательной конкретизации.

Во-первых, об интеллигенции можно говорить как о социальной группе, члены которой заняты преимущественно умственным трудом, получив — чаще всего — для этого соответствующее образование. И потому здесь уместен также — в качестве синонима — термин "слои образованных людей". Эта исходная дефиниция основана на вычленении одного или двух главных стратовых признаков, изначально отделяющих — пусть и частично — данную общественную группу от широких народных масс.

Во-вторых, поскольку в сферу интеллектуального труда входит в значительной степени и организационно-управленческая деятельность, в том числе — в области властных отношений, интеллигенция формально вбирает в себя средний и высший пласт государственно-чиновничьего аппарата. Таким образом, состав интеллигенции пересекается с составом правящего слоя, всегда — в той или иной мере — противостоящего народу.

В-третьих, интеллигенцией допустимо называть собственно "антиправительственную общественность", т. е. устойчивую группу образованных людей, отличающих себя и от народной массы, и от любой нынешней власти, кто бы последнюю ни олицетворял, какие бы программы ею ни выдвигались и какими бы методами они ни претворялись в жизнь. Причем подразумевается тут не только и не столько непосредственно политическая оппозиция (мир профессиональных политиков), сколько оппозиция, земская (среда учителей и врачей), литературно-философская, церковная, научно-техническая, богемная.

Именно третье определение точнее других ориентирует нас на понимание сущности русской интеллигенции, когда речь заходит о ней как о достаточно монолитной общности (что, разумеется, верно только в некоторых границах). Ее отличительная черта в объективной отчужденности одновременно и от "верхов", и от "низов" общества и в субъективной напряженной рефлексии по этому поводу. Характер последней

варьируется от горделиво-самовозвышающего до самоуничижительного, от эстетского, холодно-отстраненного до морализаторского, страстно-самопоедающего. Указанные интенции порой парадоксальным образом переплетаются. И это далеко не последнее противоречие, с которым мы сталкиваемся при погружении в сферу бытия отечественной интеллигенции. К тому же не все из них вызваны самой жизнью - напротив, многие проистекают, скорее, из бесплодной попытки перехитрить жизнь.

В содержании интеллигентского мировоззрения и, в целом, ее образа жизни, выкристаллизовывающихся на очерченном выше эмоциональном фоне, выделяются постоянная и исторически преходящая компоненты. Выразительным признаком первой оказывается осознание и утверждение этими людьми себя в роли силы, просвещающей власть и народ и выступающей в качестве третейского судьи в их противостоянии. Просвещение может мыслиться вновь двояко: процессом — смягчающим нравы народа и правящего слоя или, наоборот, ужесточающим их.

Как уже отмечалось, интеллигенция самоидентифицируется — существенным образом — посредством соотнесения себя с двумя другими вершинами специфического российского треугольника. Причем ее отношение и к политической элите, и к рядовым гражданам страны амбивалентно, и в разные временные интервалы в интеллигентской среде могут преобладать разные настроения, зачастую отсылая маятник качания этой многочисленной социальной группы в крайние точки.

Тотальное неприятие, демонизация власти и ее жесточайшая критика перемежается и сменяется заигрыванием с государством, беспринципным угождением ему и самодовольным ощущением себя в роли номенклатурно-легальной, подкармливаемой "сверху" "оппозиции". Новейшая история наглядно показала, насколько выгодно быть "чуть-чуть распятым". В подходящий момент нужно лишь встать в позу и начать поливать грязью своих бывших хозяев, руководителей и доброжелателей, получая дивиденды от нового, более наглого и более кредитоспособного заказчика. Прямое же вхождение интеллигенции во власть - февралистов в 1917 г. и неофевралистов в 90-е годы — окончилось полным конфузом и откровенным скандалом. Невольно закрадывается сомнение: а может и идти туда ей было не с чем? А раз так, то и предшествовавшая критика государственно-бюрократического аппарата с ее стороны была не совсем корректной.

Вроде бы лежащим на поверхности кажется многократно тиражируемый ответ на вопрос о причинах шараханий интеллигенции у пьедестала власти, как и в целом ее идейных и жизненных метаний: образованный слой русских людей слишком оторван от народа. Данный тезис, впрочем, предполагает чрезвычайно важное неявно вводимое исходное допущение. А именно: априорно постулируется, что сам-то народ имеет под собой твердую почву и потому может служить прочной опорой для других элементов социальной структуры. Отмеченная начальная посылка не является, однако, самоочевидной. Сторонники безоговорочного ее принятия занимаются идолотворчеством по отношению к народу, непозволительно огрубляя, нарушая иерархию ценностей человеческого бытия. На это обратили внимание в свое время веховцы. Хотя и их критика интеллигентского сознания была ограниченной, так как велась она, по сути, с позиций "христианского универсализма", т. е. опять же с космополитически-интеллигентской точки зрения.

Тезис об укорененности русского народа в родной почве (в самом прямом смысле этого слова) не только не является самоочевидным, но и встречает возражения у ряда авторитетных мыслителей. Ф.Д. Степун, например, свидетельствовал: "... Постоянный колонизационный разлив России, неустанный прилив хлебородных равнин, которые приходилось наспех заселять и засеивать, лишал русский народ не только необходимости, но и возможности заботливого и тщательного труда на земле... Так столетиями создавался в России стиль малокультурного варварского хозяйствования, психология безлюбовного отношения к любимой земле, ощущение в качестве земли-кормилицы не столько собственной земли под сохой, сколько земли за чертой своей собственности"[1]. Беспочвенности нашего народа прямо соответствует, по мнению философа, и беспочвенность отечественной интеллигенции, которая, несмотря на все упреки в ее адрес, есть "плоть от плоти русской духовной жизни, вся структура ее осознания во всем существенном совершенно тождественна структуре (бесформенного. — *А.Ф.*) русского пейзажа, русского хозяйства и (!) русской народной психологии и русской философии"[2].

Согласно Г.Д. Гачеву, русская вольница, постоянное "не-сидение на месте" — одна из ипостасных сторон русской жизни. Носителем ее выступает прежде всего народ, отличающий себя от государства (= закона, порядка). Данное суждение, не раз высказывавшееся и ранее (в частности, Н.А. Бердяевым в "Душе России" и других работах), ученый подтверждает аргументами культурологического плана. На русской земле, как и возле русской женщины, действуют два героя. "При Татьяне —

Онегин ("воз-дух", беглый, охотник до перемены мест) — и Генерал, князь. При Анне — солдат Вронский, что не вьет гнезда, и министр Каренин. При Ольге — Обломов ("голубь" — так она его чувствует, т.е. "воз-дух") и немец Штольц ("гордость" — его имя звучит, в нем труд, рассудок и воля); при Аксинье — непутевый и бесстанный Григорий и есаул Листницкий. При Ларе — поэт "воз-дух"новенный, доктор Живаго, и комиссар Стрельников . И т. д."[3]

Таким образом, народность образованного слоя нации вполне сочетаемая с его неприкаянностью.

Остается открытой, правда, одна немаловажная проблема. Беспочвенность: является ли она сущностью, всевременной чертой русской жизни или характеризует ее в историческом времени как жизнь "юного народа", обладающего возможностью преодолеть издержки возраста? Обсуждаемый нами признак, рассматриваемый в определенных границах, не вписывается в строгую дихотомию "позитив" — "негатив". Именно беспочвенность в значительной степени предопределяет, скажем, душевность и "всеотзывчивость" русского человека — качества скорее положительные, нежели отрицательные.

Однако, в первом случае, при перманентном и безусловном ее стихийном культивировании и, следовательно, при безоговорочном ее истолковании, наша мягкость и способность понять другого (чужого) плавно перетекает в собственный паллиатив и оборачивается запредельной пассивностью, абсолютно некритическим заимствованием всего инородного, а то и попросту обезьянничанием. В рамках намеченного сценария наше будущее бесперспективно: нарастание внутреннего хаоса, бесформенности и судорожные попытки приостановить разрушительный процесс невесть где и у кого скопированными методами, вместить русскую жизнь в искусственные рамки приведут к плачевному итогу. Постепенное превращение живого, структурированного, ответственного народа в анонимную и безответственную толпу, уподобляющуюся безжизненной механической смеси — неизбежный финал, к сожалению, местами уже обозначившегося пути. Народу свойственно видеть на политическом олимпе людей, действительно более достойных по сравнению с ним самим. Масса жаждет видеть там равных себе — охламонов. Сползание в пропасть олигархической охлократии (охлократической олигархии) может стать необратимым.

В надежде, что мы имеем дело все-таки со вторым вариантом, крайне необходимо отыскать силу, действовавшую бы в этом же социокультурном поле и внесшую бы естественный порядок и органическую иерархию в нашу жизнь. Взоры, обращенные к государству в поисках такого верховенствующего начала, наталкиваются, образно выражаясь, на наглухо застегнутый чиновничий мундир западного покроя. За бутафорской компьютерно-ксероксной мишурой поверхностной вестернизации нынешнего бюрократического аппарата (а иной она и не в состоянии быть — вспомним Н.Я. Данилевского, Н.С. Трубецкого) в нем нередко просматривается до боли знакомый уродливый симбиоз барского самодурства и плебейского тщеславия. Государство должно быть озабочено сейчас решением тривиальнейших вопросов: хоть немного выпутаться из болота коррупции, возвратить хотя бы часть украденных у людей денег, постаравшись вернуть тем самым элементарное доверие к себе своих граждан. На идейное руководство общественной жизнью притязания его еще долгое время, видимо, будут тщетными.

Тут и начинает вырисовываться задача, стоящая перед русской интеллигенцией: не только осознанно выражать и утверждать спонтанные стремления народа (они бывают и низменными, и беспутными), но отбирать и взращивать лучшие из них, придавая им стройную форму. Указанная миссия выполнима лишь при условии почвенности нашего образованного слоя (или хотя бы весомой его доли).

Почвенность — это гармоническое сопряжение душевной народности и духовного аристократизма, отличного от пустого эстетского снобизма и притворной манерности. Почвенность обнаруживается в интуитивном постижении сакрального смысла существования и предназначения Родины, в способности разумно его истолковать и планомерно и уверенно воплощать в повседневную жизнь. Почвенность угадывается в благородной простоте, проистекающей из приобщения к истинной ценностной иерархии. Кредо интеллигента-почвенника удачно сформулировано известным современным отечественным философом: "Я не гражданин мира. Мне достаточно быть русским, чтобы принадлежать человечеству"[4].

Примечания

1. Степун Ф.А. Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6. С. 221-222.
2. Там же. С. 228.
3. Гачев Г.Д. Национальный космо-психо-логос // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 72.
4. Гиренок Ф.И. Пато-логия русского ума. Картография дословности. М., 1998. С. 411.

Ю.Н. Распопова

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК СПОСОБНОСТЬ К ИРРАЦИОНАЛЬНОМУ

Много сказано и написано о том, что сумма знаний, приобретенная человеком, не дает гарантии на то, что вместе с ней он приобретает интеллигентность. При этом делаются отсылки к чувству, духовности, интеллигентности с точки зрения гносеолого-онтологических, а не этических и эстетических теорий.

Любая мировоззренческая система представляет из себя некоего рода замкнутое пространство с набором решенных вопросов. Эти вопросы могут быть пересмотрены в зависимости от нужд системы и ее создателя. Но как происходит это изменение понимания, если у автора системы уже присутствует готовая схема, принцип объяснения? Или, задавая проблему иным языком, как можно сменить гносеологический метод, если мы пользуемся построенной этим методом гносеологией?

Если смотреть на вещи с определенной точки зрения и упорствовать в этом, то фактически ничто неспособно выбить человека из этого понимания, так как любое явление можно рассматривать символически, давая бесчисленное множество толкований, угодных теории, если настаивать на ее непогрешимости. Никакие интеллектуальные методы доказательства здесь помочь неспособны, ибо мы имеем дело с другим видением, с другой очевидностью.

Каждый в своей практике сталкивался с ситуацией какого-то фатального непонимания и неприятия — во всех сферах жизни, от бытовой до научной, когда другой человек раскладывает событие иначе, иначе их систематизирует, и любые рациональные доводы разбиваются о стену другого взгляда на вещи. Впрочем, тот, кто пытается чего-то добиться здесь рациональными методами, тоже не осознает ситуации, так как является "жрецом" другой онтологии, системы, точки зрения. Можно заметить, что такая ситуация грозит вырождением: каждому дается право "конституировать его собственное маленькое целое — его собственную маленькую парадигму, его собственную маленькую практику, его собственную маленькую языковую игру — затем вползать в них"[1]. Философу при этом предоставляется бегать между этими самодостаточными крепостями с надеждой на согласие между ними или хотя бы на "плодотворное разногласие"[2].

Всякий раз, строя представления о мире, о человеке, мы пользуемся какими-то методами. Если даже онтология взята в готовом виде, то не

составляет труда определить методы, с помощью которых она приобрела такой облик. Теория познания занимается проблемами природы познания и его возможностей, отношения знания к реальности, выявляя условия истинности и достоверности познания. Пользуясь методами познания, человек определяет картину мира, то есть любая онтология имеет основанием гносеологические воззрения, даже если эти воззрения и не оговорены.

С другой стороны, само познание должно происходить из каких-то посылок. Относительно чего, для чего мы познаем? Кто познает? Каким образом все это определить, если все это является предметом познания? Следовательно, если в нашем познании мы исходим из основания, которое мы должны познать, то получается, что начать познание невозможно, так как для этого нам заранее нужен результат познания. Вопрос стоит так: на чем основана сама гносеология, которая определяет природу познания? Можно сказать, что она определяет саму себя, но с какого основания? Представления о строении окружающего мира не могут обосновывать познания, так как сами познанием обоснованы.

Можно сказать, что онтология и гносеология взаимосвязаны, что гносеология онтологична, онтология гносеологична. Но тогда взаимосвязь, замкнутость друг на друге теории познания и онтологии делает возможным свободно, "законно" и логично начать познание. Разомкнуть этот круг можно только внеся элемент произвола, что обесценивает дальнейшие построения (если они, конечно, претендуют на причастность истине). Ссылки на сложность и многообразие мира и диалектические взаимосвязи здесь подходить не могут, так как они относятся к предмету изучения, а не к его основанию. Пока мы признаем разум и монизм сознания, мы тем самым признаем и закон достаточного основания, как один из законов мышления, и вынуждены соблюдать его.

Таким образом, данный круг, похожий на круг герменевтический, не позволяет, казалось бы, выпасть из построенной системы. Куда мы можем "выпасть", если потеряем свое мировоззрение? (нет смысла менять одну языковую игру на другую, одну рациональность на другую, тем более, что это невозможно сделать "за один шаг").

Распрощавшись со своей онтологической системой, мы входим в пространство неизвестного, в до-философскую, до-научную, до-рационализированную сферу. Ведь не думаем же мы, когда уберем наши системотворческие попытки, что мир исчезнет вместе с нами? Именно мир как целое, как система, бытие, а не как набор сырых ощущений, так как наше представление об ощущениях, восприятиях, ин-

стинктах — плод определенной антропологии, которую еще надо суметь построить.

Таким образом, выпадая из собственный построений, осмыслений, мы попадаем в мир, "онтос" (а не "логию"). "Есть первичное нерационализированное сознание, в котором даны живые связи с бытием, дано первоощущение бытия и происходящей в нем драмы. Знание, в котором мы путем рефлексии констатируем субъект и объект, есть уже во всех смыслах нечто вторичное, производное, из самой жизни рожденное"[3].

Необходимая сторона интеллигентности — способность выходить в пространство непосредственно данного. Эта способность — единственное, что позволяет существовать живому поиску, творчеству, без нее погибают возможность понимания чужих взглядов и возможность взаимопонимания.

Примечания

1. Рорти Р. Философия и Зеркало Природы. Новосибирск: Из-во НГУ. С.235.
2. Там же.
3. Бердяев Н. Философия свободы. М.: Правда, 1989. С.71

С.А. Евстигнеев

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НАРОД

Не так давно считалось, что интеллигенция — непроизводительный слой, фактически она низводилась до паразитического слоя. Р.И. Косолапов справедливо отмечает: "Величайшей политической ошибкой было многолетнее непризнание того, что рабочим является производительный работник как физического, так и умственного труда. Разве всем этим не воспользовались "демократы", раскалывая рабочий класс, противопоставляя профсоюзы — партии, шахтеров — обществу, одни профессии — другим, станочников — ИТР ..."[1]. Подобные взгляды проистекали из запутанности вопроса о производительном труде. Еще Б. Зомбарт писал: "Не могу себе представить более тяжелого наказания в аду для провинившегося политэконома, чем то, чтобы он был обязан повседневно читать главу о производительном труде из любого руководства"[2]. Между тем с позиции методологии К. Маркса вопрос о производительном труде решается достаточно просто.

К. Маркс различал прежде всего содержание и форму труда. По содержанию труд есть процесс взаимодействия человека с природой. По этому критерию производительным является лишь материально-производительный труд[3]. Значимость данного критерия особенно видна в настоящее время в связи с необходимостью развивать реальный сектор экономики. Данный критерий является общим для всех общественно-экономических формаций. Однако понятие производительного труда расширяется в связи с ростом обобществления производства. В общественном производстве для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно воздействовать на природу; достаточно быть органом совокупного рабочего[4]. В понятие совокупного рабочего входит та часть интеллигенции, которая обособилась от непосредственно материального труда, инженеры например, но не могут включаться врачи или учителя, как это делалось иногда в советской литературе.

Труд всегда осуществляется в системе общественных отношений, которые составляют общественную форму труда. С этой точки зрения производительным трудом при капитализме является труд, который увеличивает капитал. Этот критерий специфичен для каждого способа производства; К. Маркс считал его основным[5]. Производительным трудом по этому критерию может быть и труд в духовном производстве. Здесь, однако, возникает опасность руководствоваться видимостью - может показаться, что производительным является любой труд, приносящий прибыль. В советской литературе считалось, что труд врача или учителя может приносить прибыль, но не может создавать прибавочную стоимость, так как он не создает стоимости; поэтому такой труд лишь кажется производительным, но не является им по существу, и соответствующе профессии относились к непроизводственной сфере. Сейчас принята западная методика исчисления ВВП, в соответствии с которой производительным трудом объявляются любые виды труда, которые приносят прибыль (кроме деятельности бандитов и т.п.). Такой подход чрезмерно широк, в соответствии с ним биржевой спекулянт оказывается таким же производительным работником, как и трудящийся в реальном секторе. При этом открываются широкие возможности для статистических манипуляций с ВВП.

Может ли быть производительный труд по существу в духовном производстве? Очевидно, что может лишь в том случае, если он создает не только прибыль, но и прибавочную стоимость, для чего необходимо создавать стоимость. А может ли создаваться стоимость в духовном

производстве? Ключевым является указание К. Маркса о том, что весь транспорт относится к производственной сфере[6]. Из этого следует, что стоимость создается и на пассажирском транспорте, хотя здесь не производится никакой вещи. Аналогично решается вопрос и в духовном производстве — для создания стоимости необходимо создавать потребительные стоимости в форме услуг, а не вещи.

Картина в реальном обществе осложняется тем, что в нем существуют разные уклады, в каждом из которых существует свой критерий производительного труда с точки зрения общественной формы труда. Поэтому в многоукладной экономике, особенно такой, как в современной России, производительным трудом, с точки зрения общественной формы, следует считать труд, создавший стоимость. Это понятие необходимо и для статистики, для исчисления ВВП. Понятие труда, создающего стоимость, является более широким, чем материально-производительный труд, но не охватывает всего общественно-полезного труда. Не является производительным трудом деятельность на бирже - здесь происходит только смена форм стоимости, но не создается новая стоимость. Не является производительным также труд, так сказать, надстроечный, — деятельность в государственном управлении и в сфере юриспруденции, так как здесь не может создаваться стоимость.

Из сказанного следует, что не вся интеллигенция является производительным работником, это уместно отметить в связи с современным увлечением юридической сферой. Но большая часть интеллигенции является производительным работником; хотя она и не является классом, но ее можно смело ставить в один ряд с пролетариатом или крестьянством. Более того, с развитием НТР интеллигенция будет составлять основную массу трудящихся. Поэтому не является корректным противопоставление интеллигенции и народа, такое различие можно отнести только к прошлому. Интеллигенция сейчас и является народом, составляет его значительную часть.

Однако в России значительная часть интеллигенции занимает явно антинациональные позиции — это очевидно. В первом приближении можно выделить основные причины такого своеобразного явления. Интеллигенция обладает сложной внутренней структурой. Высшая ее часть смыкается с буржуазией или входит в состав буржуазии (юристы, менеджеры). И если буржуазия компрадорская, то соответствующей будет и буржуазная интеллигенция. Надо учитывать и старые традиции дворянства, которое в России было не совсем российским. Далее надо отметить, что часть интеллигенции — творческие работники, работники

СМИ — по роду своей деятельности часто вынуждена торговать своим вдохновением. То, что в современной России интеллигенция более продажна, чем обычно, объясняется еще и тяжелым моральным кризисом всего общества. У интеллигенции, которая занимается духовным трудом, имеется склонность к идеалистическому пониманию истории, что порождает у нее идеологические иллюзии (вроде мифа "о России, которую мы потеряли"). Они усугубляются односторонним образованием интеллигенции: "технари" не знают историю, гуманитарии — физику и т.д. и т.п. В результате действия всех этих факторов российская интеллигенция оказалась зараженной антимарксизмом, что и является основной причиной ее антироссийских настроений и действий. Следует отметить, что все эти факторы не фатальны, поэтому отрезвление интеллигенции возможно.

Примечания

1. Социализм: вчера, сегодня, завтра. М., 1977. С. 245-246.
2. Цит. по: Национальный доход в социалистическом обществе. М., 1977. С. 52.
3.Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 192.
4. Там же. С. 516-517.
5. Там же. С. 517.
6. Там же. Т. 24, С. 64; Т. 26. Ч. 1. С. 422-423.

О.А. Стаценко

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

В настоящее время все постсоветские страны стремятся выработать устойчивую и продуктивную модель функционирования государства. В этом процессе значимые роль и ответственность возлагаются на интеллект нации — интеллигенцию. Неудивителен поэтому и интерес исследователей к анализу процессов взаимовлияния интеллигенции и власти.

Можно выделить три ракурса рассмотрения данной проблемы научным сообществом:

1. Различные интерпретации известной формулы «власть–интеллигенция–народ»;

2. Позиция неприятия интеллигенции, отказ ей в созидающем начале;

3. Интеллигенция — направляющая сила общества, поэтому власть должна принадлежать ей.

На наш взгляд, основная задача интеллигенции в отношениях с властью заключается в необходимости и возможности гуманизации политических процессов. Это происходит двумя способами: опосредовано и непосредственно. Первый способ представляет собой формирование общественного мнения и сознания, а второй — активную работу во властных структурах общества. Наиболее успешно ими пользуются представители художественной интеллигенции, что объясняется следующими причинами: а) свое мироощущение они передают образными формами, воздействующими непосредственно на чувствительную сферу человека, что способствует быстрому восприятию и распространению пропагандируемых идей; б) в связи со спецификой своей деятельности, люди искусства обладают популярностью в обществе, что содействует выбору их в различные общественные институты управления.

Необходимо отметить, что относимых нами к отряду художественной интеллигенции писателей, деятелей театра и кино, художников, некоторые ученые классифицируют как "гуманитарную", "идеологическую", "научно-культурную" интеллигенцию. Мы же склоняемся к термину "художественная интеллигенция", так как работа деятелей искусства заключена именно в художественном творчестве. А поскольку именно в продуктах духовной деятельности наиболее рельефно проявляются противоречия и тенденции социальной жизни, то и отношения данного отряда интеллигенции с властью на протяжении советского периода нашей страны наиболее интересны и насыщенны, дающие нам возможность извлекать наглядные исторические уроки.

Если внимательно изучить белорусский опыт, то прослеживается тенденция многозначительного возрастания роли художественной интеллигенции в периоды нестабильности общества и снижения ее влияния в периоды спокойного развития. Показательным в данном контексте является период хрущевской "оттепели". Если послабление идеологического диктата в эти годы в России можно объяснить слабостью и противоречивостью центральной власти, то положение дел в Белорусской ССР было противоположным. Здесь власть была сильной, с ясно выраженной идейной позицией и строго контролировала все общественные процессы. И как следствие этого либерализация умов в среде художественной интеллигенции протекала медленнее и взвешеннее, не эпатируя общество, а поступательно и незаметно заражая его новыми идеями.

XX съезд партии произвел огромное впечатление на всю белорусскую интеллигенцию. Это отразилось в первую очередь на прессе. Пока власть разбиралась с тем, что же все-таки происходит в центре, она ослабила контроль за периодической печатью, и это дало возможность появлению на ее страницах идей пересмотра многих периодов истории, литературного наследия, требований свободы творчества. В печати были развернуты дискуссии о новаторстве в искусстве, о действенности социалистического реализма, о роли критики в современных условиях. Особенностью выражения позиций был тот факт, что обе стороны - и "ретрограды" и "новаторы" трактовали свои идеи о точки зрения марксистско-ленинской идеологии, но прочитывали они ее каждый по-своему. Если одна сторона не терпела никаких вольностей в отношении устоявшейся идеологии, то другая отстаивала необходимость творческого подхода к марксизму.

Апогеем нового мышления в БССР стала развернутая в 1962–1963 годах оживленная дискуссия "Писатель и время". Она особенно интересна тем, что доказывает существующую в период хрущевской "оттепели" тенденцию: через критические рецензии на спектакли, фильмы, через рассмотрение литературоведческих вопросов выражать свой взгляд на мир, свое отношение к современности и свое видение изменений, необходимых для преодоления инерции прошлых лет. После нее началась мощная реакция. Мы больше не видим растерянности власти, зато становимся свидетелями очень четкого понимания ею своей цели и путей ее достижения. Безоговорочно утверждался принцип отношений партии и художественной интеллигенции как мудрого учителя с его послушным учеником. Задача искусства определялась как служение народу в деле строительства коммунизма.

Необходимо констатировать факт некой элитарности распространения новых идей в среде белорусской художественной интеллигенции. Идеями человеколюбия и новаторства была вдохновлена только часть деятелей литературы и искусства, но даже этого оказалось достаточно, чтобы оказать весьма существенное влияние на мировоззрение читающей публики. Госаппарат ощущал явную угрозу своему существованию и всячески противодействовал возникновению новой парадигмы мышления, основанной на гуманистических ценностях.

Опыт взаимоотношений художественной интеллигенции и власти в БССР имел определенную специфику. Она заключалась в идейной закаленности власти и практическом применении в идеологической политике старых методов, не прибегая к поиску в изменившейся обстановке

более тонких и продуктивных способов воздействия на интеллигенцию. Значительное влияние на переосмысление многих ценностных ориентиров белорусской художественной интеллигенцией оказала бурная деятельность их собратьев в крупных городах России. И если часть интеллигенции БССР оперативно получала информацию обо всех новых идеях и живо их принимала и осмысливала, то власть проявляла себя как провинциалка, многократно проверяя и перепроверяя идущую из центра информацию и тем самым отставая в анализе ситуации и в выработке умелой политики. Партийные функционеры оказались несостоятельны творчески развить марксистскую теорию и приспособить ее к текущему моменту.

Через свое творчество белорусская художественная интеллигенция, возможно даже и неосознанно, обратила внимание на одну из причин неудач реформирования общества, выразившуюся в: некомпетентности многих партийных чиновников среднего и нижнего звеньев, находившихся не на уровне той теории, которую должны были выражать. Власть же вместо того, чтобы попытаться, исправить сложившееся положение вещей, направила карающий меч на кадры художественной интеллигенции. Процесс демократизации способствовал возникновению синдрома слабой центральной власти и высокой энергетике социального протеста художественной интеллигенции.

В переходные периоды истории, когда прежние ценности разрушаются, сознание размыто, вопрос о сохранении стабильности приобретает особое значение. Под угрозой хаоса легитимность власти имеет важное значение для нашего будущего. И особую роль в этом процессе играет интеллигенция. Если интеллектуальная элита в целом доверяет режиму, то можно предсказать ему оптимистическое будущее. Если же интеллектуалы противостоят режиму, то легитимность последнего представляется хрупкой. Поэтому власть в реформируемом обществе должна постоянно искать формы сотрудничества, демонстрировать интеллигенции свою поддержку. Ибо именно интеллектуальный фермент, способствующий распространению альтернативных идей среди населения, провоцирует кризис легитимности.

Л.А. Зубкевич

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРЕХОДНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭПОХИ

Для разработки любой темы необходима определенность в понятиях. Это первейшее методологическое требование в данном случае трудновыполнимо. Все существующие определения "интеллигенции" мне кажутся недостаточными. В. Даль в "Толковом словаре живого русского языка" определение интеллигенции дает в контексте определения "интеллектуальный" — "духовный, умственный, разумный", а "интеллигенция" — "разумная, образованная, умственно развитая часть жителей"[1]. Словарь Брокгауза и Эфрона дает следующее определение слова интеллигенция: "Интеллигенция", *лат.* — образованные, умственно развитые классы общества, живущие интересами политики, литературы и искусств. Интеллигент — просвещенный человек, принадлежащий к интеллигенции". В.И. Ленин в работе "Шаг вперед, два шага назад" в примечании пишет: "Я перевожу словом интеллигент, интеллигенция немецкие выражения Literat, Literatentum, обнимающие не только литераторов, а всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (brain worker, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда"[2]. Далее интеллигенция, в добавление ко всему выше сказанному, определяется и как прослойка, но эта прослойка носит эклектический характер: "... она не является классом потому, что не занимает особого положения в системе отношений к собственности, рекрутируется из разных классов и отражает их интересы"[3].

Вырисовываются некоторые сущностные характеристики интеллигенции: духовность, интеллект, занятие умственным трудом, разнородность. Но для составления наиболее полной картины необходимо обратиться к истории и использовать так называемый деятельностный подход к определению.

Вычленение интеллигенции как некоего социального феномена началось с разделением труда на умственный и физический. Так, первыми интеллигентами в истории были жрецы, туда же можно отнести бродячих поэтов и певцов древности. Соответственно надо говорить и об историчности определения понятия "интеллигенция". Для эпохи рабства и феодализма интеллигенция одна, для капитализма — другая. Следовательно, необходимо учитывать и некую эволюцию интеллигенции как социального феномена. С развитием производительных сил растет по-

требность в работниках умственного труда, становятся более разнообразными виды их деятельности. Кроме того, характерной чертой интеллигента считают активную гражданскую и социальную позицию[4]. Следовательно, необходимо при определении понятия учитывать отношения интеллигенции и государства, интеллигенции и других социальных слоев. Например, почему мы иногда понимаем интеллигента как человека, хорошо разбирающегося в происходящем, но не могущего что-либо изменить (почти по Ф.М. Достоевскому).

Сформировался некий круг проблем, который я попытаюсь решить, самоопределяясь в понятии "интеллигенция". Интеллигенция - составная часть некоего общества. Это общество этнографы и часть историков называют этносом, но я предпочла бы называть это общество народом. Так как, определяя некую общность как этнос, мы имеем в виду в первую очередь общность происхождения. Тогда как народ — это социальная общность прежде всего. Только говоря о народе, мы имеем право выделять социальные группы, классы, и тому подобное. Говоря же об этносе, мы подразумеваем этногенез, продолжение антропогенеза. Народ же мы видим субъектом исторического процесса, деятельность которого создает преемственность и поступательность в развитии общества. И только как часть народа мы можем рассматривать интеллигенцию в каких-либо исторических эпохах.

Итак, часть — интеллигенция — несет на себе сущностные, родовые черты целого — народа, то есть обладает народностью. Ю.Ф. Самарин так говорил о значении народности для искусства, например: "Самое поверхностное изучение памятников искусства, в связи с местом и временем их появления, приучило нас не дичиться народности в сфере художества; мы поняли, что не создал бы "Божественной комедии" Данте, если бы он не был итальянцем и католиком; что Гете был одним из полнейших проявлений германского духа; наконец, со времени появления между нами Гоголя, мы уразумели, что не только неисчерпаемое богатство художественных представлений, которых и половины он не успел нам открыть, почерпнуто им из нашей народности, но что он сам, как художник, своеобразен и велик именно потому, что его воспитала Россия, а не другая народная среда"[5]. Это же, по мнению Самарина, характерно и для любой другой сферы интеллектуального труда. Но тот же автор в статье "О мнениях "Современника" исторических и литературных" говорит о бесперспективности русского образованного общества в силу оторванности его от народа, от народного духа. Таким образом, образованное общество (интеллигенция) противопоставляется народу. Я

полностью согласна с первым и вторым положением Самарина, и считаю, что это противоречие разрешимо. По роду своей деятельности весь исторический период, предшествующий середине XX века, интеллигенция противопоставлена была остальному населению. Во времена Самарина эта пропасть была настолько непреодолима, что ни те ни другие друг друга даже не понимали. Но почва у них была одна — русская. Более или менее сильная отдаленность от народа того или иного представителя интеллигенции объясняется более субъективными факторами, чем объективными. К субъективным факторам можно отнести и происхождение индивида, условия его воспитания, его жизни, личностные качества. Объективными же факторами можно считать принадлежность к той или иной профессии. Например, инженер менее удален от народа в силу характера своей деятельности, чем представитель искусства, но опять же это не абсолютно. Иногда работник какого-нибудь конструкторского бюро гораздо дальше от народа, гораздо менее осознает себя русским (например), чем А.М. Горький, и таких примеров масса. Хотя по роду своей деятельности инженер напрямую, с производством и его работа не всегда чисто интеллектуальная. Приведенные выше рассуждения были в рамках деятельностного подхода. Но если на эту проблему взглянуть в историческом ракурсе, то приведенный мною выше пример будет некорректен, так как А.М. Горький жил в совсем иной исторический период, чем инженер из КБ — наш современник. Сравнение должно проводиться в рамках эпохи. При рассмотрении исторических эпох здесь решающим критерием выступает степень разделения умственного труда и физического. Так, например, с конца XX века пошел обратный процесс — постепенная нивелировка границ между умственным трудом и физическим, а от XXI века мы ждем всеобщую интеллектуализацию. Тогда возникает вопрос, возможно ли вообще выработать какую-либо понятийную константу в проблеме интеллигенции для всех времен и для всех народов. И нужно ли это делать? Я думаю, что нельзя. Единственный критерий, который действительно всегда работает — это интеллектуальный труд, все же остальные сугубо историчны и национальны. Но что подразумеваем мы, когда говорим "интеллигентный человек"? Мы понимаем, что это человек знающий, умный, и обладающий народностью, пропитанный народным духом — нашим пониманием добра и зла, чести и бесчестия, общечеловеческого и национального, свободы и неволи и т.д. То есть человек, обладающий полным, исторически сложившимся аксиологическим набором русского человека. И не любого представителя умственного труда мы называем интеллигентным. На-

оборот, существует выражение-упрек: "А еще интеллигентный человек!" — то есть этот человек не имеет всех качеств, которые вкладываются в понятие интеллигентный человек. То есть мы должны развести понятие "интеллигенция" как социальная группа и понятие "интеллигентный" как некая аксиологическая характеристика. Поэтому в дальнейшем речь будет идти о социальной группе современной интеллигенции. Анализируя ее, мы должны констатировать, что вид деятельности влияет на сознание представителей этой группы (оставим в стороне все остальные факторы, как менее существенные). Устойчивость сознания интеллигента зависит от близости его к народу (выше мы уже определили свое понимание этого термина). Устойчивость сознания я понимаю как способность остаться неизменным (устоять — "стоять твердо, выстоять, успешно противиться силе, не уступить")[6]. То, что сознание интеллигента особенное, в этом сомневаться не приходиться. Отличительные его черты: осознание своей исключительности, непохожести на остальных; претензия на всезнайство или стремление к всезнайству; признание себя вершителем истории, определителем духовности всего общества или повышенное чувство ответственности за происходящее, сопереживательность (разброс вариантов, и необходимость "или" в контексте продиктовано тем, что здесь огромную роль играют моральные качества человека — эгоизм или альтруизм, совестливость и т.д.). Считаю уместным привести также некоторые суждения интеллигенции о самой себе в качестве иллюстрации моих тезисов. "Интеллигенция всегда была культурообразующей силой, носителем и хранителем созидательной сущности цивилизации, ее гуманистических ценностей". "Уникальность феномена интеллигентности заключается в таком реальном бытии ума, нравственности и высокой духовности, когда обеспечивается и твориться их всеобщее основание, когда работа интеллекта развертывается в координатах нравственности и точкой отсчета всех человеческих деяний становится обеспечение личного достоинства каждого индивида"[7]. В этих отрывках интеллигенция представляется сродни Господу Богу, творящему из ничего. Другой автор преподносит нам интеллигенцию в качестве элиты, но он считает, что она должна стоять обеими ногами на какой-то почве: "Элита должна считаться с традицией, ибо хотя все меняется, некоторые традиционные элементы — элементы, с которыми общество сроднилось, — существуют всегда. Без таких традиционных элементов ни одна социальная элита не существует"[8].

Все указанные выше особенности не дают интеллигенту мобильно и адекватно реагировать на быстрые изменения в обществе: экономические, политические, культурные, и т.д. Поэтому представители этого слоя общества очень уязвимы и часто оказываются жертвами. В этом смысле очень показательны роль и судьба интеллигенции в переходные исторические эпохи. Здесь на первый план выступают взаимоотношения интеллигенции и государства. Необходимо определиться с понятием переходной исторической эпохи. Это понятие как бы объединяет в себя два: исторические эпохи и переходные эпохи. По этой проблеме проведено множество исследований, есть разные точки зрения. В связи с этим я считаю необходимым привести три высказывания, схватывающих все основные, необходимые нам для раскрытия проблемы, моменты. "Историческая эпоха — это качественное состояние человеческого общества (внутриформационное, межформационное), существующее определенный период времени, характеризующееся сложившимся соотношением общественно-исторических сил (между основными социальными группами, классами, системами), формирующихся на базе развития фаз производительных сил того или иного способа производства[9]". В.И. Мишин выявляет характерную черту переходной эпохи: "...соединение разнородных и даже противоположных систем хозяйства представляет явление, свойственное всякой переходной эпохе"[10]. Государственное устройство в этот период авторитарно. Обычно это диктатура, так вслед за В.И. Лениным и И. Ильиным считает Н.Б. Черемин[11]. К таким периодам я отношу 20-30-е гг. XX в России. У советского государства сложно складывались отношения с интеллигенцией, даже с той, что приняла советскую власть. Вся проблема не только в инертности сознания интеллигента. Отношения государства и интеллигенции строятся в идеологическом плане, ибо основная функция интеллигенции в государстве (как в социальном институте) — формулирование, развитие и несение в массы государственной идеологии. И потому деятельность государства по отношению к интеллигенции — это борьба за господство государственной идеологии как одного из инструментов власти. В ходе развития взаимодействия государства и интеллигенции она привлекалась к работе государственных органов, сливалась с ним. Но это соединение не было органичным. Это хорошо видно из архивно-следственных дел фонда УКГБ по Горьковской области, хранящихся в ГАНО. Из них видно, что представители интеллигенции (работающей с государством — речь только о ней) не испытывают антагонизма, ненависти к советскому государству, они ощущают себя представителями

этого государства. Подвергаясь репрессиям, эта категория чувствует личную ответственность перед обществом за происходящее. Здесь огромную роль играет личностный фактор. Дело в том, что в государстве формируется определенный поведенческий стереотип, определенный норматив образа мышления. Репрессируемая личность не вписывается в этот стереотип. Это несоответствие вредит государству переходной эпохи, так как в это время жизненно необходим государству как институту стереотип единообразия. Но особенно примечательно то, что в рядовых делах (то есть без примеси уголовных статей — вредительства, убийства, и т.д.) научных работников, инженеров, я не встретила приговора к высшей мере наказания. Это была в основном высылка на поселения в Сибири, на БАМ и в другие места народных строек, и работа там по специальности, и иногда даже на руководящих должностях. Государство, изолировав вышедшего за рамки дозволенного интеллигента, все равно использует его интеллектуальный потенциал. В допросах обвиняемых часто проскальзывали отголоски дискуссий 20-х годов: о колхозах — замены их синдикатами, о свободных профсоюзах, о способах атеистической пропаганды. То есть то, что уже через 20 лет, в другую историческую эпоху воспринималось как нормальная научная или другая дискуссия, и даже было полезно государству.

Примечания

1. Даль В. Толковый словарь живого русского языка. М., 1995. Т. 2. С. 46.
2. Ленин В.И. ПСС. 5-е издание. Т. 8. С. 309.
3. Краткий словарь по научному коммунизму. М., 1989. С. 107.
4. Краткий политический словарь, М., 1988. С. 148.
5. Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке. // Избранные произведения. М., 1992. С. 484.
6. Даль В. Толковый словарь живого русского языка, М. 1995. Т. 4. С. 515.
7. Шимина А.Н. Люмпенизация и интеллигенция человека как полярные тенденции в развитии современной цивилизации. // Система частных наук о человеке. Н. Новгород, 1992. С. 155.
8. Михай Вайда. Проблема "новой элиты" // Путь. 1992. № 1. С. 255.
9. Федотов Е.В. Историческая эпоха как общесоциологическая категория: Автореф. дис. Л., 1973. С. 12.
10. Мишин В.И. Общественный прогресс. Горький, 1970. С. 51.
11. Черемин Н.Б. О роли государства в переходный период // Великий Октябрь и современная Россия. Н. Новгород, 1997. С. 23.

А.В. Терехин

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: МЕЖДУ НАРОДОМ И НОМЕНКЛАТУРОЙ

Для правильного понимания места и роли интеллигенции в истории российского государства и общества, выяснения ее функций в современной действительности и научного прогнозирования ее будущего необходимо, прежде всего, попытаться выработать удовлетворительное определение этого социально-культурного феномена, отражающего основные его свойства и качества.

Традиционное для отечественной социальной философии определение интеллигенции гласит: "Интеллигенция ... — общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным (преимущественно сложным) трудом и обычно имеющих соответствующее, как правило, высшее образование. Термин "интеллигенция" появился в России в середине XIX в. и из русского перешел в др. языки. Общественные функции интеллигенции заключаются в создании, развитии и распространении культуры"[1]. Оно ясно свидетельствует о том, что одним из основных критериев выделения интеллигенции в структуре общества является умственный характер труда.

На наш взгляд, важность этого критерия нельзя недооценивать, поскольку он довольно легко позволяет отделить интересующий нас социальный слой от работников физического труда — рабочих, крестьян, мелких торговцев и др., составляющих, в большинстве своем, народные массы. Однако этого критерия явно недостаточно, когда возникает необходимость выделения интеллигенции уже среди работников умственного труда. О том, что такая проблема действительно актуальна, свидетельствует история советского общества. В 70–80-е г г. XX в. в нем окончательно сложились две мощные социальные группы - интеллигенция и номенклатура[2]. Социальные функции последней заключались в профессиональном управлении экономикой, культурой, государством в целом. По форме эта деятельность также является умственной и требует для своего успешного осуществления, как правило, высшее образование.

В этих условиях в российском обществе выработался еще один устойчивый критерий выделения интеллигенции. Считается, что она сконцентрирована в основном в таких сферах,как образование, здравоохранение, культура и наука, в то время как номенклатура сосредоточена в органах власти и управления. Однако подобные представления

опять-таки приблизительны, поскольку интеллигент действительно может быть врачом, учителем или ученым, но необязательно ученый, врач или учитель является интеллигентом. О несовпадении этих понятий свидетельствует и факт заимствования европейскими языками слова интеллигенция. Заимствование происходит, как известно, только тогда, когда слово обозначает феномен, который неизвестен заимствующей культуре. Примеров тому огромное множество. Именно так вошли в словарь европейцев такие русские слова, как тройка, степь, соболь, водка, колхоз, большевик, спутник, гласность, перестройка и многие другие.

Заимствование же слова интеллигенция означало, что оно называет феномен, который неизвестен европейскому обществу. Русские же слова врач, учитель и др. не были востребованы, поскольку подобные понятия издавна существуют в европейских языках.

Это обстоятельство однозначно свидетельствует, помимо всего прочего, о всемирной уникальности феномена русской интеллигенции: «Своеобразие русской интеллигенции как феномена национальной русской культуры, не имеющего аналогов среди «интеллектуалов» Западной Европы, людей, занимающихся по преимуществу умственным трудом, представителей «среднего класса», «белых воротничков» и т.д. является сегодня общепризнанным (как известно, во всех словарях мира слово интеллигенция в близком нам смысле употребляется с пометкой: «*рус.*» — как специфическое образование русской истории, национальной общественной жизни). В этом отношении феномен русской интеллигенции совпадает с национальным менталитетом русской культуры и оказывается в такой же мере источником, причиной ее становления и развития, в какой и результатом, плодом истории культуры России» (Кондаков И.В.)[3].

Со своих позиций тезис об уникальности русской интеллигенции отстаивали, например, П.Б. Струве и Н.А. Гредескул: «Самый кризис социализма на Западе потому не выступает так ярко, что там нет интеллигенции. Нет на Западе того чувствилища, которое представляет интеллигенция» (Струве П.Б.)[4]; «...действительно, русская «интеллигенция» на протяжении вот уже более чем столетия представляет из себя чрезвычайно типичное социальное образование, со столь определенной и резко выраженной идейной и эмоционально-волевой характеристикой, что, может быть, в самом деле можно усматривать в этом отношении известную разницу между жизнью русского и западноевропейского образованного общества» (Гредескул Н.А.)[5].

В отечественной научной, публицистической и художественной литературе существует большое количество определений интеллигенции. Основным их недостатком является излишняя расплывчатость и неопределенность. Примером тому может служить попытка Ю. Левады, который пишет: "В понятии интеллигенции, как оно сформировалось в России, содержится нечто большее, чем "слой" или "социальная группа"; это в то же время еще и социальная функция, роль, притом представленная как миссия, окруженная ореолом долга и жертвенности. Это не просто группа образованных людей, но некая общность, видящая смысл своего существования в том, чтобы нести плоды образованности (культуры, просвещения, политического сознания и пр.) в народ и уподобляющая эту задачу священной (по меньшей мере культурно-исторической) миссии... Это довольно длинное определение потеряет смысл, если его сократить на какую-то составную часть"[6].

Нельзя не согласиться с автором вышеприведенного определения в том, что интеллигенция представляет собой не просто слой людей, занимающихся умственным трудом и имеющих высшее образование. Однако мы не можем согласиться с тем, что интеллигенция только несет культуру и просвещение в народ, хотя это действительно одна из ее функций. Это также тот слой, который, в свою очередь, наиболее восприимчив к ценностям народной культуры и прежде всего нравственным. В этой связи уместно привести слова К. С. Аксакова, который отмечал в одном из писем, что «русский человек или, лучше, русский крестьянин есть в существенных своих проявлениях, действиях и словах такой великий наставник и проповедник истины и добра христианского учения, который убедит всякого, кажется, кто упрямо не заткнет уши»[7].

Эту мысль следующим образом выразили Н.А. Гредескул и М.А. Славинский: «Интеллигенция есть «ум» и «цвет» народа, но корни и родники этого «ума» и этого «цвета» лежат в народе. Интеллигенция есть только *надстройка* над народом» (Гредескул Н.А.)[8]; «... интеллигенция — единственная общественная группа, которая, будучи более или менее независимой от воздействий сословной, классовой и профессиональной психологии, концентрирует в себе все черты общенародного гения, делается сосредоточением общенародного творчества, питаясь непосредственно его соками и непосредственно возвращая полученное в переработанном виде народу, минуя все сословные, классовые и профессиональные перегородки» (Славинский М.А.)[9].

На наш взгляд, *интеллигент — это человек, который в силу своих убеждений, воспитания, образования, нравственного опыта не спосо-*

бен применить насилие и тем более пойти на умышленное преступление для достижения какой бы то ни было цели. Человек, совершивший умышленное преступление, никогда не считался в России интеллигентом.

Этот критерий позволяет четко отделить интеллигенцию от номенклатуры, поскольку важным элементом всей системы регуляции советского общества всегда оставалось насилие. Как класс номенклатура всегда правила посредством насилия, в том числе и физического, над людьми. Это обстоятельство дало некоторым авторам основание для определения общественного строя России в XX в. как «индустриальный феодализм». «Под индустриальным феодализмом понимается широкое применение мер внеэкономического принуждения в управлении экономикой в сочетании с доминированием в экономической жизни страны государственных вотчин (министерств, главков и т.д.) в монополизированных отраслях хозяйства» (Цвылев Р.И.)[10].

Именно поэтому, скорее всего, в советском номенклатурном бюрократическом лексиконе за интеллигенцией навсегда закрепилось презрительное определение "мягкотелая". «В стране «диктатуры пролетариата», в «социалистическом обществе рабочих и крестьян» профессиональных интеллектуалов относили, с легкой руки И. Сталина, к «прослойке», выполняющей служебную роль в обществе. Интеллигенция всегда рассматривалась коммунистической партией как нечто двусмысленное, подозрительное, не заслуживающее настоящего доверия. Это было зло, с которым государству и партии приходилось мириться «в интересах трудящихся», ибо этого требовали имперские интересы, опиравшиеся на гигантский военно-промышленный комплекс, вобравший до 80% научного потенциала страны», отмечает А. И. Ракитов[11].

С другой стороны, именно здесь, на наш взгляд, коренятся истоки вечной оппозиционности русской интеллигенции всем режимам, существовавшим в России или, если выражаться словами П.Б. Струве, ее отщепенства: «Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему»[12]. Близкой точки зрения придерживались также и такие мыслители и государственные деятели, как П.Н. Милюков и М.И. Туган-Барановский: «Действительно, русская интеллигенция (а затем и «оппозиция») почти с самого своего возникновения была антиправительственна и историческому государству противополагала правовое» (Милюков П.Н.)[13]; «...русский интеллигент стоял вне влияния буржуазной культуры уже по одному тому, что таковой у нас не было. Что же касается до русской

исторической культуры, выразившейся преимущественно в создании огромного деспотического государства, то вражда к этой культуре есть одна из характернейших черт интеллигента, восставшего на русское историческое государство и в течение уже многих поколений ведущего с ним борьбу» (Туган-Барановский М.И.)[14].

Таким образом, можно сделать следующий вывод: *русская интеллигенция представляет собой, прежде всего, социальный слой, основным регулятором поведения которого являются нормы нравственности.* В свое время это удивительно точно подметил С.Л. Франк: «Русский интеллигент не знает никаких абсолютно ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые»[15].

Сходных взглядов придерживался и М.И. Туган-Барановский: «...для нашего словоупотребления характерно, что термин «интеллигенция» обычно употребляется у нас для обозначения не столько определенной социально-экономической, сколько социально-этической категории. Под интеллигенцией у нас обычно понимают не вообще представителей умственного труда («мыслящий пролетариат», как определил разночинную интеллигенцию Писарев), а преимущественно людей определенного социального мировоззрения, определенного морального облика. Интеллигент — это «критически мыслящая личность» в смысле Лаврова — человек, восставший на предрассудки и культурные традиции современного общества, ведущий с ними борьбу во имя идеала всеобщего равенства и счастья. Интеллигент — отщепенец и революционер, враг рутины и застоя, искатель новой правды. И если такое социально-этическое понимание данного термина незаметно сливается в общественном сознании с совершенно иным социально-экономическим его пониманием (интеллигенция как группа представителей умственного труда), то это указывает, что в России «мыслящий пролетариат» или хотя бы руководящие, наиболее влиятельные его представители в большей или меньшей степени характеризуются вышеуказанными моральными чертами»[16].

Возникновение интеллигенции в российском обществе было вызвано объективной потребностью последнего в нравственном регуляторе и трансляторе. Эта потребность является чрезвычайно острой в настоящее время, поскольку выработанная в рамках официальной культуры, существующая ныне система социальной стабилизации (право, идеология, хозяйственный механизм и др.) практически исчерпала свои возможности. Именно в этом, на наш взгляд, заключается одна из наиболее важ-

ных причин развития дестабилизационных, кризисных процессов и в государстве и в обществе в настоящее время.

Примечания

1. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 210.
2. Вселенский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
3. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 442.
4. Струве П.Б. Интеллигенция и революция// Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. М., 1991.С. 151.
5. Гредескул Н.А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл// Вехи... С. 233.
6. Левада Ю. Интеллигенция // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ферро М. и Афанасьева Ю. М., 1989. С.128.
7. Письма С.Т., К.С. и И.С. Аксаковых к И.С. Тургеневу// Русское обозрение. 1894. Сентябрь. С. 19.
8. Гредескул Н.А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл// Вехи... С. 262.
9. Славинский М.А. Русская интеллигенция и национальный вопрос// Вехи... С. 415.
10. Цвылев Р. И. Постиндустриальное развитие. Уроки для России. М., 1996. С. 6.
11. Ракитов А.И. Российская наука: прошлое, настоящее, будущее//ВФ. 1995. № 3.С. 17.
12. Струве П.Б. Интеллигенция и революция//Вехи... С. 138.
13. Милюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция// Вехи... С. 327.
14. Туган-Барановский М. И. Интеллигенция и социализм// Вехи... С. 423.
15. Франк С. Л. Этика нигилизма// Вехи... С. 156.
16. Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм// Вехи... С. 430.

А.Г. Головинский

ПРОСЛОЙКА ИЛИ НАРОЖДАЮЩИЙСЯ КЛАСС?

Начиная с 60-х годов девятнадцатого века, когда писатель П.Д. Боборыкин впервые ввел в обиход слово "интеллигент", было изобретено великое множество различных его расшифровок. Например, словари советских времен это понятие определили следующим образом: "Работники умственного труда, обладающие образованием и специальными

знаниями в различных областях науки, техники и культуры"[1]. Действительно, интеллигент, прежде всего, должен обладать определенным уровнем знаний и умением ими пользоваться. Это качество обычно называют интеллектуальностью, а людей, им обладающих,— интеллектуалами. Очевидно,однако, что рассматриваемое понятие не исчерпывается лишь информационными битами и бодами, иначе к интеллигентам пришлось бы причислить огромное количество разумных мракобесов, начиная с Гитлера и кончая самим Дьяволом. Вторым обязательным слагаемым интеллигента является собственно интеллигентность, которая включает в себя высокую нравственность, служение людям и отчизне, совесть, честь и прочие качества, иначе именуемые человечностью или благородством. Общеизвестно, например, образное определение Ф.М. Достоевского, согласно которому интеллигент — это человек, которому близки все боли мира.

Итак, понятие интеллигент представляет собой совокупность количества – интеллектуальности и качества — интеллигентности. Каждое из этих свойств в отдельности является необходимым, но не достаточным, поэтому вполне возможно существование неинтеллигентных интеллектуалов или вполне интеллигентных крестьян. Могут возразить, что предложенная логическая конструкция свойственна только российскому менталитету и нашему пониманию интеллигента, но даже в сверхрациональном английском языке имеется четкое разделение на intelligent, intellectual и intelligence.

В качестве примера приведу таблицу "интеллигентного логического умножения" для некоторых известных людей.

Личность	Сомножитель Интеллигентность	Сомножитель Интеллектуальность	Произведение Интеллигент
Пушкин Александр Сергеевич	Да	Да	Да
Сахаров Андрей Дмитриевич	Да	Да	Да
Березовский Борис Абрамович	Нет	Да	Нет
Жириновский Владимир Вольфович	Нет	Да	Нет

Справедливости ради следует отметить, что представленное вниманию читателя двойственное понимание интеллигента вызвало множество возражений и споров. Но неоднократные попытки оппонентов найти в нем какие-либо существенные противоречия или создать нечто более разумное до сих пор оказались несостоятельными. В то же время, оче-

видно, что данная формулировка не окончательна и требует дальнейших уточнений и усовершенствований. Можно, например, достаточно долго спорить о конкретных величинах пороговых значениях интеллектуальности или о том, является ли патриотизм интеллигентным качеством и т. д.

Но пора обратиться к теме, заявленной в заголовке. Несмотря на столь прекрасные качества — интеллект и интеллигентность, — в существующей общественной иерархической структуре интеллигенции отведена роль прослойки между основными классами. Классики марксизма-ленинизма считали, что интеллигенция никогда не была и не может быть отдельным классом, так как рекрутируется из различных классов и не занимает своего особого положения в системе общественного производства. Как социальный слой, она не способна к самостоятельной политике, ее деятельность определяется интересами тех классов, которым она служит[2].

Уникальна ли подобная ситуация? Типичное определение классов из словарей советского времени гласит: "В каждом классовом обществе наряду с основными классами существуют и неосновные"[3]. Действительно, кроме основных классов в рабовладельческом обществе наличествовали свободные граждане, по бедности не имевшие рабов, но и сами не ставшие рабами. Эта межклассовая *прослойка* не только скандировала "хлеба и зрелищ!", но и формировала основной костяк армий, завоевывавших рабовладельческим государствам величие и богатства. Так же как и нынешняя интеллигенция, она пополнялась не только естественным путем, но и за счет разорившихся рабовладельцев или освобожденных рабов — т. е. рекрутировалась из всех основных классов. В феодальном обществе существовала аналогичная буржуазная *прослойка,* состоящая из свободных горожан и ремесленников. Своим трудом она обеспечивала развитие промышленности, рост производительности труда, открытие и освоение новых земель и т. д. Пополнение этой группы населения также шло из различных классов.

В вышеупомянутом определении далее по тексту следует: "...эти последние (т. е. неосновные классы) связаны либо с сохранением остатков старого способа производства, либо с нарождением нового"[4]. Знаменательно отсутствие каких-либо упоминаний о *прослойках.* Следовательно, согласно этому утверждению интеллигенция может быть либо остатками старого класса, либо зародышем нового, но не прослойкой!

Попробуем рассмотреть, как тасовалась классовая колода, для чего вновь обратимся к ранней буржуазии. Интересно отметить, что в литературных произведениях времен буржуазного младенчества она предстает перед нами как мыслящая, активная часть населения, не имеющая определенной общественной роли и осмысленных политических взглядов, целиком и полностью зависящая от прихотей правящего класса, — чем не современная интеллигенция? Несмотря на то что ранняя буржуазия была наиболее деятельной и прогрессивной частью общества, она не могла влиять на политику, поскольку не имела доступа к основной феодальной ценности — земле, определяющей социальную и политическую значимость владельца. Буржуазии пришлось вначале создать свою ценность — частную собственность на средства производства, которая обеспечила ей экономическую победу. И лишь осознав себя не только передовой частью общества, но и классом, буржуазия сумела в конечном итоге добиться политического господства.

Преобразование феодализма в капитализм происходило сравнительно недавно и достаточно полно описано. Информации о подробностях преобразования рабовладения в феодализм за давностью лет осталось несравненно меньше. Возможно, именно поэтому возникновение правящего класса феодалов из рабовладельческой военной прослойки не столь очевидно и доказуемо и многим покажется достаточно большой натяжкой. Но история - не математика, от нее трудно требовать четкого выполнения заявленных тенденций или формул. Однако сведения о том, что первоначально земельные наделы распределялись между рыцарями или дружинниками, хорошо известны из европейской и российской истории. Вооруженные воины, мечами добывающие себе славу и богатства, оканчивали свою жизнь достопочтенными феодалами, обремененными наделами и вотчинами.

Итак, вполне логично предположить, что деятельная, передовая и образованная межклассовая прослойка предыдущей общественной формации, используя свои колоссальные инициативность и работоспособность, создавая свою собственную систему ценностей и захватывая власть, в конце концов, основывала господствующий класс следующей формации.

Современная интеллигенция также представляет собой наиболее активную, наиболее деятельную и профессиональную часть общества. Научно-технический прогресс увеличивает численность интеллигенции и повышает ее роль в жизни общества. Сегодня она занимает вполне определенное положение в системе общественного производства — управление и развитие. Например, качество продукции гораздо в большей степени зависит ныне от вложенного в нее интеллекта, чем от труда

рабочих. Интеллигенция обеспечивает и количественный показатель — производительность труда. Таким образом, интеллигенция не только напрямую связана с производством материальных и духовных ценностей, она является определяющим фактором развития общества! Доказательств тому великое множество. Так, достаточно было появиться моде на народных интеллигентов, и за какие-то тридцать лет Советская Россия из аграрной страны превратилась в государство с передовой наукой и техникой. Послевоенная Япония в результате усиленного развития собственной интеллигенции за те же тридцать лет сумела пройти путь от побежденной и разоренной страны до одной из наиболее могущественных держав планеты. Оказывается, достаточно лишь одного (!) культивируемого поколения интеллигентов, чтобы страна получила колоссальный толчок в развитии науки и техники.

Занимая, с одной стороны, главенствующую ступень в системе производства материальных и духовных ценностей, с другой стороны, интеллигенция практически не допускается к их распределению. Подобное положение вещей все больше сковывает научно-технический прогресс, поскольку не дает простора развитию ее творческих сил. Понимая это, классики марксизма-ленинизма полагали, что интеллигенция все больше будет обращать свой взор к рабочему классу, с которым постепенно сблизится по своему положению и политическим требованиям. Но классики жили в то время, когда автоматизация производства была на зачаточном уровне и когда еще не было систем массового идеологического воздействия. Сегодняшний рабочий класс целенаправленно развращен с помощью этих систем и небольших финансовых подачек. Он не способен вести эффективную политическую борьбу не только в силу своей интеллектуальной неподготовленности и невозможности противостоять средствам информации, но и в результате фактического вымирания, грядущего с тотальной автоматизацией промышленности. В скором времени от рабочего класса останутся лишь небольшие группы населения, которые, как и крестьянство при капитализме, станут неосновным классом. В этот момент интеллигенция с неизбежностью должна превратиться в один из основных классов.

Пока еще интеллигенция не осознала своей классовой и исторической роли, запуталась в собственных теоретических изысканиях. На историческую арену сегодня она выходит не единым монолитным строем, а разобщено и воровато, и некоторые ее политические достижения - лишь результат усилий отважных одиночек. Однако присущая ей революционная роль уже наглядно проявилась. Так, Октябрьская революция

17-го года была задумана и совершена в основном благодаря российской интеллигенции. Но, в соответствии с собственными же идейными установками, она, завоевав власть, честно в течение трех четвертей века пыталась передать эту власть пролетариату. На шатком фундаменте собственных заблуждений, щедро отмеряя не только пот, но и кровь, интеллигенция сумела создать могучее и многочисленное социалистическое сообщество, охватившее более 1/4 территории и почти 1/3 населения земного шара. Вот как велика историческая мощь так называемой "прослойки"! Осознав, в конечном итоге, вопиющее несоответствие теоретических предпосылок исторической реальности, очевидную абсурдность и неустойчивость сотворенной политической системы, российская интеллигенция совершила августовский переворот 1991 года. Однако к этому времени в результате настойчивого и целенаправленного взращивания правящих "кухарок", созрела и окрепла новая политическая сила — партийно-комсомольская номенклатура. Взращенная и отобранная (по типу мафиозных структур) на принципе личной преданности, сплоченная во всепроницающую, прекрасно структурированную организацию, обладающую к тому же значительными материальными средствами, партократия без труда сумела переиграть интеллигенцию, отобрала у нее власть, и ныне ее же собственными руками пытается реставрировать капитализм и узаконить свое господство! Результаты общеизвестны — развал государственности, национальное унижение, крах экономики, повсеместная безработица и беспризорщина, рвущийся к власти криминалитет и другие подобные "прелести" номенклатурно-клановой демократии. Так на примере России история показала, к каким плачевным результатам приводит неосознание и невыполнение интеллигенцией собственных социально-политических прав и обязанностей.

Самое печальное, что почти уже столетняя гражданская война в России идет между лучшими представителями интеллигенции, не сумевшими понять своего исторического единства. Вместо того чтобы совместными усилиями возводить невиданное доселе общественное здание, российские интеллигенты с завидным упорством и постоянством пускают кровь себе и народу, корежат национальный менталитет, насилуют общество, разрушают государство.

Но вернемся к теме. Позволю обратить внимание читателя на один очень важный признак нынешнего времени. Вспомним, что отлученные от рабов воины рабовладельческого строя установили свою особую ценность — землю. В конечном итоге именно она стала экономической основой новой общественной формации. В свою очередь, лишенная

земли нарождающаяся буржуазия в обеспечение своей политической победы создала другую экономическую основу — частную собственность на средства производства. Сегодняшний день знаменателен тем, что мы присутствуем при повсеместном юридическом утверждении нового типа собственности — интеллектуальной. Этот вид собственности полностью принадлежит интеллигенции, поскольку только она умеет им пользоваться, только она его производит и эксплуатирует. Интеллектуальная собственность на наших глазах становится главным орудием производства, более значимым, чем обычные средства производства, поскольку какими бы развитыми не были последние, без интеллектуальной подпитки через пять-десять лет они неизбежно превращаются в груду морально устаревшего металлолома.

Новый вид собственности не укладывается в прокрустово ложе капиталистических отношении, во-первых, потому что ее практически невозможно сделать частной в полном смысле этого слова - она, как песок сквозь пальцы, исчезает из рук покупателя при помощи средств массовой информации, Интернета, промышленного шпионажа, записок и других форм обмена и добычи информации. Кроме того, она катастрофически быстро стареет. Во-вторых, этой собственностью может пользоваться далеко не каждый, а лишь тот, кто обладает определенным уровнем интеллектуальности. В-третьих, в отличие от обычных видов собственности интеллектуальную собственность крайне сложно измерить в денежном выражении. Мы постоянно сталкивается с парадоксом, когда низкосортный псевдодуховный товар безумно дорог, в то время как наиболее ценная с точки зрения интеллигента духовная пища, способствующая развитию интеллектуальности и прогрессу, стоит сущие гроши. Причем по мере нарастания качества духовной пищи ее денежная оценка, как правило, падает. Сравните, например, цены какого-нибудь "желтого" Плейбоя и научного журнала, или билета на концерт однодневки рок-звезды и читательского билета. Наконец, в-четвертых, в отличие от труда наемных рабочих практически невозможно определить реальную стоимость труда носителей интеллектуальной собственности. Поэтому сплошь и рядом стоимость и цена не совпадают, а интеллигенция недовольна существующими условиями бытия. Капитализм пытается, и заметим — пока достаточно успешно, обуздать этот новый вид собственников и собственности с помощью средств психологического воздействия, подкупа, законодательных реформ и полицейских приемов. Но это лишь временные победы. Последние исторические события в Югославии показывают, что маленькая горстка неприрученных интеллигентов, несогласных с действиями политиков, способна надолго парализовать военную мощь нескольких государств. Представляете, какой эффект можно получить, если воплотить в жизнь лозунг: "Интеллигенция всех стран, объединяйся!"

В то время, когда классики марксизма-ленинизма писали свои теоретические работы, интеллигенция действительно представляла собой небольшую, достаточно обеспеченную часть населения. Она еще не была столь массовой, не имела нынешнего влияния на производство и соответствующих политических амбиций. Поэтому классики, видя явные противоречия капиталистического общества и предсказывая его гибель, вынуждены были на роль "могильщика буржуазии" назначить пролетариат. В силу тех же причин они не могли видеть иной грядущей общественно-экономической формации, кроме коммунизма. Попытка реализовать последний на практике привела не только к огромным материальным и людским потерям, но и к теоретической путанице: вначале откуда-то возник военный коммунизм, затем появился НЭП, потом социализм и развитой социализм. Причем из работ того времени видно, что все эти промежуточные формации обосновывались и анализировались в крайней спешке, чисто эмпирическим путем, а потому достаточно дорого обошлись России. До сих пор в философской среде не утихают споры о том, что же за общественно-экономическая формация была у нас с 1917 по 1991 год.

Наблюдаемое ныне увеличение численности интеллигенции, рост ее социально-экономического влияния, вышеприведенные исторические аналогии и политическое поражение социализма в Советском Союзе и Европе говорят в пользу того, что между капитализмом и коммунизмом может иметь место еще одна общественно-экономическая формация, пропущенная по недосмотру классиками. Для определенности назовем ее "интеллигенизмом".

Примером общественного устройства, близкого интеллигенизму, можно, по-видимому, признать Швецию. Не случайно социологи и философы постоянно путаются, относя ее то к капиталистическим, то к социалистическим государствам. Именно в Швеции так ценятся и культивируются подлинно интеллигентные качества: добрососедство, умеренность в материальных притязаниях, высокая образованность - шведы практически всю жизнь учатся на бесчисленных курсах, школах, семинарах и т. п.

Предваряя возможные обвинения в антикоммунизме, заявляю, что, с моей точки зрения, коммунизм неизбежен, — на это указывает логика

исторической эволюции общества, идущего по пути все большего освобождения человека от насилия со стороны другого человека. Но вместе с тем способ, при котором коммунистические общественные отношения насаждаются силой на чуждую им социальную базу, представляется мне глубоко порочным. Ни одна общественно-экономическая формация не возникала без предварительного создания соответствующей общественной основы — ни рабовладельческая, ни феодальная, ни капиталистическая. Российский эксперимент по изменению естественного хода вещей, когда установление формации опережало появление социальной базы, оказался несостоятельным - несколько социалистических поколений не смогли решить задачу массового воспитания настоящих представителей коммунистического общества, удались лишь отдельные, штучные экземпляры. По-видимому, коммунизм также невозможен без предварительного создания своей социальной основы, не разделенной на классы и не имеющей различий типа "город-деревня", "умственный труд-труд физический".

Попытаемся проанализировать, что же такое "интеллигенизм", и как в рамках этой гипотетической формации может быть решена задача создания предпосылок коммунистического общества. Можно, конечно, углубиться в поиски основного закона интеллигенизма, например в виде получения прибавочной интеллектуальной собственности, или анализировать основное противоречие — между умственным и физическим трудом. Оставим пока этот сложный философский анализ ради более простых и наглядных вещей.

Прежде всего, размежуем интеллигенизм и технократию. Для этого вновь вспомним, что подлинный интеллигент — не только интеллектуал, но и носитель собственно интеллигентности. Для "чистых" интеллектуалов, метко именуемых "образованцами", первоочередным является собственное благо. Благо других, при этом возникающее,- лишь побочный, абсолютно случайный продукт. Материальные потребности интеллектуалов, в отличие от интеллигентов, поистине безграничны. Такие дорвавшиеся до власти "образованцы" и формируют технократию. Последнюю нельзя считать новой общественной формацией, это лишь одна из форм капитализма. Ей присущи тотальная частная собственность, интеллектуальный и силовой диктат, целенаправленное взращивание неумеренных материальных запросов, сознательное оболванивание населения, не принадлежащего к интеллектуальной элите. Технократия — это всемирные экологические катастрофы, бездарное расходование планетарных ресурсов, нравственная и физическая гибель огромного количества людей. Именно технократия породила идею о создании так называемого "золотого миллиарда", для которого остальные жители планеты — лишь средство повышения собственного благосостояния, низведенное до уровня рабочих скотов с программируемыми примитивными запросами. Но человечество никогда не смирится с существованием "золотого миллиарда" в одной отдельно взятой стране.

Поэтому правление технократов, кроме экологических катастроф, несет планете непрерывные военные "разборки".

В борьбе с интеллигенизмом технократия исторически обречена, хотя бы потому, что под свои знамена может поставить лишь ограниченную часть людских ресурсов. Несмотря на это, технократы являются наиболее опасным врагом интеллигенции, поскольку столь же хорошо владеют оружием интеллектуальной собственности. Замечу, что партократия как раз и является одной из форм технократии — ее управленческой разновидностью. И вновь история подсказывает нам очевидные аналогии — для нарождающейся буржуазии не было врагов страшнее, чем предатели из собственной среды, а феодальным воинам эффективно могли противостоять только наемные воины рабовладельцев.

В отличие от технократии интеллигенизм основывается не на частной, а на интеллектуальной собственности. Он устанавливает приоритет духовных, а не материальных ценностей, как это было в предыдущих формациях. Поскольку духовные ценности общедоступны, степень их присвоения определяется практически исключительно личными качествами отдельного индивида — настойчивостью, направленностью, усидчивостью и т. п. В интеллигенизме каждый сможет унести столько общественной собственности, сколько сумеет осилить. Тут-то и возникает реальная возможность для воплощения в жизнь коммунистической идеи: "от каждого — по способности, каждому — по потребности". Без предварительного утверждения приоритета духовных ценностей этот принцип — всего лишь красивая сказка. Только интеллигенизм способен остановить разрушительную лавину безудержно растущих материальных потребностей, переведя ее в духовное русло. Далее, если буржуазия еще носит следы кастовости, и стать представителем этого класса достаточно трудно даже при наличии самых выдающихся личных качеств, то интеллигенция как класс полностью открыта для любого из претендентов. В конечном итоге в результате грядущей тотальной автоматизации производства и неизбежной модернизации систем образования останется однородное общество — общество интеллигентов. Именно в этот момент умрет интеллигенизм и наступит коммунизм.

В заключение хочу отметить, что интеллигенизм наиболее близок именно российскому менталитету. Нигде в мире не встречается столь яростного — до самопожертвования — служения Отчизне, такого отчаянного стремления к знаниям и к осмысленности своего бытия, такой духовной жажды, как нет и столь трепетного отношения к интеллигенции. Нормальному российскому человеку всегда претило наступать на горло ближнему своему ради материальных благ, но духовные ценности он часто и охотно оплачивал реками собственной крови.

Примечания

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 231.
2. В.И. Ленин об интеллигенции. М., 1973.
3. Философский словарь. М., 1975. С. 179.
4. Там же.

А.В. Тимофеев

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В последнее десятилетие в мире происходят глобальные изменения, связанные с интеллигенцией, ее местом и ролью в обществе. Прежде всего, необходимо разобраться с самим понятием интеллигенция. Слово интеллигенция было позаимствовано из языков романской группы примерно в 70-е годы XIX века. Но понимание этого термина было изначально неоднозначно. Анализ различных точек зрения в русской социологии на содержание категории "интеллигенция" позволяет классифицировать их по двум большим направлениям: социально-экономические и социально-этические[1]. Социально-этический подход строго разделял образование человека и его интеллигентность. С этой точки зрения интеллигентность не зависит от уровня образования и рода деятельности. Фактически этот подход характеризует лишь один признак, характерный для данной социальной группы общества — обладание моральными принципами, определенным уровнем нравственных качеств. Отсюда идет связь понятий "интеллигенция" и "интеллигентность". Здесь следует отметить, что термин интеллигенция в указанном выше значении был развит только в России, с характерной для российского общества ориентацией на нравственно-этические ценности. В развитых западных странах значение имели лишь профессиональные качества интеллектуалов. Критерием выделения данной группы выступает наличие определенного образования, и (или) занятие преимущественно умственным трудом, что отвечает социально-экономическому подходу.

Из выше сказанного следует, что проблемы интеллигенции как особого слоя носителей нравственных ценностей существуют преимущественно в России. Другой вопрос, насколько оправданы эти претензии. Согласно исследованию, проводившемуся в Саратовской области, было обнаружено лишь 10% безукоризненно честных и справедливых из опрошенных интеллигентов. И это по собственным оценкам опрашиваемых, а самооценка, как известно, всегда бывает менее строгой. Другие ставят свою карьеру выше служению обществу и готовы при определенных условиях поступиться с совестью или уже поступились ею[2]. Отсюда следует, что в социально-этическом смысле региональной интеллигенции как особого слоя не существует. Существуют лишь отдельные носители высоких нравственных качеств, причем не только из среды интеллектуалов.

Возможно, изменение понятия интеллигенция происходит вслед за изменением реального положения ее представителей в обществе. До эпохи НТР интеллигенция в целом не была включена в процесс производства прибавочной стоимости, индустриального производства и состояла в значительной мере из лиц "свободных профессий". Это способствовало формированию в ее среде психологии элитарной исключительности. В эпоху НТР интеллектуальный труд омассовляется, подготовка кадров интеллигенции ставится на поток, что связано с потребностями производства. Люди, занимающиеся преимущественно интеллектуальным трудом, теряют былые материальные привилегии по сравнению с рабочими, хотя фактор престижа интеллектуального труда еще сохраняется[3].

По своим социальным характеристикам интеллигенция не представляет собой монолитного слоя. Существует несколько критериев деления интеллигенции. 1. Горизонтальное деление: городская и сельская, причем внутри каждой группы существует деление по уровню квалификации. 2. По критерию функциональных обязанностей: научно-техническая, научно-культурная, художественная[4]. 3. По вхождению в социально-профессиональные группы: научная, медицинская, военная, художественная, управленческая, производственная, культурно-просветительная, педагогическая. Здесь фиксируется различие по содержанию труда, а не между профессиями. Содержание труда отражает-

ся в уровне зарплаты, в культурных и бытовых условиях. А эти факторы оказывают значительное воздействие на формирование системы нравственных качеств.

XX век характеризуется значительным ростом образованности населения. Массовая интеллектуализация ведет к массовизации интеллигенции, что порождает ее расслоение: от правящей (властвующей) элиты до категории интеллигенции по материальному положению схожих с положением квалифицированных рабочих (например, некоторые категории врачей, учителей и т.д.). Разумеется, что потеря интеллигенцией своих позиций в обществе должна каким-то образом проявляться и компенсироваться. Возникает идеология элиты аутсайдеров, элиты оппозиции. Это связано с тем, что часть интеллигенции оказывается невостребованной обществом в силу диспропорций между спросом и предложением на рынке труда. И эти люди вынуждены либо пополнять число безработных, либо снижать свой материальный (работать за невысокое вознаграждение по специальности) или социальный (заниматься деятельностью, не связанной с интеллектуальным трудом, но более доходной) статус. А известно, что окружающая среда во многом определяет либо изменяет мировоззрение индивида. Компенсация может проявляться в превознесении собственных моральных качеств и критицизме по отношению к власти.

Существует еще один важный вопрос — положение бюрократии в структуре интеллигенции. В советской литературе долго шел спор можно ли бюрократию (чиновников, управленцев) относить к интеллигенции. Краеугольным камнем являлось отношение представителей интеллигенции к средствам производства (чиновники распоряжаются ею). При этом управленцы находятся в несколько привилегированном положении по отношению к другим слоям интеллигенции, нередко принимая участие в решении их судьбы. Вместе с тем кадры бюрократии комплектуются из представителей интеллигенции, т.е. бюрократия и интеллигенция взаимозависимы.

Длительное время представители интеллигенции выступали в качестве посреднического звена между властью и народом, а такая функция была необходима. Это доказывается таганрогским проектом при сравнительном анализе моделей действительности, распространяемых среди населения различными средствами массовой информации и пропаганды. Значительные структурные и содержательные расхождения в этих моделях, отмечалось в исследовании, служат естественной базой "порождения так называемого плюралистического общественного мнения...

или феномена "разрушенного" общественного мнения (когда читатели, сталкиваясь одновременно с несколькими взаимно исключающими друг друга позициями официальных источников информации, лишены возможности построить свои суждения на основе информационных данных)"[5]. Интеллигенция активно влияла на формирование общественного мнения, была образцом высокой нравственности. Последние годы характеризуются развитием таких средств массовой информации, как радио и телевидение. Они взяли во многом на себя функцию интеллигенции по интерпретации явлений и событий общественной жизни, стали фактором формирования культуры поведения. Интеллигенция также теряет статус интеллектуальной элиты. Большая часть интеллигенции превратилась в рядовой слой тружеников, сохранив единственное преимущество в виде так называемого "символического капитала" знаний. Однако отношение к знанию и само знание претерпело в последнее время значительную трансформацию. Знание меняется с очень высокой скоростью, и далеко не каждый интеллектуал имеет возможность за ним уследить. Гораздо большее значение приобретает способность быстро находить и использовать информацию.

Долгое время существуя в "тепличных" условиях, интеллигенция оказалась явно не способной противостоять агрессивной окружающей среде. Все это говорит о неизбежном изменении этой социальной общности: пересмотру ее социального статуса, связанному с включением ее в систему современных социально-экономических отношений, изменение ее нравственных качеств в сторону от традиционных. Это повлечет за собой изменение способа ее эмпирической фиксации, где одно из ведущих мест займет принцип полезности, и, возможно, механизм ее комплектования. Более радужная перспектива сохранения своих позиций в узко утилитарном плане есть у представителей так называемой творческой интеллигенции в сравнении с научно-технической и гуманитарной.

Примечания

1. Барбакова К.Г., Мансуров В.А. Интеллигенция и власть. М., 1991. С. 75.
2. Барзилов С.И., Чернышев А.Г. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция // Свободная мысль. 1996. № 1. С. 50.
3. Ашин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985. С. 57.
4. Астахова В.И. К вопросу об изучении внутренней структуры интеллигенции. Методические проблемы социологических исследований интеллигенции. М., 1987.
5. Массовая информация в советском промышленном городе. М., 1980. С. 192.

Г.Г. Давыдов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Современный словарь иностранных слов толкует понятие интеллигенция как общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным творческим трудом, развитием и распространением культуры (работники науки и искусства, юристы, учителя, инженеры, врачи, журналисты и др.).

Уже данное положение говорит о социально-значимой роли интеллигенции, о ее социальном положении. Тогда можно проследить появление данного слоя на исторической сцене. В первобытно-общинном обществе данное положение занимали религиозные деятели и руководители сообществ, родов, племен. Здесь они выполняли роль руководителей, определяющих и направляющих общественную жизнь. В рабовладельческом обществе руководящим господствующим классом были рабовладельцы, потребители прибавочного продукта. Прибавочный продукт производили рабы. В данном обществе физический труд был унизительным занятием для свободного, поэтому свободные им не занимались. Но не все свободные были рабовладельцами, часть была неимущей, хотя и свободной. Для поддержания своего благосостояния она должна была заниматься какой-то общественно полезной деятельностью. Именно эта часть и занималась развитием культуры, управлением государством и т.д. в интересах господствующего класса. Следовательно, в рабовладельческом обществе профессионально занимающиеся умственным трудом образовывали прослойку между представителями господствующего класса и угнетенными и эксплуатируемыми. Деятельность их была направлена на выражение, обоснование и защиту интересов господствующего класса. Такое промежуточное положение интеллигенции сохранилось и при феодализме, и при капитализме.

В русском же языке термин интеллигенция появился и означал нравственную оценку людей умственного труда, думающего о народе, заботящего о нем, ищущего пути его раскрепощения, освобождения, просвещения и его, народа, активного участия в обеспечении своего благосостояния посредством творческого производительного труда. Само такое понимание интеллигенции ставило ее в оппозицию к господствующему классу, государству, правительству. Именно поэтому наиболее сознательная часть интеллигенции вставала на сторону народа, боролась за его освобождение с правительством в той или иной форме.

Именно такая борьба, классовая борьба, привела народ к освобождению от тирании самодержавия, а затем и буржуазии в Октябре 1917 года.

Итак, сам термин «интеллигенция» несет в себе три основных значения — профессиональное, социальное и нравственное. Отсюда следует, что любой представитель интеллигенции в соответствии с воспитанием, образованием и обучением может быть образцом как только одной из этих оценок, так некоторой их совокупности. Естественно, что для русской трактовки понятия интеллигенция оптимальным и основным является совокупность всех трех оценок. Вопрос только в том, достижимо ли это в наше время? Но продолжим дальше.

Выше говорилось, что в основе чаяний интеллигенции лежали: 1) освобождение народа от тирании — это было сделано в Октябре 1917 г.; 2) просвещение народа — основы к этому были заложены бесплатным образованием, системой ликбезов и т.п., направленных на воспитание всесторонней и гармоничной личности каждого члена общества; 3) обеспечение своего и народного благосостояния посредством активного и творческого участия каждого члена общества в общественном производстве (развивая науку и производительные силы, повышая производительность труда и сокращая рутинный, ручной и монотонный труд). Посредством этого и должна была решаться главная задача социализма — полное уничтожение неравноправного классового деления общества на основе разделения умственного и физического труда, противоположности между городом и деревней, профессионального кретинизма и т.д. Но данные задачи выполнены до конца не были. Говорят, что в этом была виновата диктатура пролетариата, внутреннее и международное положение и т.д. Но так ли это?

Диктатура пролетариата, как наиболее передового класса общества, предполагала развитие общества на основе общественной собственности и обеспечения условий полного всестороннего и гармоничного развития личности за счет общества, т.е. на основе совокупного производительного труда, при котором не было бы никакого социального, профессионального и т.д. различия между членами общества и каждый бы мог в соответствии со своими способностями и возможностями полноценно и творчески участвовать в любой сфере общественной жизни, производства и т.д. В этом случае на диктатуру пролетариата возлагается задача как полного обеспечения этих условий, так и подавление любых поползновений, направленных на ограничение или пресечение таких возможностей. В этом и заключается суть диктатуры пролетариата или пролетарской демократии, когда сам народ осуществляет свое развитие,

управление, повышение благосостояния. В отличие от этого диктатура буржуазии или буржуазная демократия направлены на ограничение всестороннего и гармоничного развития всех членов своего общества, полноправного участия в управлении делами государства и т.д., так как в этом случае она, буржуазия, лишается своего господствующего положения, законного обоснования получения прибавочного продукта и т.д.

Следовательно, интеллигенция, если исходить из русской трактовки этого понятия, должна была стать на сторону рабочего класса, обеспечить мирную победу наиболее демократического общественного строя и приступить к построению и развитию социализма. На деле же интеллигенция разделилась, одна часть встала на сторону свергнутых классов и совместно с ними развязала Гражданскую войну, использовав часть обманутого народа и помощь иностранных интервентов, против собственного народа за возвращение своего утраченного социального положения. Другая часть истинно русской интеллигенции встала на защиту Родины, народа, прогрессивного строя. И несмотря на голод, холод, разруху и т.д. народ, ведомый прогрессивными силами, объединенными коммунистической партией, одержал победу в этой труднейшей войне.

Но это было на внешнем, открытом фронте классовой борьбы. Деление интеллигенции сохранилось внутри страны. Сохранилась, следовательно, и борьба одной ее части за восстановление своего социального привилегированного положения. Основой этого становилась задача захвата государственной власти, госаппарата. Действительно, при общественной форме собственности, захватив государственную власть посредством захвата госаппарата и огосударствления общественной собственности и при сохранении идеологических атрибутов, можно было использовать государственную машину, ее репрессивно-карательную систему для укрепления своего господствующего и привилегированного положения. То есть, в этом случае часть интеллигенции создает бюрократическое государство, сохраняющее и классовое деление, и товарно-денежные отношения, и наемный труд, и как следствие угнетение и эксплуатацию народа, куда составной частью входит и другая часть интеллигенции, не вошедшая в государственно-бюрократическую номенклатуру. Но отсюда следует, что именно она должна в соответствии с традициями русской интеллигенции встать на защиту народа, просветить его, вести за собой в борьбе за освобождение как свое, так и народа. Но этого не произошло. Почему?

Конечно, можно сослаться на то, что тоталитарное бюрократическое государство следило за всеми своими подданными, проводя контроль, отбор и нейтрализацию неблагонадежных.

Но суть-то в том, что несмотря на плодотворную, творческую и углубленную теоретическую работу классиков марксизма, полное представление о сути социализма, практических отношениях его производства, распределения, обмена и потребления не были ясны, их надо было разрабатывать. Но для этого необходимы были определенные знания, профессионализм, социальное положение — возможность доведения знаний до масс, нравственная позиция, отвечающая чаяниям народа, а потому и гражданское мужество.

Но именно такие люди и считались наиболее неблагонадежными для существующего режима и удалялись в первую очередь. Возможно, поэтому интеллигенция потеряла способность профессионального и нравственного развития в деле служения своему народу. А может, потому что данные общественные отношения и есть социализм, преддверие коммунизма, и потому надо бороться не за освобождение народа и себя от тиранической власти, а приспособиться к ней, слиться с ней, иметь за свое служение ей хороший кусок не только хлеба, но и масла.

Если вести дальнейшее исследование исторического развития нашей страны и ее крушения, то увидим отнюдь не прогрессивную роль интеллигенции в данных событиях. Если начало перестройки совпало с недовольством народа своим положением при хорошо развитых производительных силах, повышении производительности труда, выполнении и невыполнении государственных планов на фоне разложения советской власти, то интеллигенция, вернее, ее наиболее активная демократическая часть, приняла непосредственное участие в деле не просвещения народа а в деле его обмана, оболванивания через СМИ с целью разрушения тоталитарного режима и передачи ей власти. Что удивительно, народ поверил этой демагогии и мафиозная, компрадорская буржуазия получила власть.

Что из этого вышло, ощущает на себе не только народ, который демократы не стесняясь называли после захвата власти и «совками», и «быдлом», но и сама интеллигенция.

Отсюда следует, что само понятие интеллигент несет в себе три нагрузки: и как выражение профессиональной деятельности человека преимущественно умственным трудом в той или иной сфере деятельности; и социальную, показывающую его возможности участия в общественной жизни, влияния на общество и получения тех или иных привилегий;

и нравственную, в соответствии с которой человек служит верой и правдой народу или его поработителям, доказывая, в последнем случае, что он выступает за классовый мир, социальное партнерство, «общечеловеческие ценности» и т.д.

С.С. Балабанов, Г.Л. Воронин, Е.Б. Демшина

ПОЛОЖЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА

Понимание и объяснение того общества, в котором мы жили, живем и собираемся жить, связано, прежде всего, с выяснением его социальной структуры, т. е. состава, положения и отношений составляющих общество групп, а также стратификации общества, расположения групп на иерархической шкале социальных статусов.

В ходе экономических и социально-политических реформ последнего десятилетия социальная структура Россия вновь претерпела серьезные изменения. Впечатляет динамизм изменений. Одни группы уменьшились численно и снизили свое влияние в обществе, другие выдвинулись на передовые позиции. Велика статусная несовместимость экономических, социально-политических и социокультурных характеристик населения. Размытость границ между социальными общностями, их проницаемость, нестабильность, подвижность социальной структуры, напряженные отношения между общностями, высокая социальная мобильность, рост числа маргинальных групп — таковы характеристики переходного российского общества.

Сегодня нам лучше известно исходное состояние нашего общества накануне реформ — этот вопрос получил освещение в работах отечественных и зарубежных социологов, но куда мы идем и куда придем — это неизвестно. По многим показателям, используемым в сопоставительных исследованиях разных стран, мы движемся отнюдь не в сторону развитых западных стран, а скорее, развивающихся латиноамериканских и африканских. Демократическое общество и правовое государство — идеал значительной части российской интеллигенции горбачевских времен, — за прошедшие годы не приблизился, а еще более отдалился от реалий нашего времени.

Бытовавшее ранее деление советского общества на рабочих, колхозников и интеллигенцию сегодня никого не удовлетворяет, а адекватной картины социальной структуры современного российского общества еще не существует. Многие категории граждан потерялись в социальном пространстве и не знают, кто же они такие. Трудности самоидентификации велики и для новых общностей и для традиционных общественных групп и слоев.

По этой причине сегодня трудно классифицировать людей по роду деятельности, по их месту в общественной организации труда и по другим классообразующим признакам. Еще труднее — определить количественные характеристики из-за размытости границ. Ясно лишь то, что люди сильно различаются по своему политическому, экономическому, социокультурному капиталу, по социальному престижу. Очередная перепись российского населения, запланированная на начало следующего века, даст немало печальных открытий о нашем обществе, пока же специалисты довольствуются данными выборочных опросов.

В настоящей статье сделана попытка сравнить положение нижегородской интеллигенции в социальной структуре Нижегородской области с другими ведущими социальными группами — предпринимателями и высшими менеджерами (лица, владеющие собственностью или контролирующие ее, принимающие решения), а также с рабочим классом. Эмпирической базой статьи послужили материалы исследования "Нижегородцы на рубеже тысячелетий", проведенного летом 1999 г. в Нижегородской области. Опрошено 1696 нижегородцев в возрасте от 18 лет и старше по репрезентативной выборке. Под интеллигенцией мы понимаем цензовую группу — занятое население, имеющее высшее образование, работающее руководителями среднего и низшего звена, экономистами, инженерами, врачами, учителями, научно-педагогическими работниками, специалистами сельского хозяйства, юристами.

В начале горбачевских реформ в массовом сознании еще были сильны представления, что мы живем в достаточно социально однородном обществе. Социальное неравенство было заметно, однако 72% жителей Н. Новгорода, например, видели себя в срединных слоях нижегородского общества, т.е. были "как все", как большинство других людей. Это равенство с другими грело душу, не вызывало сильной социальной зависти и сближало, а не разъединяло людей. Модель советского общества представляла собой по форме волчок с небольшим числом власть

имущих в верхних стратах и незначительным числом обездоленных людей в низах советского общества.

Человек живет не только в объективной реальности, но и в мире своих представлений, воображений, правил, конвенций, значений и ценностей. На самооценке своего положения в обществе основан один из методов изучения социальной структуры общества, точнее, его стратификации, расслоения.

Сегодня, судя по тому, к каким стратам причисляют себя нижегородцы, модель нижегородского общества представляется в форме луковицы или пирамиды с утяжеленным основанием, что характерно для развивающихся бедных стран и свидетельствует о мощной нисходящей социальной мобильности в последние годы.

Дистанция между элитой общества и низами увеличилась многократно. Сегодня интересующие нас группы людей видят себя в следующих стратах (на десятибалльной шкале социальной лестницы, где 1 — социальное дно, 10 — элита).

Таблица 1

Самоидентификация предпринимателей, интеллигенции и рабочих в структуре нижегородского общества, 1994 г. и 1999 г., %

Ступеньки социальной лестницы	Предприниматели	Интеллигенция	Рабочий класс
1994 год			
Слои выше среднего (пункты 7, 8, 9, 10)	5	5	3
Срединные слои (пункты 4, 5, 6)	53	54	50
Низшие слои (пункты 1, 2, 3)	42	41	47
1999 год			
Слои выше среднего	7	2	1
Срединные слои	60	42	31
Низшие слои	33	56	68
Должное место "по справедливости"			
Слои выше среднего	32	30	26
Срединные слои	65	63	65
Низшие слои	2	6	9

Из трех сравниваемых групп только предприниматели и руководители повысили за последние пять лет свой статус, поднялись на несколько ступенек вверх по социальной лестнице. Интеллигенция и, особенно, рабочие спустились вниз со всеми вытекающими последствиями, оттесняясь все дальше и дальше от контроля за ограниченными ресурсами общества, от своей доли общественного богатства. Расхождение между уровнем притязаний (место в обществе по справедливости) и реальным положением особенно велико среди интеллигенции и рабочих, что вызывает возмущение и недовольство властью и порядком в стране.

Подавляющее большинство нижегородцев отчуждено от власти. Стремление к демократизации общества, привлечению трудящихся к самоуправлению, столь модное в период перестройки, тихо угасло. Делиться властью — не в традициях элиты.

Одна из задач экономических реформ — формирование среднего класса, класса собственников, чему должна была способствовать приватизация и перераспределение общественного богатства. Но дележ произошел в узких кругах наиболее шустрых лиц, оказавшихся в нужное время в нужном месте. Фактически только 16% предпринимателей и по 5% респондентов из числа интеллигенции и рабочих считают, что они стали собственниками средств производства в результате приватизации. Большая часть интеллигенции сосредоточена в бюджетной сфере, т.е. малооплачиваемой. Поэтому мужчины вымываются из данной социальной группы, их среди нижегородской интеллигенции менее 38%. Среди рабочих мужчин 69%, среди руководителей и предпринимателей — 53%.

Среди руководителей и предпринимателей две трети лиц в возрасте моложе 40 лет, среди интеллигенции и промышленных рабочих — менее половины. Ключевые позиции, скажем, в малом бизнесе, уже сегодня принадлежат молодому поколению, наиболее мобильному и адаптированному к изменениям во внешней среде. Половозрастные характеристики нижегородской (и российской) интеллигенции обусловливают во многом медленное и трудное приспособление этой группы для жизнедеятельности в условиях переходного общества.

Почти у половины руководителей и предпринимателей стаж работы на предприятии не превышает трех лет, тогда как свыше половины интеллигенции характеризуется низкой межотраслевой и профессиональной мобильностью. Эта преимущественно женская и во многом пожилая часть трудящихся не может, а часто и не желает расставаться со своим предприятием, каким бы лежачим и бесперспективным оно ни было.

Эйфория от перехода экономики страны на рыночные рельсы проистекала от предвкушения изменения мотивации в труде, ожидания нормальной оплаты труда, от надежд, что в сфере производства будет поощряться и проявляться самостоятельность и инициативность, что будет

расти производительность труда. Что сбылось, а что осталось лишь в мечтах?

Половина предпринимателей и менеджеров работает весьма упорно, значительно больше 50 часов в неделю, тогда как почти две трети интеллигенции и рабочих работают, как и раньше, от звонка до звонка, трудовая нагрузка не изменилась. Вторичная занятость характерна для 12% опрошенных во всех рассматриваемых группах населения. Расхожие представления, что интеллигенция крутится на трех-четырех работах, пытаясь обеспечить семью, не соответствуют действительности. Или это характерно только для наиболее квалифицированной (и мужской) части специалистов с высшим образованием, востребованных на рынке труда.

Оценки условий труда наиболее образованной частью трудящихся, занятой высококвалифицированным умственным трудом, достаточно благополучные, за исключением материального вознаграждения за свой труд. Но при этом надо учитывать, что наименее квалифицированная часть интеллигенции (или менее удачливая) исключена из этой общности и оказалась в числе домохозяек, безработных, занялась неквалифицированным физическим трудом и т.д.

Таблица 2

Оценки различных сторон своей работы предпринимателями, интеллигенцией и рабочими на пятибалльной шкале. Процент хороших и отличных оценок, 1999 г.

Стороны работы	Предприниматели	Интеллигенция	Рабочие
Санитарно-гигиенические условия труда	66	58	35
Соответствие работы полученной специальности	56	78	63
Организация труда	82	63	49
Материальное поощрение сотрудников	50	22	27
Возможность проявления инициативы, самостоятельности	62	59	36
Объем заданий, рабочая нагрузка	69	64	51
Оплата труда, доход	42	16	22
Условия для повышения квалификации	46	53	37
Уровень руководства предприятием	77	68	50

Еще раз надо обратить внимание, что интеллигенция ценит профессионализм, для нее это одно из важнейших условий востребованности в сфере труда, здесь наибольшее число опрошенных удовлетворены соответствием работы полученной специальности.

По условиям, организации труда, его оплате интеллигенция занимает промежуточное положение между руководителями (работодателями) и рабочим классом.

Материальное положение сегодня - один из главнейших показателей и места человека в обществе и степени его адаптации к изменяющимся условиям жизни.

Ощущение депривированности значительной части интеллигенции проистекает прежде всего от низких доходов, не позволяющих обеспечить удовлетворение базовых потребностей человека. И годы реформ продолжают процесс ухудшения материального положения специалистов с высшим образованием, испытывая их на прочность. Далеко не все выдерживают унизительное испытание бедностью. Если в 1995 году только у 39% нижегородской интеллигенции покупательная способность была достаточной для повседневных покупок и коммунальных платежей, то в 1999 году их осталось только 26%. Среди рабочих еще меньше — 20%

Личные доходы в размере свыше 1500 рублей были у 60% предпринимателей, у 31% представителей интеллигенции и 22% рабочих.

На наш взгляд, положение интеллигенции тяжелое, но не столь трагичное, как это выглядит в оценках СМИ. Потребности выживания рождают к жизни часто неожиданные и уродливые, незаконные способы жизнеобеспечения.

В июле 1999г. около 70% представителей нижегородской интеллигенции заявили, что у них хорошее или нормальное настроение. (По России у специалистов — 37% [1]. Не будем забывать, что в нашей выборке наиболее продвинутая, "рафинированная" часть интеллигенции). Социальное самочувствие двух других сравниваемых групп даже несколько хуже. Среди проблем, которые беспокоят интеллигенцию, сравнительно больше, чем у рабочих и менеджеров, стоят общественные проблемы: расслоение людей на бедных и богатых, коррумпированность властей, бесправие простого человека. Болеть чужой болью — в традициях российской интеллигенции.

Пестрота и разношерстность специалистов с высшим образованием, различия их интересов и внутренняя неоднородность определяют и широкий спектр политических ориентации интеллигенции.

Сегодня за свободный рынок или рыночно ориентированную экономику с элементами государственного регулирования выступает только треть рассматриваемой нами группы интеллектуалов. 10 лет назад ярых последователей рыночной экономики было существенно больше. Если предприниматели ратуют за то, чтобы в стране было больше частных предприятий, то среди интеллигенции и рабочих сторонников этой точки зрения втрое меньше. Если две трети руководителей и предпринимателей говорят, что человек сам должен себя обеспечивать, то среди интеллигенции и рабочих большее хождение имеет противоположная точка зрения: государство должно играть большую роль в обеспечении своих граждан. Условия жизнедеятельности изменились, но рыночная психология стала достоянием пока еще небольшого числа людей. Ожидание патернализма со стороны государства очень сильны, но разворованное государство вряд ли сможет помочь всем страждущим. Хотя именно интеллигенция меньше, чем кто-либо из других групп по роду занятий, в силу лучшей информированности и умения анализировать строит иллюзии по поводу возможностей государства. Нынешнее состояние российской экономики только 17% специалистов характеризует как "кризис, с которым страна справляется" (среди предпринимателей — 28%). И по России среди специалистов наименьшее число оптимистов[1].

Поскольку в современной России метками политических пристрастий являются не столько программные положения тех или иных партий, а фигуры их лидеров, то нагляднее представить спектр указанных предпочтений через доверие к последним: Г. Зюганову в июле доверяло 15% интеллигенции Нижегородской области, Б. Немцову — 10%, Г. Явлинскому — 21%, Е. Примакову — 47% опрошенных. На фоне тотального недоверия практически всем институтам власти и руководству страны уровень доверия Е. Примакову следует оценить как очень высокий.

Высокое предназначение российской интеллигенции - хранить и приумножать духовные ценности, сеять разумное, доброе, вечное, что сегодня делать очень трудно. Духовное состояние современного российского общества носит название аномии. Одни нравственные ориентиры отброшены как мешающие жить, достойной замены еще не найдено. Идейно-нравственный разброд и шатания, утрата идеалов - еще одна примета нашего времени. И на интеллигенцию ложится большая доля ответственности за нравственное состояние общества в период ломки нравственных устоев.

Многовековой опыт дает разные советы относительно способов взаимоотношения людей друг с другом. В соответствии со своей духовной организацией разные люди выбирают разные стратегии поведения. Какими нравственными принципами руководствуется интеллигенция?

Таблица 3

Некоторые жизненные принципы, которыми руководствуются нижегородцы, %

Жизненные принципы	Предприниматели		Интеллигенция		Рабочие	
	да	нет	да	нет	да	нет
Бедность не порок	23	37	15	46	15	48
Не обманешь — не проживешь	26	28	45	18	32	25
Око за око, зуб за зуб	32	32	18	42	21	29
Большинству людей можно доверять	12	55	35	20	28	37

На фоне предпринимателей, активно пропагандирующих своим поведением агрессивные способы взаимоотношений людей друг с другом, недоверие к людям, инструментальное к ним отношение, интеллигенция отличается в лучшую сторону стремлением сохранить общечеловеческие ценности, доброе и уважительное отношение друг к другу. Именно такое отношение только и может стать нравственными скрепами для нестабильного общества. Общество не может существовать, если люди на сцене жизни играют по разным правилам и имеют свои несовпадающие представления о добре и зле.

Однако идеализировать интеллигенцию не приходится. К сожалению, и она в своих представлениях и нравственных принципах эволюционирует не в лучшую сторону. И среди нее встречается немало представителей, которые пришли к выводу, что выгоднее жить по законам джунглей, по принципу "человек человеку волк".

Мрачная картина в духовной сфере жизни общества вновь меняется в несколько лучшую сторону, если познакомиться с таким интегральным показателем социального самочувствия, как удовлетворенность нижегородцев различными сторонами своей жизни.

Таблица 4

Удовлетворенность нижегородцев различными сторонами своей жизни (Сумма оценок 4 и 5 на пятибалльной шкале), %

Удовлетворенность ...	Предприниматели	Интеллигенция	Рабочие
Профессией	76	80	60
Детьми	93	84	83
Уважением окружающих	81	89	83
Количеством свободного времени	33	32	44
Материальным положением	27	23	12
Семейной жизнью	59	68	69
Работой	79	75	59
Жизнью в целом	70	58	54

Ответ на вопрос "Кому живется весело, богато на Руси ?" достаточно очевиден. Но и интеллигенцию нельзя отнести поголовно к депривированному слою, деморализованному жестокой прозой жизни. Большая часть интеллигенции по большому счету удовлетворена как жизнью в целом, так и отдельными ее сторонами. Более того, 49% считают, что они счастливы, насколько можно быть счастливыми в печально переходное время. Кроме того, чуть более половины опрошенных в каждой из сравниваемых групп полагают, что их дети будут жить лучше своих родителей. Как говорится, надежда умирает последней. Если смотреть правде в глаза, то пока что последствия реформирования российского и нижегородского общества противоположны желаемым.

Примечания

1. Левада Ю. "Человек советский" десять лет спустя: 1989–1999 (предварительные итоги сравнительного исследования // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Инф. бюллетень. 1999. № 3.

О. Димитричева

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Прежде чем выяснять роль отечественной интеллигенции в настоящее время и пытаться прогнозировать ее будущее, необходимо определиться с терминами: кого мы считаем интеллигентом, интеллектуалом? Какими качествами должен обладать интеллигентный человек? Является ли интеллигентом всякий образованный человек?

По мнению академика В.С. Степина[1], те, кто занимаются интеллектуальным трудом и есть интеллигенция. Не даром на Западе слово "интеллигенция" постепенно исчезает из социолого-политологического лексикона и вытесняется термином "интеллектуалы". Отличительное качество этого слоя — творчество, направленное на преобразование природы и социальной среды. Подобные инновации были совершенно не характерны, например, для древнего Китая, где очень ценились исторические традиции, поэтому тогда в этой стране интеллигенции не существовало. Сейчас, когда деятели искусства активно участвуют в политической борьбе, часто занимая высокие государственные посты, утром они могут быть бюрократами, а вечером — интеллигентами. В данном случае понятие "бюрократия" не означает нечто негативное, а понимается как слой, заботящийся об устойчивом воспроизводстве культурных традиций, в противовес интеллигенции, задача которой — порождение новых идей, идеалов, образов и ценностей.

В связи с таким толкованием категории "интеллигенция" интересно вспомнить происхождение данного термина. Это понятие было принято народниками в 70-х годах прошлого столетия. Под интеллигентностью подразумевалось духовно-нравственное качество человека, деятельность которого была направлена на благо народу, на благо обществу. Но теоретическое знание, осмысление нравственных принципов было доступно в то время в основном только представителям умственной деятельности (интеллектуалам), поэтому интеллигентность (этический аспект) часто рассматривали как синоним принадлежности к интеллигенции как социальной группе, что в немалой степени обусловило прямую связь понятий "интеллигенция" и "интеллигентность".

Сам термин "интеллигентность" (*лат.* intelligens, itelligentis — понимающий, разумный) свидетельствует о том, что интеллигентность выступает как рациональный уровень нравственных качеств, т.е. предполагает определенную степень нравственной зрелости личности, взаимодействие нравственных знаний и убеждений человека. Р.В. Иванов-Разумник в 1920 году писал: "Принято интеллигентом считать всякого образованного человека. Но это абсурдно. Никакие дипломы не сделают еще сами по себе "образованного" человека интеллигентным. Наоборот, к интеллигенции могут одинаково принадлежать и физические и умственные рабочие, и "культурные" и "некультурные" люди, и ученые профессора и полуграмотные рабочие, если все они удовлетворяют некоторому социально-этическому критерию"[2].

Таким образом, интеллигент — это личность, способная воспринимать, утверждать, воспроизводить и развивать в своей деятельности общечеловеческие ценности. Доброта к людям, высокая духовность, уважение к личности и обостренное чувство справедливости являются характерными чертами интеллигента. Человек может быть сторонником активного преобразования природы и социальной среды или же приверженцем исторических традиций, но если он обладает выше перечисленными чертами, то он — интеллигент.

На наш взгляд, определение основных терминов является достаточно важным, поскольку существуют различные точки зрения по поводу их содержания.

Вопрос о будущем интеллигенции также является дискуссионным. Появился пессимистичный взгляд не только на настоящее этого слоя, но и на возможность его существования в ближайшие годы. Указывается на нехватку средств и на отсутствие стремления властей изменить ситуацию к лучшему[3].

Отмечается утрата интеллигенцией духовного престижа в глазах общества, мессианской роли учителя жизни, мудреца. Кроме того, по мнению д.с.н. Н.Е. Покровского, интеллигенция в своем традиционном виде попросту никому не нужна, она лишняя. Поэтому она либо исчезнет вообще, либо трансформируется под влиянием новых условий жизни, и, таким образам, перестанет быть интеллигенцией в традиционно русском смысле этого слова»[4].

Конечно, такой подход также необходим, поскольку заставляет задуматься о нашей жизни, о главном в ней. Но если мы определили, что интеллигенция — это наша совесть, хотелось бы верить, что она (со-

весть) у нас не пропадет, иначе вместе с ней пропадем и мы: кроме разума у человека должна быть и моральная ответственность перед людьми и окружающим миром в целом.

Что же касается роли интеллигенции в настоящее время в России, то она остается прежней: распространение духовно-нравственных ценностей. Но прежде необходимо выработать принципы, ценности и нравственные ориентиры, исходя из нашей культуры. Многие отмечают, что сейчас образовался духовный вакуум, который пытаются заполнить различными западными религиями, навязываются чуждые нам ценности. Протестантизм, католицизм, секты, которых не сосчитать, — все оказалось у нас, в стране, государственной религией которой много веков было православие. Сейчас в любое время (идете ли вы по улице или находитесь дома) к вам могут подойти симпатичные молодые люди, которые будут говорить о том, как они помогут вам избавиться от всех проблем, основываясь на чтении Евангелий. Они будут убеждать вас в том, что их прочтение единственно верное и что они не секта. Если же вы хоть немного знакомы с историей религии и спросите их о христианстве, православии, католицизме иди ереси, они вас не поймут.

Некоторые могут попросить объяснить незнакомые слова, другие же будут продолжать твердить заученный текст о том, что их учение самое правильное, т.к. они опираются исключительно на слова Иисуса. Но трактовка разными людьми одного и того же положения может очень отличаться, поэтому нашей церковью не приветствуется самостоятельное прочтение как Нового, так и Ветхого заветов. Неискушенный в этих вопросах человек, особенно если он одинок, охотно откликнется на внимание со стороны подобных агитаторов.

Другой пример. Одна из американских ценностей: делать деньги также навязывается нам. Широко стала известна даже поговорка: "Если ты такой умный, тогда почему такой бедный?" Некоторые ей следуют, но большей частью населения она воспринимается просто как хамство. Такое неприятие объяснимо: веками население нашей страны жило общиной, т.е. сообща, помогая друг другу в случае несчастья. Если же кому-то удавалось своим трудом достичь большего благосостояния, чем окружающим людям, то такой человек стремился помочь другим в их начинаниях, зная как это трудно по собственному опыту. "Делай так, чтоб тебе было хорошо, а никому не худо", — нравственное правиле купца П.Е. Бугрова.

То есть благотворительность была потребностью, сознанием ответственности богатого человека перед обществом. Особенно сейчас нам не нужно забывать об этом.

У нас есть свои традиции, обычаи, религия. Зачем заменять все это импортным товаром? Необходимо лишь вспомнить историю. С.Ф. Платонов утверждал, что "знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего". Затем адаптировать ценности и нравственные ориентиры к современным условиям жизни, а через систему образования и воспитания молодежи и просвещения старшего поколения повысить духовный уровень граждан. Кроме интеллигенции никто эту задачу не выполнит, именно здесь нужна ее активная деятельность.

Поэтому, на наш взгляд, интеллигенции не следует меняться, иначе она перестанет ей быть. Или человек порядочный, культурный, мужественный и решительный для того, чтобы отстоять общечеловеческие ценности, или он этими качествами не обладает.

Интеллигенция остается, как и прежде, надеждой, маяком света и руководителем на пути человека к будущему. Особенно важна ее деятельность в наше неспокойное время.

Примечания

1. Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996. С. 143-156.
2. Интеллигенция и власть. М., 1991. С. 76.
3. Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. М., 1996. С. 53.
4. Там же. С. 35-37.

Г.С. Широкалова

СТАЛИН О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В последнее время акцентирование внимания на репрессиях сталинской эпохи стало сменяться анализом механизма строительства сверхдержавы. Такая переориентация вполне понятна, т.к. преодоление кризиса российского общества невозможно в рамках парадигмы, лежавшей в основе политики 90-х годов.

На наш взгляд, одним из элементов этого механизма стало поощрение определенных видов социальной активности социальных групп, традиционно считавшихся "низами" общества. Иными словами, революция 1917 года, изменив социальную структуру российского общества, должна была упрочить новую социальную иерархию через повышение социального статуса рабочего класса и крестьянства. Задача была очень сложна, так как, с одной стороны, требовала ускоренного развития в рабочем классе и крестьянстве потребностей и способностей к выполнению управленческих и контролирующих функций, до сих пор выполнявшихся интеллигенцией, а с другой — противоречила положению интеллигенции, имеющей в любом обществе большие возможности влияния на все сферы жизни и, соответственно, претендующей на более высокий социальный статус. Одной из форм разрешения этого противоречия была политика, направленная на изменение самооценки каждым классом своего места в социальной структуре общества.

Рассмотрим, как она реализовалась в выступлениях И.В. Сталина. В них прослеживается два аспекта: 1) необходимость тесной связи руководителей с трудящимися; 2) самоценность простых людей.

Так, выступая перед студенчеством в 1925 г., Сталин, характеризуя командный состав капитализма, называл его отличительной чертой то, что "он был оторван от рабочих и крестьян, он ставил себя над трудящимися массами, он не дорожил ни доверием, ни поддержкой со стороны этих масс, ввиду чего он был лишен и того и другого.

Для нашей страны этот путь совершенно непригоден. Новый комсостав по строительству нового хозяйства и новой культуры потому, соб-

ственно, и называется новым, что он должен порвать со старыми путями командования круто и бесповоротно.

Не отрыв от масс, а теснейшая связь с ними, не ставить себя над массами, а идти впереди масс, ведя их за собой, не отчуждаться от масс, а слиться с ними и завоевать себе доверие, поддержку масс, — таковы новые пути хозяйствования нового командного состава. Вне этих путей немыслимо никакое социалистическое строительство"[1].

Политика по повышению статуса рабочих и крестьян давала результаты. В том же году Сталин фиксирует, что у "рабочего класса особенно сильно развилось и усилилось чувство силы и чувство собственного достоинства. Это есть возросшее чувство хозяина у класса, представляющего в нашей стране господствующий класс. Это, товарищи, величайшие достижения во всей нашей работе, ибо рабочий класс, чувствующий себя не только классом работающим, но и классом управляющим, — такой класс способен на чудеса..." "То же самое можно сказать о крестьянстве. Это уже не старое крестьянство, загнанное старыми скорпионами и объятое страхом потери бывшей помещичьей земли, или пришибленное рогатками продразверстки. Это новое крестьянство, культурно выросшее, забывшее уже про помещика и продразверстку, требующее дешевых товаров и высоких цен на хлеб и умеющее использовать до дна лозунг партии об оживлении Советов"[2].

Однако качественность изменений еще не свидетельствует об их достаточности. Обращение к теме социального статуса и социальной иерархии оставалось постоянным лейтмотивом выступлений. В 30-х годах появляется новый акцент: почетность труда на любом рабочем месте, зависимость успехов каждого от каждого. Так подчеркивается не столько единство хозяйственного механизма, сколько единство народа, страны, государства. Показательна в этом отношении речь от 29 окт. 1937 г. В ней подчеркнуто два момента, характеризующих новую социальную иерархию:

1. "Средние " и "малые" руководители не менее важны, чем "большие". Их десятки тысяч. "Они скромные люди, они не лезут вперед, их почти незаметно", но "от этих людей зависит судьба производства во всем нашем народном хозяйстве. Значит от них зависит и судьба нашего хозяйственного руководства".

2. Руководитель должен быть достоин "высокой чести", оказанной ему народом: "работать ради интересов всего народа", так как "только народ бессмертен, все остальное преходяще"[3].

Речь на выпуске академиков Красной армии Сталин начал с критики традиции" слишком много говорить о заслугах руководителей, о заслугах вождей. Им приписывают все, почти все наши достижения. Это, конечно, неверно и неправильно. Дело не только в вождях..." В результате безобразное отношение "к людям, к кадрам, к работникам, которое наблюдается нередко в нашей практике.

Лозунг "кадры решают все" требует, чтобы наши руководители проявляли заботливое отношение к нашим работникам, к "малым" и "большим", в какой бы области они не работали, выращивали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т.д."[4]

Однозначно выстроена социальная "лестница" в обращениях и приказах Сталина накануне, во время и после Великой Отечественной войны: бойцы, командиры, политработники, рабочие, колхозники, работники интеллигентного труда[5].

Подчеркнутая приоритетность статуса рабочего класса и крестьянства имела большое значение для формирования новой социальной иерархии, роста самоуважения, чувства достоинства рабочего класса, крестьянства.

Но в силу ряда объективных и субъективных факторов за столь короткое историческое время они не стали атрибутивными свойствами этих классов. И в этом одна из причин крушения Советского государства и неопределенности перспективы развития России.

Примечания

1. Сталин И.В. К первой Всесоюзной конференции пролетарского студенчества //Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т.7. С. 86-87.
2. Сталин И.В. Университету им. Я. М. Свердлова // Там же. С. 214, 213.
3. Сталин И.В. Речь на приеме руководящих работников и стахановцев металлургической и угольной промышленности // И.В. Сталин. Сочинения. 1997. Т. 14. С. 236-237.

4. Сталин И.В. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии // Там же. С. 58, 61.
5. Там же. Т. 14. С. 56, 67, 115, 342. Т. 15. С. 84, 93, 103, 129, 140, 143, 149, 175, 179, 185, 190, 204, 268, 210, 222, 233. Т. 16. С. 34, 54.

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

РАЗДЕЛ II

РАЗДЕЛ II

Н.А. Бармина, Э.М. Фильченкова

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

История отечественной интеллигенции привлекает сегодня внимание представителей различных областей науки и культуры. Тема интеллигенции звучит сегодня в исследованиях философов, историков, социологов, политиков. О возрастании интереса к данной проблеме свидетельствует обилие публикаций, среди которых можно вычленить следующие направления. Опубликован ряд документальных источников по истории интеллигенции: сборники "Вехи", "Из глубины", "В поисках пути", "Русская интеллигенция и судьбы России", "Пути Евразии". Опубликованы материалы дискуссий 1923-1925 гг. "Судьбы русской интеллигенции", исследование П.Сорокина[1]. Эти источники позволяют понять и проследить целый пласт российской интеллигенции в период революционных бурь, поиски ее места в обществе, принятие или отрицание революции, ее позицию по отношению к тем или иным партиям.

Последние годы дали возможность нашему читателю и исследователю познакомиться с мемуарной литературой ученых, политиков и деятелей культуры: Милюкова П.Н., Федотова Г.П., Осоргина М., Бухарина Н.И., Харитона Б., что позволяет глубже понять российскую действительность конца XIX – начала XX века, место и роль в ней интеллигенции, духовные истоки общественной жизни[2].

Позиция современной интеллигенции нашла отражение в многочисленных и разнохарактерных публикациях[3], в том числе и зарубежных историков и социологов Р. Пайса, Л. Люкса[4].

За последние три года появилось столько статей по интеллигенции, что из них можно составить отдельные сборники. К примеру, дискуссии об интеллигенции в журнале "Новый мир" в 1993–1994 гг., где были опубликованы статьи Д.С. Лихачева, А. Кивы, Д. Шушарина и других. Дискуссии об интеллигенции носят интенсивный и продолжительный характер. Во многих из них звучит тема драмы русской интеллигенции.

Несмотря на наличие большого числа трудов по истории интеллигенции, ее современная неоднозначная позиция в оценке российской

действительности, быстрота крушения относительного социально-политического порядка, отсутствие единого культурного пространства, острая идеологическая борьба позволяют выделить ряд дискуссионных проблем истории отечественной интеллигенции.

Не претендуя на полное раскрытие названной выше темы, остановимся на кардинальных, с нашей точки зрения, проблемах: интеллигенция и власть, интеллигенция и революция, интеллигенция и народ. Эти проблемы рассматриваются нами в конкретно-исторических условиях российской действительности всего XX столетия.

Первым испытанием для российской интеллигенции стал период революции 1905–1907 гг., который позволил выявить различные точки зрения на место и роль интеллигенции в данной ситуации. Остановимся только на позиции авторов сборника "Вехи" (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, А.С. Изгоев, С.Л. Франк, Б.А. Кистяковский, М.О. Гершензон), принятой, как известно, неоднозначно, русской общественностью как реформаторского, так и революционного толка. "Вехи" обвиняли интеллигенцию в событиях 1905 г., призывали ее отказаться от идеи революции, встать на пути реформ, отречься от любви к крестьянству и пролетариату. Авторы "Вех" считали, что интеллигенция нашла в народных массах лишь смутные инстинкты. Веховцы приходят к выводу, что в подходе интеллигенции к народу присутствует упрощенное отношение. Она преклоняется то перед крестьянством, то перед пролетариатом. Эта ложная любовь "запрещала" глубоко владеть истиной, по мнению веховцев.

Особый период в истории русской интеллигенции составляют события от Февраля к Октябрю 1917 г., когда интеллигенция впервые оказалась у власти. Следует подчеркнуть, что политические настроения и социально-психологическое состояние различных интеллигентских слоев были неоднозначны. Они были таковы:

1. Особо следует остановиться на позиции "веховцев". Они, прослывшие принципиальными противниками революционных переворотов, высказали похвальное слово революции. П. Струве писал об "историческом чуде", которое "прожгло, очистило и просветило нас самих". Н.А. Бердяев хвалил русский народ, который "вдохновил и гениально совершил самую короткую, бескровную и безболезненную революцию". Но в целом их умонастроения были вовсе не радужными. Они говорили о возможных соблазнах ненависти и разобщении.

2. Имела место не просто аполитичность, но и неприятие революции. Например, некоторые профессиональные журналы: "Вопросы философии и психологии", "Инженерный журнал", "Русский врач", "Архитектурно-художественный еженедельник", устроили нечто вроде заговора молчания вокруг победы революции. Большинство из не принявших Февральскую революцию тщательно скрывали свои настроения, жили двойной жизнью: относились к революции отрицательно, но спешили свидетельствовать ей преданность, а в душе ужасались и содрогались.

3. В мартовские дни стал постепенно складываться своеобразный общественный тип, который язвительно и сочувственно стали называть "И.И." (испуганный интеллигент).

4. Была и другая категория буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции — временно растерявшиеся. Практически все они, кто быстрее, кто медленнее, приходил к выводу, что победившая революция - благо. Позднее в этой среде шире разворачивался процесс социально-политической поляризации. Все были возбуждены, много читали, размышляли, митинговали.

Апрельский и другие последовавшие за ним кризисы вновь всколыхнули страну и положили начало новым процессам: стали создаваться интеллигентские политические организации. Осенью 1917 г. достигло апогея состояние душевного смятения, страха, апатии среди интеллигенции. Исследователи справедливо отмечают, что небольшая часть интеллигенции сразу и искренне перешла на сторону Октябрьской революции. Другие — заняли нейтральную, выжидательную позицию, заявляя о своем "невмешательстве" в политику.

Часть же пыталась оказать сопротивление, вступив на путь саботажа советской власти. Начался длительный, сложный и трудный процесс вовлечения интеллигенции в послеоктябрьское строительство.

Выражением нового поиска пути в условиях советской власти стали такие течения интеллигенции, как сменовеховство и евразийство.

Значительный общественный резонанс вызвало движение евразийства, возникшее в среде русской эмиграции и заявившее о себе сборником "Исход к Востоку. Предчувствие и свершения. Утверждения евразийцев".

Краеугольным камнем евразийства было учение о государстве, которое должно обладать сильной властью. Эта власть должна быть демократичной (народной), в ней не должно быть условий для многопартийности.

Евразийцы открыли в большевистской партии преобразующую силу, "испорченную идеями коммунизма". Цель евразийцев состояла в том,

чтобы вытеснить коммунистическую идеологию и заменить евразийской. Основу евразийской культуры они видели в православной церкви. Православная церковь, по их мнению, и есть русская культура.

Н.А. Бердяев, подвергая критике евразийство, считал, что это было первое и единственное пореволюционное идейное течение российской интеллигенции. Философ и богослов Г. В. Флоренский утверждал, что евразийцы льстили себя надеждой, что именно их идеология — православно-евразийская — заменит коммунизм и вернет Россию на путь подлинного развития.

По мнению многих исследователей, 1917 г. был концом интеллигенции в ее специфически русском, дореволюционном понимании. Взамен бывшей интеллектуальной элиты в советское время стал создаваться свой собственный образованный слой - "социалистическая интеллигенция". Это были "специалисты". Их профессиональная культура являлась, как правило, невысокой, ибо с разрушением сложившихся научных и преподавательских традиций интеллектуальный уровень в стране понизился. Интеллигенция воспитывалась в духе абсолютной лояльности существующей власти, ей не позволялись какие-либо проявления интеллектуальной независимости.

Судьба русской интеллигенции поистине драматична. Она существовала в трудных условиях, как бы между молотом и наковальней - властью и народом. Она пыталась взвалить на свои плечи сложные проблемы развития громадной страны. Она принесла многочисленные жертвы в борьбе с самодержавным деспотизмом. Но по-настоящему глубокая драма заключалась в том, что ей был присущ дух социального утопизма.

Дискуссионные проблемы по истории отечественной интеллигенции позволяют утверждать, что многие вопросы, поставленные в начале XX столетия, продолжают беспокоить общество и интеллигенцию, в частности, и в наши дни. Остаются животрепещущими такие проблемы как ответственность интеллигенции за нравственное состояние общества и власти, взаимоотношение интеллигенции и народа. Актуальным и сегодня являются и новые темы, такие как профессионализм интеллигенции, истинный патриотизм и отношение власти к интеллигенции, интеллигенция и религия.

Примечания

1. Вехи. Интеллигенция в России: Сборники статей 1909-1910. М.,1991; Из глубины. М., 1990; В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992; Пути в Евразии. М., 1992; Судьбы русской интеллигенции: Материалы дискуссий 1923–1925 гг., Новосибирск, 1991; Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество, М., 1992.

[2] Милюков П.Н. Воспоминания 1859–1917 гг. В 2 т., 1990; Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. Философы послеоктябрьского зарубежья, М., 1990; Харитон Б. К истории нашей высылки // Социологические исследования, 1990, № 3; Бухарин Н.И. Судьбы русской интеллигенции // Избранные произведения. Путь к социализму. Новосибирск, 1990.

[3] Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг., М., 1981; Хазанов Б. Русская интеллигенция. История безответной любви // Погружение в трясину: Антология застоя, М., 1991. С. 632-642; Интеллигенция и власть в посткоммунистических обществах // Свободная мысль. 1992. № 8. С. 24-30; Бондарев В. Удержится ли интеллигенция у власти? // Вестник высшей школы. 1991. № 3. С. 70-73.

[4] Пайпс Ричард. Интеллигенция // Россия при старом режиме. М., 1993; Люкс Л. Интеллигенция и революция. Летопись триумфального поражения // Вопросы философии. 1991. № 11.

В.И. Белоус, А.Е. Слюсарь

СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Когда начинаешь рассуждать об интеллигенции и ее промахах, охватывает некое иррациональное чувство, будто столкнулся с чем-то непонятным и загадочным вроде «черной дыры» в физической науке. Так и хочется сказать, что интеллигенция суть виртуальная реальность: она есть и ее нет. Другими словами, изучение интеллигенции как социальной группы исключительно сложно, прежде всего, в силу ее предельной структурированности и социальной мобильности по сравнению с рабочим классом и крестьянством.

В нашей работе мы остановимся на двух проблемах: периодизации изучения интеллигенции в СССР и постсоветской России и основных тенденциях исследования советской интеллигенции в отечественной историографии.

Как представляется, в историографии интеллигенции можно выделить три периода. Критериями периодизации, по нашему мнению, являются: расширение хронологии исследования и тематики, количест-

венное соотношение научной литературы, вышедшей в тот или иной период, расширение источниковой базы и, наконец, смена парадигмы развития советского общества. Первый период — 20-е – начало 50-х гг., заложил начало историографической традиции изучения интеллигенции. Он характеризовался обилием публицистических работ, в которых доминировали две, в основном, проблемы: взаимоотношение нового советского режима и интеллигенции; и роль интеллигенции в некапиталистическом обществе. В это время интеллигенция трактуется как прослойка между рабочим классом и крестьянством.

Второй период —50-е – 60-е гг. В это время начинается научное изучение истории интеллигенции в советской России. В 60-е и 70-е годы в связи с развитием социологии, появляются серьезные работы, рассматривающие интеллигенцию как большую и постоянно растущую социальную группу. Действительно, только за 1955–1975 гг. численность ее увеличилась почти в 1,8 раза с 20,5 до 36 млн. чел.[1] Это был общемировой процесс, коснувшийся и СССР. Научно-техническая революция, урбанизация, понимание высшего образования и знаний как самостоятельных ценностей потребовали и изучения интеллигенции. Вместе с тем следует отметить, что в этот период интеллигентоведение остается маргинальной проблематикой.

Третий период — 90-е годы. Наблюдается бум изучения проблем интеллигенции. Появляются многочисленные работы многоаспектного плана, центры, специализирующиеся на изучении теоретических и исторических проблем интеллигенции. Как представляется прежде всего, это связано со сменой парадигмы развития России и рефлексией представителей и носителей интеллектуального знания на самих себя.

Пожалуй, можно согласиться с мнением отдельных исследователей[2], что в российском интеллигентоведении сложилась определенная историографическая традиция, хотя проблемы интеллигенции не являлись приоритетным направлением в исторической, социологической и философской литературе. Собственно научная историография стала складываться только со второй половины 50-х годов. Именно в этот период, как уже отмечалось, существенно увеличилась количественная компонента интеллигенции и ее роль и место в жизнедеятельности советского общества.

По сравнению с актуальной проблематикой первого периода, когда доминировала тема «власть и интеллигенция», в 50-е годы историки обращаются к исследованию конкретных аспектов деятельности интеллигенции в сфере здравоохранения, школьного обучения, подготовки

хозяйственных и инженерно-технических кадров. Таковы работы М.А. Виноградова, Ф.Ф. Королева, Л.К. Шендрика[3].

При анализе работ 50-х годов обращают на себя внимание два момента: первый — узость тематики исследований и второй — ограничение хронологических рамок 10-ми — началом 30-х гг. Тем не менее, начало научному изучению интеллигенции было положено.

В 60-е и 70-е годы несколько расширяются проблематика и хронологические рамки изучения истории интеллигенции, возрастает научный уровень публикуемых работ. Проблемам взаимоотношения советской власти и «старой» интеллигенции посвящена монография С.А. Федюкина, по сути он возвращается к традиции, заложенной публицистами 20-х гг.[4]. Приоритетным направлением в эти годы является изучение вопросов формирования интеллигенции (И.П. Бармин, Ф.Н. Заузолков)[5]. Делаются попытки осветить с марксистских позиций сущность и социальную природу интеллигенции, дать социально-демографическую характеристику научных кадров, проанализировать роль инженерно-технической интеллигенции в условиях так называемого «развитого социализма», изучить формы и методы ее идеологического «воспитания»[6]. Наиболее существенным достижением отечественного интеллигентоведения в эти годы стал выход в свет первого и пока единственного обобщающего исследования «Советская интеллигенция. История формирования и роста 1917-1965 гг.»[7]. В 70-е годы интерес к изучению интеллигенции проявляют экономисты, рассматривая вопросы подготовки и использования специалистов[8]. Следует отметить и появление монографических работ, посвященных истории интеллигенции в годы Великой Отечественной войны[9] и первых историографических исследований[10], заложивших традицию изучения этих сюжетов в последующие годы. Начиная с конца 60-х годов активно исследуются состав и структура интеллигенции в работах, посвященных изучению социально-классовой структуры советского общества как историками, так и социологами[11].

В 70-е годы появляются серьезные теоретические работы о социальной структуре советского общества в целом и интеллигенции в частности, которые можно считать прорывом в изучении этих проблем, М.Н. Руткевича и В.С. Семенова[12], в них были определены наиболее приемлемые определения основных понятий и категорий, в частности понятие «интеллигенция».

В 70-е и 80-е годы остается устойчивым интерес советских историков и социологов к проблемам высшей школы и студенчества как ис-

точникам и формам формирования интеллигенции, динамике социальной структуры[13]. Проблемы интеллигенции, прежде всего ее состав, структуру и роль в советском обществе продолжают исследовать историки в общих работах, посвященных социальной структуре СССР[14].

Однако бум интеллигентоведческих исследований начинается с конца 80-х – начала 90-х гг. В этот, третий по нашей периодизации период, начинается и продолжается до сих пор экспотенциальный рост литературы, отражающей проблемы российской интеллигенции в историческом и актуальном аспектах. Смена парадигмы опять, как и на заре века, поставила проблему взаимоотношений власти и интеллигенции[15]. Ибо, став важнейшим инструментом разрушения советского общества и советской империи, интеллигенция не получила ничего. История ухмыльнулись еще раз. Отметим две особенности этого периода: первая — перемещение центров изучения интеллигенции из традиционных в регионы и вторая — комплексность исследований.

В настоящее время основным центром изучения проблем интеллигенции является Межвузовский центр Российской Федерации «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества» в Ивановском госуниверситете, возглавляемый профессором В.С. Меметовым. Работы, изданные школой В.С. Меметова, освещают как теоретические, так и исторические вопросы российской интеллигенции в период с конца XIX до конца XX столетия[16]. Определенное место занимают вопросы персоналий.

Складывается центр изучения интеллигенции в Нижнем Новгороде. Ряд работ, вышедших во второй половине 90-х годов, посвящен нижегородской политической, промышленной и интеллектуальной элите[17], проблемам взаимоотношений региональной власти и интеллигенции[18]. Таким образом, можно выделить следующие тенденции изучения проблем российской интеллигенции на рубеже XX–XXI веков: теория и историография; российская интеллигенция в эмиграции; интеллигенция и власть; интеллигенция и народ; состав и структура интеллигенции; интеллигенция дореволюционной России; генезис, деятельность, судьбы; формирование интеллигенции в советский период отечественной истории; история региональной интеллигенции; персоналий; интеллигенция в политике.

Тем не менее вне поля зрения историков социологов, политологов и философов остаются еще многие актуальные проблемы.

Примечания

1. См.: Народное хозяйство СССР в 1969 г.: Стат. ежегодник. М., 1970.
2. Интеллигенция России: уроки истории и современность. Иваново, 1994.
3. Виноградов. Здравоохранение в период подготовки и проведения Великой Октябрьской революции. М., 1954; Королев Ф.Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики 1917-1920 гг. М., 1958; Шендрик Л.К. Подготовка хозяйственных и инженерно-технических кадров из рабочих в 1928-1932 гг. М., 1958.
4. Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965.
5. Бармин И.П. Из опыта работы КПСС и Советского государства по созданию кадров советской интеллигенции (1928-1933). МГУ, 1965; Из истории формирования социалистической интеллигенции. ЛГПИ, 1972; Заузолков Ф.Н. Коммунистическая партия — организатор создания научной и производственно-технической интеллигенции СССР. МГУ, 1973.
6. Астахова В.И. В.И. Ленин о сущности и социальной природе социалистической интеллигенции. Харьков, 1970; Пучков И.С. Попов Г.А. Социально-демографическая характеристика научных кадров. М., 1976; Булкин Л.К. Инженерно-техническая интеллигенция в условиях развитого социализма. Лениздат, 1978. Зезина М.Р. Советская интеллигенция в условиях развитого социализма. М., 1972.
7. Советская интеллигенция. История формирования и роста. 1917-1965 гг. М., 1968.
8. Комаров В.Е. Экономические проблемы подготовки и использования специалистов. М., 1972
9. Савельев В.Н., Саввин В.П. Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны. М., 1974; Зак Л.М. Проблемы формирования интеллигенции в современной литературе // История СССР. 1968. № 2; Главацкий М.Е. Советская историческая литература о формировании производственно-технической интеллигенции // Культурная революция в СССР (1917–1965). М., 1977; Главацкий М.Е. Историография формирования интеллигенции в переходный период. Свердловск, 1989.
10. Проблемы изменения социальной структуры советского общества. М., 1968; Сенявский С.Л. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938–1970. М., 1973; Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. М., 1976.
11. Руткевич М.Н. Тенденции развития социальной структуры советского общества. М., 1975; Он же: Интеллигенция в развитом обществе. М., 1975; М., 1977; Семенов В.С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977.
12. Фещенко Н.И. Особенности регулирования социального состава студенчества на современном этапе // Социально-экономическое и культурное строительство в Горьковской области. Горький, 1977; Он же: Из истории советской высшей школы //Вестник Московского университета. Серия «Исто-

рия». 1979, № 5; Рубина Л.Я. Советское студенчество. М., 1981; Гордон Л.А., Клопов Э.В., Комаровский В.В. Динамика социальной структуры развитого социалистического общества в СССР // Рабочий класс и современный мир. 1981. № 4.
13. Селунская В.М. Социальная структура советского общества. История и современность. М., 1987.
14. Новикова А.И., Сиземская И.А. Интеллигенция. Власть. Народ. Антология. М., 1993.
15. Интеллигенция России: уроки истории и современность. Иваново, 1994; Интеллигенция России: традиции и новации. Иваново, 1997 (выборка случайная).
16. Военная элита Отечества. Нижний Новгород, 1995; Политическая элита Нижегородской области. Нижний Новгород, 1995; Промышленно-хозяйственная элита Нижегородской области. Нижний Новгород, 1996; Интеллектуальная элита Нижегородской области. Нижний Новгород. 1988.
17. Каптерев С.Е. Макарихин В.П. Калинин Б.Ю. Белов В.Н. Иудин А.А., Стрелков Д.Г. Белоус В.И., Калинин Ю.С. Интеллигенция. Кн. 1-2. Нижний Новгород, 1999.

А.А. Демичев

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СУД ПРИСЯЖНЫХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Либеральные реформы Александра II привели к небывалому подъему общественной активности в России. Одним из широко обсуждаемых вопросов общественной жизни в 60–80-е гг. XIX в. был вопрос о суде присяжных (сначала о введении, а впоследствии об его деятельности). В это время не было, пожалуй, ни одной газеты или журнала, где бы он не обсуждался. Естественно, основную роль в этом обсуждении играла российская интеллигенция. Интересен факт, что "среди либералов было немало противников института присяжных, как, впрочем, и среди охранителей – его сторонников"[1]. Названный правовой институт был явлением совершенно чуждым для России — он не имел здесь никаких исторических корней. Его введение стало плодом деятельности либеральных русских юристов – составителей Судебных уставов 1864 г. — и "доброй воли" Александра II. Этими юристами (Н.А. Буцковским, С.И. Зарудным, Д.Н. Замятниным и др.), а также многими представителями неюридической интеллигенции суд присяжных воспринимался как

средство приобщения России к правовой культуре Запада, как средство демократизации судебной сферы, как средство, гарантирующее права личности. К сожалению, четко сформированного понятия у российской интеллигенции о суде присяжных не было — имелись лишь отрывочные представления, полученные из зарубежной и, отчасти, отечественной периодики, а также собственных посещений европейских стран.

Деятельность российского суда присяжных в 60–70-е гг. XIX в. показала, что представления интеллигенции об этом институте, почерпнутые на Западе, не совпадают с тем, что реально имеет место в России. По этой причине начинаются яростные нападки на суд присяжных. В конечном итоге, в 1878–1889 гг. суд присяжных прошел период кризиса. Его результатом стало создание варианта собственно российского суда присяжных, более отвечающего потребностям жизни[2].

В 70-80-е гг. XIX в. в периодической печати велись жаркие споры о том, каким именно должен быть суд присяжных в России, и нужен ли он вообще. Наиболее активными его противниками явились М.Н. Катков и В.Фукс[3]. После завершения кризиса 1878-1889 гг. актуальность полемики стала снижаться, но сторонники суда присяжных еще некоторое время, как бы по инерции, продолжали его защищать[4]. В целом, в конце XIX – начале XX вв. центр тяжести обсуждения проблемы суда присяжных сместился почти исключительно на страницы юридических периодических изданий: Журнала Министерства юстиции, Юридического вестника, Вестника права, Журнала гражданского и уголовного права и др. Причем после завершения деятельности Комиссии Н.В. Муравьева, когда стало ясно, что угрозы упразднения русского суда присяжных больше не существует, юристы более концентрировали свои усилия на решения мелких практических проблем, связанных с судом присяжных, нежели на принципиальных вопросах[6]. В это время появляются и первые серьезные научные, правда малочисленные, исследования суда присяжных[7].

Некоторый всплеск апологетики суда присяжных произошел в 1914–1915 гг. в связи с празднованием 50-летия судебной реформы 1864 г. Тогда вышло в свет несколько крупных юбилейных изданий[8], в которых институты судебной реформы идеализировались, а история суда присяжных представлялась в "розовом свете".

Что касается отношения неюридической интеллигенции к суду присяжных, то ее интерес к указанной проблеме в начале XX в. явно угас. В 60-80-е гг. XIXв. наибольшее внимание столичной и провинциальной

интеллигенции привлекли отнюдь не банальные уголовные дела, а так называемые "громкие" процессы, часто носившие политический оттенок. Отчеты об этих делах публиковались на страницах многих центральных и местных общественно-политических изданий и широко обсуждались. После изъятия такого рода дел из компетенции присяжных заседателей стал падать интерес образованной части общества к уголовному судопроизводству. С другой стороны, исчезла опасность упразднения "суда общественной совести", а следовательно, пропала необходимость активно бороться за его сохранение, что, в свою очередь, привело к снижению активности интеллигенции в этом вопросе.

Известный философ и юрист Б.А. Кистяковский подметил еще несколько особенностей российской интеллигенции, связанных с судом присяжных: "Даже на суд присяжных у нас существовало только две точки зрения: или политическая, или общегуманитарная; в лучшем случае в суде присяжных у нас видели суд совести в смысл пассивного человеколюбия, а не деятельного правосознания"[9]. Данное высказывание надо понимать, на наш взгляд, в том смысле, что в суде присяжных российская интеллигенция видела средство демократизации судебной и, отчасти, политической сферы, возможность для проявления свободы, независимости от властей и т.п., а не юридический институт, являющийся составной частью российской правовой системы. По сути, этот институт воспринимался как приятный "подарок свыше", а не как нечто необходимое.

Как уже говорилось ранее, суд присяжных оказался явлением чужеродным для России. Более того, демократическая его сущность вступала в противоречие с самодержавной формой правления и соответствующим устройством государства. Б.А. Кистяковский даже утверждал, и, по видимому, с ним следует согласиться, что суд присяжных противоречил, в первую очередь, правосознанию интеллигенции (может быть, это является одним из объяснений того, что введение суда присяжных было негативно воспринято многими образованными и умными людьми): "Можно сказать, что правосознание нашей интеллигенции и находится на стадии развития, соответствующей формам полицейской государственности. Все типичные черты последней отражаются на склонности нашей интеллигенции к формализму и бюрократизму", "русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне"[10]. Ясно, что в такой ситуации места в правосознании российской интеллигенции для суда присяжных было немного.

В начале XX в. немалую роль в жизни страны стали играть политические партии. Естественно, ведущая роль в них принадлежала интеллигенции. Однако и политические деятели практически никакого внимания не уделяли проблемам суда и правосудия[11].

Раз такое положение было с интеллигенцией, то что уж говорить о низших слоях общества. Они, в силу понятных причин, были изначально менее активны, чем слои образованные, но тем не менее и из их среды доносились в начале 1860-х гг. требования судебной реформы. Но вот "новый суд" был введен почти повсеместно в Европейской России. Простые люди получили доступ к осуществлению правосудия. Для крестьян после многовековой крепостной зависимости был важен сам факт этого участия, а наибольшее значение имел разбор тех преступлений, с которыми они сталкивались в обычной жизни (кражи, грабежи, убийства и т.п.). Но эти преступления как раз никто из компетенции присяжных заседателей в годы кризиса 1878-1889 гг. не изымал. Получив то, что хотели, низшие слои общества успокоились и особо не интересовались происходящим с судом присяжных.

В целом все слои российского общества в начале XX в., казалось бы, довольно мало интересовались судом присяжных. Однако это только видимость. Идеи изменения некоторых сторон деятельности суда присяжных, несомненно, циркулировали в либеральных кругах. Так, 18 ноября 1911 г. 62 депутата III Государственной Думы внесли предложение, чтобы государство выплачивало присяжным заседателям, постоянно проживающим вне города, суточные и путевые деньги во время исполнения их обязанностей. На следующий день по постановлению Думы это предложение было передано в Комиссию по судебным реформам. 23 мая 1912 г. Дума одобрила законопроект Комиссии и передала его в Министерство юстиции. 26 ноября 1913 г. был издан закон «О назначении присяжным заседателям от казны суточных и путевых денег»[12]. Думой того же созыва был одобрен законопроект о возращении в компетенцию присяжных заседателей дел о должностных преступлениях. Однако 29 марта 1913 г. Государственный совет отклонил этот законопроект. Тем не менее депутатами IV Думы вновь был поднят тот же вопрос.

Вероятно, в недрах Государственной Думы культивировались и другие идеи о суде присяжных, однако в условиях достаточно жесткой внутренней политики царизма они далеко не всегда вырывались наружу. О наличии таких идей свидетельствует факт, что Временное правительство без какого-либо сопротивления с чьей-нибудь стороны за ко-

роткий промежуток времени (март – октябрь 1917г.) сумело существенно изменить суд присяжных (был отменен имущественный ценз для присяжных, в их ведение были возвращены все дела, изъятые в годы кризиса 1878-1889 гг., и даже переданы государственные преступления, которые никогда не были им подсудны, был создан военный суд присяжных, активно обсуждался вопрос о привлечении женщин к исполнению обязанностей заседателей и т.д.), что было бы невозможно без предварительной готовности определенных слоев общества, в первую очередь — интеллигенции, к этим преобразованием.

Примечания

1. Немытина М.В. Российский суд присяжных. М., 1995. С. 9.
2. Подробнее см.: Демичев А.А. Концепция кризиса российского суда присяжных 1878-1889 гг. //Дискуссионные вопросы российской истории: Материалы третьей научно-практической конференции "Дискуссионные вопросы российской истории в вузовском и школьном курсах". Арзамас, 1998. С. 86-69.
3. Фукс В. Суд и полиция. Ч. 1-2. М., 1889; Суд присяжных //Русский вестник. 1885. Февраль-март и др.; см. также статьи М.Н. Каткова в "Московских ведомостях" за конец 1870-х-1880-е годы, например № 85 за 1878 г., № 44 за 1883 г. и др.
4. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы. М., 1891 г; Суд над судом присяжных. М., 1896; Первая новелла (новый закон о присяжных) // Юридический вестник. 1885. № 4; Суд присяжных и его критики // Русские ведомости 1893. № 138 и др.; Кони А.Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 1-8. М., 1966-1969.
5. С 30 апреля 1894 года по 5 июля 1899 гг. при Министерстве юстиции действовала "Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части" под председательством министра юстиции Н.В. Муравьева. В одном из ее отделений рассматривался вопрос "об упорядочении деятельности суда присяжных и вообще участия в суде общественного элемента". Работа комиссии оказалась безрезультатной. Мы не беремся в целом судить почему так произошло. Что же касается суда присяжных, то мы видим вполне убедительное объяснение, почему этот институт не был реорганизован в 90-е гг. XIX вв. в том что в период кризиса 1878-1889 гг. суд присяжных уже был достаточно изменен и приведен в соответствие с условиями и требованиями российской жизни, стал собственно российским вариантом суда присяжных. По этой причине не было необходимости что-либо серьезно менять в нем после завершения кризиса. 19-31 декабря 1894 г. в С.-Петербурге проходило совещание старших председателей и прокуроров судебных палат, на котором деятельность суда присяжных признавалась вполне удовлетворительной (см.: Журнал Министерства юстиции (далее ЖМЮ). 1895. № 4. С. 47-48).

6. Спасович В.Д. Вопрос о праве присяжных заседателей оправдывать лиц, повинившихся в преступлении //Вестник права. 1904. № 1; Войтенков В.Н. К вопросу об участии присяжных заседателей в назначении наказания // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 1; Полянский Н. Мировой суд с присяжными заседателями (к вопросу о реформе местного суда) //Вестник права. 1917. № 23-23; Трегубов С.Н. Составление списков присяжных заседателей //Вестник права. 1904. № 10; Чубинский М.П. Суд присяжных и новая практика Сената //Вестник права. 1904. № 2 и др.
7. Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896; Тарновский Е.Н. Оправдательные приговоры в России //Юридический вестник. 1891. № 3; он же. Репрессия суда присяжных по данным 1875-1900 гг. //ЖМЮ. 1904. № 1.
8. Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. Пг., 1914. Т. 1-3; Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914; Судебная реформа / Сост. Н.Б. Давыдов и Н.М. Полянский. М., 1915. Т. 1-2.
9. Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) //Вехи: Сборник русских статей (1909). Свердловск, 1991. С. 142.
10. Там же. С. 120, 137.
11. Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997. С. 37-41.
12. Сохранение узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1913. № 273. Ст. 2825.
13. Щегловитов И.Г. Суд присяжных //ЖМЮ. 1913. № 9. С. 34.

В.В. Москвин

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Развитие России на рубеже XIX – XX веков было отмечено невиданным прежде движением народных масс к знаниям, свету, культуре. "Волна общественного и политического подъема, всколыхнувшая Россию за последние 10–12 лет, — говорилось в журнале "Учитель и школа", — не могла не отразиться на том самосознании народа, которое проявилось в стремлении к различным формам самодеятельности и к просвещению всеми доступными путями и средствами"[1].

Откликом на эту растущую потребность явились развитие прежних и организация новых типов культурно-просветительных учреждений. В настоящем сообщении освещается деятельность народных университетов и аналогичных им просветительных обществ и заведений, создан-

ных по инициативе общественных организаций и частных лиц в конце XIX – начале XX в.

В организации и работе просветительных обществ и учреждений принимали участие видные деятели образования, науки, культуры: В.П. Вахтеров, М.Н. Гернет, А.Б. Гольденвейзер, А.Т. Гречанинов, Н.Д. Зелинский, Н.И. Кареев, Н.Д. Кайкин, А.С. Лаппо-Данилевский, П.И. Новгородцев, А.Н. Реформатский, Г.И. Россолимо, П.Н. Сакулин, А.Ф. Самойлов, С.И. Танеев, В.А. Цингер, Н.В. Чехов, Б.Л. Яворский. Свой вклад в культурно-просветительную работу среди трудящихся внесли профсоюзы, известные представители освободительного движения А.М. Коллонтай, К.И. Дандер, Н.А. Морозов, П.И. Стучка, В.М. Фриче и др. Заметный след в истории народного просвещения этих лет оставили П.И. Макушин и А.Л. Шанявский.

Роль общественности в деле просвещения, внешкольного образования трудно переоценить, если учесть, что власть имущие не только не содействовали духовному развитию масс, но и сдерживали, тормозили этот процесс. "Наши привилегированные классы, ведущие борьбу против просвещения, — заявил на Всероссийском съезде П.М. Шестаков, — хотят удержать свои позиции, пользуясь окружающей тьмою"[2]. Власти отказывали в регистрации, подвергали репрессиям просветительные общества в Екатеринбурге, Киеве, Минске, Петербурге, Полтаве, Харькове. Администрация Екатеринбурга Киева, запрещала проведение сборов, устройство вечеров и концертов в пользу местных просветительных обществ[3]. В Москве, по свидетельству печати, вмешательство властей "почти всегда вносило только дезорганизацию и разрушение в дело внешкольного образования"[4]. В Нижнем Новгороде власти "едва-едва" терпели общеобразовательные курсы для рабочих и ремесленников; городские и земские учреждения не оказывали им поддержки; на частную благотворительность было "невозможно рассчитывать"[5]. В Симферополе от лекторов, читавших на курсах для рабочих, требовали предварительного отзыва от губернатора об их политической благонадежности и нравственных качествах. Обыденным явлением стало запрещение лекций, причем в Иваново-Вознесенске, Киеве таким санкциям подверглись даже лекции по медицине — о женских болезнях, холере, чахотке. Подобный административный произвол способствовал тому, что во многих городах ведение культурно-просветительной работы стало "крайне затруднительным" или "даже невозможным"[6].

Однако вопреки этим и другим препятствиям, деятельность просветительных обществ и организаций развивалась. Свою главную задачу

они видели в удовлетворении духовных запросов широких слоев трудящихся, обеспечении им доступности образования и знания.

Возникшее в 1906 г. в числе первых Петербургское общество народных университетов уже через несколько лет представляло собой достаточно широкую систему разнообразных культурно-просветительных заведений. Здесь работали вечерние трехгодичные общеобразовательные курсы. Руководители общества рассматривали эти курсы как первые подготовительные шаги к организации средней народной школы. Создание средней школы для взрослого трудящегося населения столицы являлось важнейшей задачей и заботой Петербургского общества. Наряду с общеобразовательными, действовали специальные классы и курсы: агрономические, коммерческие, политехнические, технические, по изучению иностранных языков и др. Была создана сеть заведений художественного образования: народная консерватория, классы лепки и рисования, курсы выразительного чтения.

Одной из наиболее характерных черт деятельности столичного общества явились рост и развитие народных аудиторий с постоянным циклом публичных лекций. К 1913/14 учебному году такие аудитории были открыты во многих фабрично-заводских районах и пригородах столицы. Посетителями этих аудиторий являлись главным образом рабочие, составлявшие не менее половины всех слушателей народного университета.

Петербургское общество народных университетов располагало библиотекой в 80 тыс. томов, читальней, музеем, имело специальную экскурсионную комиссию, устраивавшую ежегодно познавательные поездки по России[7].

Ключевым звеном в системе Московского общества народных университетов являлась народная средняя школа, служившая своеобразным мостом между начальной и высшей школой и обеспечивавшая преемственность всех ступеней образования. Секция народной средней школы привлекла к занятиям "выдающиеся педагогические силы". Работа секции носила творческий характер: здесь применялись новые методы преподавания; практиковалось посещение музеев, зоосада; проводились экскурсии на природу.

Своеобразие Московскому обществу придавали систематические, законченные циклы лекций, построенные по факультетскому принципу. Уже в первый год работы были открыты факультеты: естественный, искусств, литературный, медицинский, экономический, юридический. Общее число посещений этих циклов в первый же год превысило 100

тысяч. Особой популярностью пользовались естественный, литературный, экономический и юридический факультеты.

Деятельность общества вызвала огромный интерес у трудящихся Москвы, и по их просьбе была создана специальная комиссия, наладившая чтение лекций на рабочих окраинах. Перед Первой мировой войной чтения велись практически во всех фабрично-заводских районах Москвы. Было организовано чтение лекций в Коломне, крупном промышленном центре губернии.

Районные чтения претерпели существенную эволюцию: от отдельных эпизодических лекций перешли к кратким циклам систематических лекций (2 раза в неделю в каждом районе) по русской истории и литературе, естествознанию, медицине, праву и др. К чтению лекций были привлечены видные ученые: В.Н. Бочкарев (русская история), Д.А. Викторов (психология), П.Н. Сакулин (русская литература), С.Ф. Фортунатов (всеобщая история), В.М. Хвостов (право) и др.

Секцией Московского общества народных университетов являлась народная консерватория, созданная при активном участии С.И. Танеева. Вместе с ним в организации и деятельности этого музыкально-просветительного учреждения участвовали А.Б. Гольденвейзер, А.Т. Гречанинов, Н.К. Игумнов, Н.Д. Кашкин, Е.Ф. Линева, К.С. Сараджев, Б.О. Сибор, Б.Л. Яворский и др. Главной целью народной консерватории являлось содействие музыкальному развитию масс. Классы сольного и хорового пения, виолончели, скрипки, фортепиано, композиции и др. посещали 600 — 650 человек; конторщики, приказчики, студенты, курсистки, рабочие, учителя, врачи, чиновники и др. Секция проводила лекции, концерты, собиравшие полные залы простонародной публики и пользовавшиеся необычайным успехом[8].

При Московском обществе была открыта и секция народного театра, председателем которой был избран выдающийся русский художник В.Д. Поленов. Видимо, по его просьбе дал согласие участвовать в работе секции Ф.И. Шаляпин. Целью мастеров культуры, как писал В.Д. Поленов Ф.И. Шаляпину, было "помочь пробуждающемуся народу в его стремлении к свету, в его жажде чего-то нового, высокого, в потребности жить не только жизнью материальной, но и духовной, иметь возможность подыматься иногда над действительностью, жить мечтой, грезой, творчеством..."[9].

Действительность давала немало примеров, свидетельствовавших о глубокой потребности народа в высоким, прекрасном, духовном. Увлекались искусством, ставили пьесы Грибоедова, Гоголя, Островского,

Шекспира, Шиллера и др. участники Общества любителей сценического искусства и Кружка рабочих при Народном доме Харьковского общества грамотности и народного театра в Цигровском уезде Курской губ.[10] Большим успехом пользовались литературно-музыкальные и вокально-музыкальные вечера, концерты, спектакли, проводившиеся просветительными обществами в Воронеже, Киеве, Курске, Тифлисе и др. городах[11].

Инициатором публичных лекций в Нижнем Новгороде в начале века выступил местный отдел Русского общества охранения народного здравия. В течение пяти лет было проведено 77 двухчасовых лекций. К их чтению были привлечены лучшие научные силы Москвы (А.П. Вахтеров, М.М. Гернет, А.А. Кизеветтер, П.Б. Сакулин, Б.И. Сыромятников, В.М. Фриче, В.А. Дингер и др.). Лекции вызвали необычайный интерес у горожан и проходили "почти всегда с выдающимся успехом". В 1906 г. было решено организовать систематические научно-популярные курсы для рабочих и ремесленников города. В течение 1906/1907 г. на курсах было прочитано 10 циклов лекций, которые посетило свыше 42 тыс. слушателей. Наибольшим вниманием пользовались лекции по истории западноевропейской и русской литературы XIX в., физике и истории рабочего вопроса на Западе. Небывалый успех курсов объяснялся талантом лекторов и деятельностью профсоюзов по популяризации занятий[12].

Таким же успехом пользовалась деятельность просветительных 13 обществ в Самаре, Тифлисе, Харькове, других городах[13]. В Курской, Нижегородской, Самарской и некоторых других губерниях спрос на публичные лекции, чтения предъявлялся не только в губернских центрах, но и в уездных городах и крупных селах[14].

Внимание к культурно-просветительной работе проявляла общественность Сибири (Енисейская, Иркутская, Томская губернии)[15]. Заметным событием не только регионального, но и общероссийского значения стало открытие в Томске народного университета на средства и капитал П.И. Макушина. П.И. Макушин выразил пожелание, чтобы помещения народного университета предоставлялись для проведения съездов и организации бесплатных летних курсов учителей. По воле основателя, учителя Сибири получали право бесплатного посещения всех лекций, всех кабинетов. Таким же правом "постоянно и навсегда" пользовались учителя начальных школ Томска[16].

Успешность деятельности, популярность в массах многих просветительных обществ объяснялись рядом обстоятельств. Программы

общественных и частных просветительных учреждений отличались необычайной гибкостью и были рассчитаны на самый широкий круг слушателей с разносторонними запросами. Структура этих учреждений в ряде городов включала все звенья внешкольного образования: от классов элементарной грамотности до университетских курсов. Заведения этого типа отличались демократическими принципами комплектования и функционирования. В отличии от государственной системы образования обучение здесь мужчин и женщин было совместным. В разных заведениях просветительных обществ женщины составляли: в Петербурге от 18 до 30 % учащихся и слушателей, в Москве — от 10 до 30 %, в Воронеже — 28 %, в Нижнем Новгороде — 27%[17]. В народном университете Шанявского удельный вес женщин был особенно высок — 54 %[18].

В общественных культурно-просветительных учреждениях не существовало ограничений по признакам возраста, национальности, вероисповедания, социального происхождения. В Тифлисе около 70 % слушателей общества народных университетов являлись рабочими, в Москве на долю рабочих, ремесленников, конторщиков, приказчиков приходилось 69 %, в Нижнем Новгороде — 53 %. Преобладающее большинство учащихся и слушателей (от 70 до 90 %) имело возраст до 30 лет[19].

Нередко слушатели входили в состав правлений, советов культурно-просветительных обществ и их учреждений и принимали непосредственное участие в определении тематики и планов занятий, выборе лекторов. Причем, как отмечал профессор А.Н. Краснов (Харьков), такое участие слушателей-рабочих оказалось "не только полезным, но даже необходимым для успеха дела"[20].

Работе многих культурно-просветительных обществ были присущи благоприятная морально-психологическая обстановка, взаимное уважение учащихся, слушателей и научных и педагогических работников.

Таким образом, невзирая на объективные и субъективные трудности, на рубеже XIX–XX вв. получила развитие сеть общественных и частных культурно-просветительных организаций, учреждений, заведений. Их деятельность характеризовалась творческим поиском ученых, педагогов, мастеров культуры, практическим решением ряда серьезных задач народного просвещения. Работа этих обществ имела немаловажное значение для духовного, интеллектуального, нравственного развития народа, для повышения уровня его образования и культуры.

Примечания

1. Учитель и школа. 1914. № 1.
2. Труды Первого Всероссийского съезда деятелей обществ народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы. С.-Петербург 3–7 января 1908 г. СПб., 1908. С. 24.
3. Там же. С. 105, 106, 162.
4. Вестник народных университетов. 1910. № 1.
5. Труды... С. 80, 81.
6. Там же. С. 105, 106, 230, 234.
7. Вестник народных университетов. 1910. № 1; С.-Петербургское общество народных университетов: Отчет о деятельности с 1 сентября 1910 года по 1 сентября 1911 года. СПб., 1912. С. 43; Учитель и школа. 1914. № 1.
8. Отчет о деятельности Московского общества народных университетов в 1906-1907 году. М., 1907. С. 14, 17: Труды… С. 337, 338, 342, 345, 348, 495, 496, 498; Вестник народных университетов. 1910, №. 1
9. Федор Иванович Шаляпин. Т. 1. Литературное наследство. Письма. М.: Искусство. 1976. С. 557, 713.
10. Выставка по народному образованию, устроенная Курским губернским земством летом 1902 года (23-30 июня). Курск, 1903. с. 46; Труды... С. 194.
11. Курский сборник. Вып.1. Курск. 1901. С. 232, 233; Труды... С. 213, 233; Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1908 год. Воронеж. 1909. С. 23, 24.
12. Труды... С. 78, 79, 83, 84.
13. Труды... С. 193-195, 233, 236; Известия Самарского общества народных университетов. 1910. № 1.
14. Курский сборник. Вып. 1. С. 232, 233; Труды... С. 80; Известия Самарского общества народных университетов. 1910. № 1.
15. Выставка... С. 10; Труды... С. 28, 40.
16. Известия Самарского общества народных университетов. 1910. № 1.
17. Труды... С. 84, 341; Отчет... Воронежского общества... С. 11; Известия Самарского общества народных университетов. 1910. № 1: Вестник народных университетов. 1910. № 1. № 3.
18. Известия Самарского общества народных университетов. 1910. № 1.
19. Труды .. С. 84, 233, 497; Отчет... Воронежского общества... С. 12; Вестник народных университетов. 1910. № 1.
20. Труды... С. 284.

М.Л. Бичуч

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РАЗРУШИТЕЛЬНЫХ И СОЗИДАТЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ РЕВОЛЮЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

И.А. Бунин писал в "Окаянных днях", что народ сам сказал про себя: "Из нас, как из древа — и дубина, и икона" — в зависимости от обстоятельств, от того, кто это древо обрабатывает: Сергий Радонежский или Емелька Пугачев"[1].

Освободительное движение возникло в России в начале XIX века. Оно не могло не развиться в стране, уже вкусившей просвещения, но не обретшей ни общественных, ни личных свобод. Оно захватило в свои ряды прежде всего образованных (или полуобразованных) людей. Тем не менее исход борьбы зависел от людей необразованных, иными словами - от того же народа, значительная часть которого пребывала за гранью нищеты. Этот народ мог качнуться в любую сторону. У крестьянской России был шанс стать как Жакерией, так и Вандеей. Пока же народ безмолвствовал.

В XIX веке реальная опасность режиму угрожала 14 декабря 1825 г., в самом начале 60-х годов и в годы кровавой охоты народовольцев за жизнью царя-освободителя. Ни один из этих кризисов не привел к потрясению основ, но и не устранил вызвавшие его причины. Разрушительная энергия медленно накапливалась в глубинах русской исторической жизни, чтобы вырваться на поверхность в начале XX века. Чувствуя себя частью великого, способного к прогрессу народа, интеллигенция глубоко переживала гнет архаического режима. Темы политического освобождения, социальной справедливости завладели ею всецело, до умоисступления.

М.А. Бакунин воплощал в себе вечно действенное, революционное начало. Этот "Стенька Разин русского барства" активно участвовал в европейских революциях 1848 года; будучи убежденным в том, что мировой пожар зажжет русский народ и славянство, Бакунин стремился прежде всего "поднести пылающий факел к отчему дому". Необходимо было взбунтовать народ (крестьянство — "коллективный Стенька Разин"), следовало весь мир насилья разрушить до основанья, уничтожить государственную власть, включая и диктатуру марксистского толка - "зло и грех", заменить власть самоуправлением народа. А что дальше делать — видно будет по обстоятельствам. Косидьер, префект Парижа в

революционном 1848 году, высказывался о Бакунине так: "Что за человек! Что за человек! В первый день революции — это просто клад, а на другой день надобно расстрелять"[2].

Письма "К старому товарищу" написаны А. И. Герценом в 1869 году и адресованы М.А. Бакунину. А.И. Герцен заглядывает далеко вперед, вот почему этот очерк не теряет своей актуальности и в конце XX века. Дело в том, подчеркивает автор писем, что революционное меньшинство, идущее вперед, не доработалось до ясных истин, до практических путей, до полных формул будущего экономического быта. Насилием можно разрушить и расчищать место — не больше. Делать революцию "на авось" — нелепо. Экономические вопросы подлежат математическим законам, а экономические промахи прямо ведут к застою, к голодной смерти. Автор подмечает, что подорванный порохом весь буржуазный мир, когда уляжется дым и расчистят развалины, снова начнет какой-нибудь буржуазный мир. Борьба против неотвратимого — бессмысленное истощение сил.

Указывая на то, что собственность, семья, церковь, государство были огромными воспитательными формами человеческого освобождения и развития, А.И. Герцен подчеркивает, что новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой охранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все не мешающее, разнообразное, своеобычное А.И. Герцена не пугает постепенность, он осуждает людей, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам, полагая, что "разгулявшаяся сила истребления уничтожит вместе с межевыми знаками и те пределы сил человеческих, до которых люди достигли во всех направлениях с начала цивилизации"[3].

Между тем неудача "хождения в народ" усилила у интеллигенции чувство разочарования в революционности крестьянства. Этим объясняется переход к политической борьбе и террору. На передний план в борьбе против самодержавия выдвигаются представители экстремистских групп и течений. Нечаев был изувер и фанатик, но натура героическая, незаурядный агитатор.

В листовке "Начала революции" Нечаев призывает к перевороту, который должен полностью разрушить все без исключения существующие формы жизни, довести их до "аморальности", причем "полное разрушение несовместимо с созиданием"[4]. Что касается средств достижения этой главной цели, то они характеризовались им в другом документе,

"Катехизисе революционера". Нечаев настойчиво внушает тем, кто посвятил себя революции, формулу "Все позволено".

Нечаевщина вызвала шок в русской интеллигенции. Однако сатанинский смысл ее постигнут был Ф.М. Достоевским, увидевшим в ней прообраз русской революции. "Нечаевское дело" послужило решающим побудительным толчком для создания "Бесов" (1871–1872). Убийство студента Петровской земледельческой академии И.И. Иванова воскресило в сознании Достоевского воспоминания молодости, когда он в кружке Петрашевского внутренне был готов на аналогичный поступок.

"Нечаевым, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но нечаевцем. не ручаюсь, может, и мог бы... в дни моей юности"[5]. И далее: "Все эти убеждения о безнравственности самих оснований (христианских) современного общества, о безнравственности права собственности, все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству как к тормозу во всеобщем развитии, и проч. и проч. - все это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия"[6]. Достоевский обнаруживает (и предупреждает об этом) существеннейшей парадокс, когда величественные и великодушные, святые и нравственные "новые идеи" оборачиваются мраком и ужасом, хаосом и разрушением.

Спустя почти полвека после выхода в свет "романа-пророчества" "Бесы" к оценке этого произведения в свете революционных событий 1917 г. вернется в теоретико-публицистическом трактате "Духи русской революции" Н.А. Бердяев[7]. "Когда в дни осуществляющейся революции перечитываешь "Бесы", — замечает Бердяев, — то охватывает жуткое чувство. Почти невероятно, как можно было все так предвидеть и предсказать... "Бесы" — книга пророческая. Достоевский видел духовным зрением, что русская революция будет именно такой и иной быть не может. Он предвидел неизбежность беснования в революции"[8].

Все русские революционеры-максималисты ждут разрушения старого мира послезавтра утром, как один из "героев" "Бесов" Шигалев. "Выходя из безграничной свободы, — говорит Шигалев, — я заключаю безграничным деспотизмом". Петр Верховенский так формулирует сущность шигалевщины Ставрогину: "Не надо образования, довольно науки!... мы всякого гения потушим в младенчестве, все к одному знаменателю, полное равенство. Необходимо лишь необходимое — вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители. Все рабы и в рабстве равны... главное — равенство... Цицерону отрезывается язык. Копернику выкалывают глаза. Шекспир побивается каменьями — вот шигалевщина"[9]. Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вокруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно, чтобы не было скучно. Скука есть ощущение аристократическое.

Анализируя "Бесов", Н.А. Бердяев утверждает, что Достоевский обнаруживает всю призрачность демократии в революции. Никакой демократии не существует, правит тираническое меньшинство. Но тирания эта, неслыханная в истории мира, будет основана на всеобщем принудительном уравнении. Шигалевщина и есть исступленная страсть к равенству, доведенному до конца, до предела, до небытия. Безбрежная социальная мечтательность ведет к истреблению бытия со всеми его богатствами, она у фанатиков перерождается во зло. Социальная мечтательность совсем не невинная вещь. Это понимал Достоевский[10].

Все же в целом XIX век был веком терпимости. Но в недрах терпимого XIX века зарождалась нетерпимость. Достоевский увидел начало этого процесса и сразу осознал, какая опасность в нем таится. Философские семена, брошенные теоретиками на благородную почву XIX столетия, дали в XX веке чудовищные всходы. Идеи попали на улицу и обрели самый уличный вид. Недаром Сталин запретил печатать "Бесы".

"Насильственные перевороты, "реки крови", топоры и плахи, порох и динамит — все это весьма печальные "явления", — писал Г.В. Плеханов в 1889 г. — но что же прикажите делать, если они неизбежны? Сила всегда играла роль повивальной бабки, когда рождалось новое общество. Так говорил Маркс, и так думал не один он"[11]. Но, даже будучи неизбежной, революция не перестает быть "великой трагедией"[12].

"Веховцы", анализируя результаты первой русской революции, обвинили интеллигенцию в том, что народу не прививалась идея личной ответственности каждого в период революции, что не было политического воспитания масс. "Вне идеи воспитания в политике есть, - по мнению П.Б. Струве — только две возможности: деспотизм или охлократия"[13]. Дело еще в том, что в борьбу с исторической русской государственностью и с "буржуазным" социальным строем интеллигенция "внесла огромный фанатизм ненависти, убийственную прямолинейность выводов и построений, и ни грана религиозной идеи"[14]. Трагическим следствием развития революционного процесса в России в 1917 г. явилась гражданская война. Согласимся с тем, что в этой войне не было победителей. "В ней есть только побежденные, — писал Борис Васильев

— нельзя торжествовать победу, убив собственного брата, выгнав отца за пределы Отчизны и доведя сестру до панели. Трагическая катастрофа рождает только потери"[15]. Н.А. Бердяев в те далекие времена с горечью размышлял:

"Идея класса убила в России идею человека... русские люди перестали подходить друг к другу, как человек к человеку"[16].

Между тем в 60-е годы XIX века П.А. Кропоткин — талантливый ученый, путешественник, видный революционер — в сопровождении дюжины солдат, с томиком "Фауста" в кармане совершил ряд смелых экспедиций по Лене, по Уссури, по Сунгури, по Северной Манчжурии, пройдя в общей сложности до 70 тыс. верст. Автора поразили две черты в жизни животных: необычайная суровость их борьбы за существование в условиях безжалостной природы и отсутствие острой борьбы среди животных одного и того же вида. Значит, помимо закона взаимной борьбы в природе существует и закон взаимной помощи и солидарности, являющийся всеобщим биосоциологическим законом, который действует в человеческом обществе как непременное условие его прогресса. Следовательно, не классовая борьба, а солидарность, не национальная грызня, а взаимное уважение и взаимопомощь являются факторами длительной эволюции человечества[17].

Вдумываясь в смысл слов В. И. Ленина о "коренной перемене всей точки зрения на социализм", нельзя не обратить внимание на некоторые проблемы, намеченные Лениным, о которых говорил Н.И. Бухарин на заседании Комакадемии 17 февраля 1924 г. Прежде всего, это идея о том, что после победы рабочей революции начинается настоящее эволюционное развитие, подлинное врастание в социализм, где всякое катастрофическое выступление может сыграть только реставрационную, контрреволюционную роль.

Ссылаясь на Ленина, Н.И. Бухарин фактически выдвигает идею об уменьшении, сглаживании, а не обострении классовых противоречий. Далее речь идет о культурной проблеме. В послереволюционные годы наметились перемены в отношении Ленина к российской культуре: прежнее деление на "две культуры" мало-помалу стало уступать место необходимости воспринять "всю" культуру, все духовное достояние и подлинные ценности, созданные гением народов России и, прежде всего, великую русскую культуру. Опыт уходящего XX века подтвердил, что когда почему-либо отбрасываются традиционные культурные нормы и взламываются установившиеся социальные связи, когда культивируется изощренное классовое или национальное чутье и образуется дефицит нравственности, из создавшегося вакуума выскакивает неандерталец.

Интересна также постановка вопроса о различных типах (моделях?) социализма, который вызывал у "наследников" Ленина приступы догматического неприятия. Далее следует теоретический анализ двухклассового общества при рабочей диктатуре — рабочие и крестьяне суть не что иное, как классовые носители определенных хозяйственных форм, с чем следует считаться — они союзники и партнеры[18].

И если НЭП со "смешанной" экономикой — "всерьез и надолго", а социализм — "строй цивилизованных кооператоров", то не являются ли эти суждения "позднего" Ленина вескими основаниями для вывода о том, что он, мучительно размышляя о будущем, становится теоретиком мирного, эволюционного, цивилизующего процесса создания общества, основанного на синтезе общечеловеческих ценностей.

Примечания

1. Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1991. С. 54.
2. Цит. по: История Отечества в портретах политических и государственных деятелей. Вып. 1. М.; Брянск, 1994. С. 64.
3. См.: Герцен А.И. Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1948. С. 300-317.
4. Цит. по: Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты. Л., 1972. С. 97.
5. Цит. по: Достоевский М.Ф. Бесы: Роман в трех частях. М., 1993. С. 7.
6. Там же. С. 8.
7. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1991.
8. Из глубины... С. 70.
9. Достоевский Ф.М. Бесы. С. 405.
10. Из глубины. С. 74.
11. Плеханов Г.В. Новый защитник самодержавия // Родина. 1990. № 10. С. 32.
12. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 267.
13. Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. М., 1991. С. 147.
14. Там же. С. 146.
15. Васильев Б. Покаянные дни // Родина. 1990. № 10. С. 8.
16. Бердяев Н.А. Сказка о земном рае // Новое время. 1991. № 5. С. 41.
17. См.: Масликова Т.Н Князь П.А. Кропоткин — ученый, мыслитель, революционер // История Отечества в портретах. Вып. 1. С. 108-122.
18. См.: Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 77-85.

С.В. Кривов, Д.А. Николаев

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К СТОЛЫПИНСКИМ РЕФОРМАМ

Период между окончанием первой русской революции и началом нового революционного подъема прочно связан в нашем историческом сознании с именем крупного государственного деятеля и реформатора Петра Аркадьевича Столыпина. Эпохой столыпинских реформ — с одной стороны, периодом «столыпинской реакции» — с другой, называют это время историки и публицисты, вкладывая в эти определения свое, часто субъективное отношение. Почти девяносто лет прошло со дня трагической гибели третьего по счету российского премьер-министра, но и по сей день в оценке его деятельности нельзя обозначить сколько-нибудь заметного сближения позиций. Не в последнюю очередь это объясняется той противоречивой и многообразной палитрой мнений современников тех событий. А ведь известно, что успех или неудача любых реформаторских начинаний в значительной мере зависят от степени их понимания и поддержки в обществе. Целью данной статьи и является рассмотрение реакции российского общества и, прежде всего, его наиболее политически активной части — интеллигенции на взятый в 1906 году курс политического и социального обновления Российской империи.

Однако анализ данной проблемы затруднен в силу разных причин. Во-первых, само понятие «интеллигенция» является достаточно расплывчатым и неустойчивым. Можно говорить о столичной или провинциальной, политической или научной интеллигенции. Во-вторых, источники по данному вопросу разрозненны и охватывают широкий круг материалов периодической печати, публицистики и партийных документов. Неудивительно, что большее внимание в нашей исторической литературе уделяется изучению отношения интеллигенции к революции. Ведь данная тема широко освещалась в выходивших до и после 1917 года сборниках: «Вехи. Интеллигенция в России», «Пути Евразии» и другие. Касательно нашей темы подобным материалом мы не располагаем. В-третьих, революция, если не считать подавленной в 1907 году, по крайней мере, до своего свершения в 1917 году, была явлением абстрактным, условным. О ней мечтали, ее проклинали, но все-таки представляли достаточно смутно. Реформы 1906-1911 годов — это конкретная деятельность, связанная с именем реального политического деятеля — П.А. Столыпина и его близкого окружения. Личность самого

реформатора, партийные интересы разночинной интеллигенции накладывали поэтому свой отпечаток на восприятие ею идеи нереволюционного пути обновления общества.

В рамках данной статьи термин «интеллигенция» мы ограничим понятием «политическая элита общества». К числу последних относятся лидеры политических партий и движений общероссийского масштаба, деятельность которых протекала в столичных государственных и общественных структурах.

Следует отметить, что правительственная деятельность П.А. Столыпина не ограничивалась лишь проведением знаменитой аграрной реформы и репрессивно-карательными мерами против революционного движения. В правительственной декларации 6 марта 1907 года на рассмотрение II Государственной думы был представлен целый комплекс мероприятий, направленных на кардинальные изменения всего общественного уклада жизни страны: введение всеобщего начального образования, реформа местного суда и органов земского самоуправления, усовершенствование уголовного и гражданского Кодексов и многое другое. Однако реакция со стороны российского парламента, даже по мнению не склонного оказывать поддержку премьер-министру П. Н. Милюкова, оказалась весьма странной. «Ни один европеец не понял бы, — не скрывал своего удивления лидер кадетов — каким образом после такой речи мог бы последовать вотум недоверия»[1]. Но факт остается фактом — проект реформ встретил дружный отпор как справа, так и слева. «Русская жизнь» обращает внимание своих читателей на то, что «... наблюдается какая-то противоестественная солидарность князя Мещерского с Милюковым, Пуришкевича с Гегечкори и Чхеидзе. Всем им хочется, чтобы Столыпин непременно сдался и ушел»[2]. В чем же секрет столь загадочного единодушия?

Обращает на себя внимание, что П.А. Столыпин оказался чуждым многим из российской политической элиты. Характерным для большинства ее представителей являлось стремление отмежеваться не только от политики, но от самой фигуры премьер-министра. В среде революционно-демократической и либеральной интеллигенции сложилась устойчивая традиция отождествлять главу тогдашнего правительства и его реформаторские начинания с крайне правыми силами. «Несомненно, — утверждает по случаю гибели реформатора известный либеральный публицист А. С. Изгоев — что убийство П.А. Столыпина... способствовало лишь усилению того узкого дворянского национализма, которому покойный служил в последние годы»[3]. Здесь уместно вспомнить и из-

вестное ленинское суждение о сути столыпинской аграрной программы, которую «продиктовал Столыпину Совет объединенного дворянства»[4]. К счастью, в последнее время появился ряд работ ставящий под сомнение целесообразность подобных утверждений[5]. Ведь и правая интеллигенция не хотела видеть себя в одном лагере со Столыпиным: «Октябристы: партия скопцов и нулей — отмечает, например, журнал «Русский вестник». — К этой партии принадлежит и правительство»[6].

Этим, пожалуй, и объяснялся тот негативный настрой со стороны большей части российской политической интеллигенции в отношении не только государственной деятельности, но и личных качеств П.А. Столыпина. Было даже общепринятым принижать образ премьер-министра до заурядного политического интригана. «Всецело на личный его счет можно поставить разве импрессионизм, который он вносил в дело, склонность к эффектным фразам и жестам, которая, несомненно, была ему свойственна»[7]. — пишет на страницах «Русского богатства» А.В. Пешехонов, один из создателей и руководителей *интеллигентской* по своему составу партии народных социалистов. Подобного рода суждения можно продолжать и далее. Неудивительно поэтому, что политика столь «бездарного» государственного деятеля была обречена на провал. Немногие тогда отважились занять иную позицию. К числу тех, кто отдавал должное столыпинским реформам можно отнести, как это ни покажется странным, В.И. Ленина. В письме к М.П. Томскому, предостерегая от «преувеличенной веры в столыпинскую аграрную реформу», В.И. Ленин тем не менее справедливо отмечает, что «она поставила новые проблемы, кои надо изучать и изучать, она открыла возможность нереволюционного исхода...» [8]. При этом сам факт появления данного источника указывает на существование у определенной части социал-демократов хотя бы «веры в успех» столыпинской аграрной реформы. Но тем не менее революционно настроенная часть интеллигенции оставалась в крайней оппозиции П.А. Столыпину. Ведь их борьба против Столыпина — есть, прежде всего, борьба за революцию, «... ибо после решения аграрного вопроса в столыпинском духе никакой иной революции быть не может»[9]. В конце концов, на то они и революционеры. Поражает, однако, другое. При явном либеральном характере предлагаемых реформ, П.А. Столыпин не встретил понимания и одобрения среди именно либеральной интеллигенции. Речь идет, прежде всего, о кадетах, партии, верхушка которой была представлена столичной интеллигенцией. В отличие от В.И. Ленина такие либеральные ученые и публицисты, А. С. Изгоев, А.А. Кауфман, А.И. Чупров,не видели даже

теоретических перспектив для столыпинской политики реформ. Неудивительно, что, благодаря именно кадетской фракции Государственной думы, большинство реформаторских законопроектов П.А. Столыпина так и не реализовались. Только среди октябристов, «партии,на большую половину состоящей из провинциальных земских деятелей»[10], нашел свою политическую опору бывший саратовский губернатор. Ведь и сам он, будучи губернатором, никоим образом не был представлен бюрократии в провинции, а наоборот, став министром, он стал представителем провинции в Петербурге[11]. Не здесь ли кроется секрет того неприятия,продемонстрированного столичной политической элитой по отношению к П. А. Столыпину и его государственной деятельности?

Примечания

1. Милюков П.Н. Вторая Дума. Петербург. 1908 С. 197.
2. Русская жизнь. 1911. № 12-13.
3. Русская мысль. 1911. Октябрь.
4. Ленин В.И. ПСС. Т. 21. С. 384.
5. См: Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг. Л., 1990.; Бородин А.П. Объединенное дворянство и аграрная реформа // Отечественная история. 1993, № 6.
6. Русский вестник. 1906. Сентябрь.
7. Русское богатство. 1911. Сентябрь.
8. Ленин В.И. ПСС. Т.47. С. 209.
9. Ленин В.И. ПСС. Т. 17 С. 32.
10. Русский вестник. 1906. Сентябрь.
11. Леонтович В.В. История либерализма в России.1762-1914 гг. М., 1995. С. 528.

Ф.А. Селезнев

К ВОПРОСУ О "БУРЖУАЗНОСТИ" КАДЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Еще В.И. Ленин определял кадетскую интеллигенцию как "буржуазную"[1]. Эта оценка господствовала и в советской историографии. Интересно, однако, что подобные взгляды доминируют и в работах современных авторов (правда,негативно окрашенное слово "буржуазная" чаще заменяется более респектабельным "либеральная")[2].

Каковы же доказательства "буржуазности" кадетской интеллигенции?

В качестве первого из них обычно назывался высокий уровень материального достатка интеллигентов-кадетов. Но поскольку репрезентативные данные по партии в целом отсутствовали» то исследователи обычно ограничивались приведением нескольких примеров большого жалования» крупных гонораров, наличия собственных домов и дач у отдельных деятелей Партии народной свободы», занимавшихся умственным трудом. Однако сейчас. когда появилось достаточное количество специальных работ по местным кадетским организациям, можно взглянуть на эту проблему по-другому. Так, из данных приводимых О.А. Харусь видно, что среди кадетов — интеллигентов Сибири к высокооплачиваемой интеллигенции можно отнести только 11%[3]. Схожая картина наблюдалась в нижегородской кадетской организации. Там лишь 17% (в губернском комитете — 14 %) от всех интеллигентов владели недвижимостью.

Зная эти цифры, трудно согласиться с мнением В.В. Шелохаева (высказанном в 1991 г.) о том, что "кадетская интеллигенция была интегральной частью российской буржуазии"[4].

Впрочем, даже если бы 100 % интеллигентов, состоявших в Конституционно-демократической партии, владели недвижимостью, все равно их, на наш взгляд, нельзя бы было причислять к буржуазии.

Известно, что классово-образующим признаком является не просто отношение к собственности, а именно отношение к собственности на средства производства. Отсюда к буржуазии могут быть отнесены только собственники средств производства, эксплуатирующие наемных работников. Интеллигенты же сами являются наемными работниками — наемными работниками умственного труда, продающими его за жалование или гонорар. Следовательно, в классовом смысле они являются антагонистами буржуазии, несмотря на хорошее материальное положение некоторых из них.

Умственный труд, особенно квалифицированный, обычно оценивается высоко. А среди кадетов имелось немало высококвалифицированных специалистов — профессоров, юристов, врачей. Ведь квалификация приходит с годами, средний же возраст членов Партии народной свободы был близок к 40 годам (39 лет по Сибири[5], 43 — по Нижегородской губернии[6], 41 — среди интеллигентов — членов ЦК[7]), т.е. к той поре, когда человек выходит на пик своих профессиональных возможностей и соответственно получает максимальную оплату. Но сам по себе высокий материальный достаток не может являться признаком буржуазности. Иначе пришлось бы отнести к буржуазной интеллигенции и Н.Г. Чернышевского, и А.М. Горького, и многих интеллигентов-большевиков (Д.Б. Красин, Г.М. Кржижановский в др.).

Вообще, по нашему мнению, термин "буржуазная интеллигенция" (равно как и "мелкобуржуазная", "пролетарская", "народная") в социальном плане бессодержателен — и не только по отношению к кадетам. Однако это понятие, вероятно, может употребляться при анализе идеологии тех или иных групп интеллигенции. В таком случае буржуазной можно называть интеллигенцию, которая выражает (защищает) интересе буржуазии, а также апологетизирует капиталистические (рыночные) отношения.

Именно таковой традиционно считалась кадетская интеллигенция. Именно это называлось главным доказательством ее буржуазности.

Так, В.В. Шелохаев в 1983 г. писал: "Защищая идеологически и политически капиталистическую систему, получая свою долю прибылей» либеральная интеллигенция является составляющей частью господствующего класса буржуа по образу мыслей и действий"[8]. Эту же мысль он повторил и в работе 1991 года[9]. Правда, в 1994 г. В.В. Шелохаев несколько смягчил эту оценку, вместе с другой крупнейшей исследовательницей истории кадетов, Н.Г. Думовой, ограничившись только констатацией того, что "кадеты считали капитализм наиболее оптимальным вариантом общественного прогресса"[10]. Но суть точки зрения ученого, как видим, осталась неизменной. Недаром главу, посвященную экономическим воззрениям русских либералов (и прежде всего кадетов) в своей последней капитальной монографии "Либеральная модель переустройства России" В.В. Шелохаев назвал "Рациональная рыночная экономика[11].

Но были ли на самом деле представители интеллигенции, вошедшие в Партию народной свободы, "рыночниками", апологетами капитализма, наконец — либералами?

Например автор классической "История либерализма в России", В.В. Леонтович кадетов либералами не считал, указывал, что ряд ключевых положений экономической программы Конституционно-демократической партии носит ярко выраженный антилиберальный характер[12]. Что касается отношения русской интеллигенции к капитализму как "оптимальному варианту общественного прогресса", то П.Б. Струве по этому поводу писал: "... русская интеллигенция в ее целом не понимала и до сих пор не понимает значения и смысла промышленного капита-

лизма. Она видела в нем только "неравное распределение" и "хищничество" или "хапание" и не видела в его торжестве победы более производительной системы, не понимала его роли в процессе хозяйственного воспитания и самовоспитания общества"[13]. Более того, по Струве, интеллигенция вела прямую борьбу с "буржуазным" социальным строем, внося в нее "огромный фанатизм ненависти"[14]. Фанатизм же этот самым естественным образом проистекал из того, что, как отмечал еще М.И. Туган-Барановский,"русский интеллигент, если он вообще не чужд общественных интересов, обычно более или менее сочувствует, а иногда и фанатически привержен социализму"[15].

Современному читателю данное утверждение может показаться странным. Но для самого Туган-Барановского, как и для его современников начала века, оно было настолько очевидным, что "почти не требовало доказательств"[16]. А Струве даже само рождение русской интеллигенции связывал о восприятием "русскими передовыми умами" "западноевропейского социализма"[17].

Усвоив западный социализм, интеллигенция, по Струве, "явственно отделяется от образованного класса, как нечто духовно особое"[18]. Происходит это в 60-е гг. XIX в., т.е. в эпоху буржуазных реформ — и в этом ключ к пониманию "антибуржуазности" русской интеллигенции.

Социальной основой формирующейся интеллигенции стало обезземенивавшееся и разорявшееся после реформы 1861 г. мелкое дворянство[19]. Не сумев вписаться в капиталистические, рыночные отношения, оно проникается к ним ненавистью, легко усваивая идеи социализма. Так возникает русский социализм — народничество. И с этой эпохи социалистическая идеология начинает безусловно доминировать в интеллигентском сознании.

Могут возразить, что это не касается собственно кадетской интеллигенции. Однако факты говорят о другом. Интеллигенты-кадеты являлись составной частью русской интеллигенции и, как отметил П.Б. Струве, "тоже отдали слишком обильную дань старой интеллигенткой психологии"[20].

Да и могло ли быть иначе?

Как мы уже отмечали» ведущее положение в партии занимала сверстническая группировка сорокалетних, т.е. те, чье детство, отрочество, юность пришлись на бурную эпоху Александра II, когда господствующее влияние на умы молодежи оказывали именно идеологи русского социализма — Герцен, Чернышевский, публицисты-народники.

Например председатель нижегородского комитета партии кадетов Г.Р. Килевейн без обиняков назвал Герцена и его идеи важнейшим фактором, сформировавшим мировоззрение его поколения[21]. Другой лидер нижегородских кадетов А.А. Савельев, называл среди "любимых писателей" молодежи его круга Писарева, Шелгунова, Чернышевского[22]. Нижегородский член ЦК Партии народной свободы Е.М. Ещин вспоминал, что в гимназические годы определяющее влияние на него оказали "Шелгунов, Златовратский и другие народники"[23].

Политическое образование будущих кадетов было довершено в высших учебных заведениях, где большинство из них училось в 70–80-х гг. XIX века. Будучи студентами, некоторые из тех, кто впоследствии играл видную роль в нижегородской организации КДП. уже успели сходить "в народ", другие активно работали в более поздних народнических структурах, состояли в студенческих революционных кружках, участвовали в сходках и демонстрациях.

Очевидно нижегородская кадетская организация не представляла в этом плане исключения. Не случайно в ноябре 1906 г. некоторые местные организации требовали от ЦК изменить название партии с "конституционно-демократической" на "народную" или "народническую"[24]. Отметим также тот факт, что бывшие народники (и народовольцы), а также марксисты (А.Н. Максимов, И.В. Гессен, А.С. Изгоев, М.Л. Мандельштам, З.Г. Френкель, П.Б. Струве) имелись даже в составе кадетского ЦК. Немало сторонников социалистической идеи, по свидетельству того же А.С. Изгоева, имелось и в партии в целом[25]. "Зная об этом, мы уже не будем удивлены тем, что первым пунктом в разработанной кадетами обширной программе экономических реформ значилось создание при Совете министров специального органа для разработки "перспективного плана развитая всех отраслей народного хозяйства"[24].

Идейное наследие социализма определило и отрицательное отношение кадетов к наиболее либеральной из реформ Столыпина — аграрной. П.Н. Милюков признавал: "Народническая идеология через аграрный вопрос вливалась широкой струей в наши партийные ряды, и обвинение нас нашими противниками в "социализме" было в этом отношении не совсем безосновательно"[27].

Многие кадеты именно социализм видели "наиболее перспективным вариантом общественного прогресса" и говорили об этом совершенно открыто, настаивая только на том, чтобы этот процесс носил эволюционный характер. Сама же социализация производства их абсолютно не страшила, в т.ч. в плане экономической эффективности. Наоборот, они

ее приветствовали, всячески поощряя, например, кооперативное движение.

Итак, есть масса примеров влияния социалистической идеологии на программные установки и тактику кадетов, особенно ярко выраженного если речь идет об интеллигентской социальной составляющей партии. А вот что касается отстаивания кадетской интеллигенцией интересов русской буржуазии, то свидетельств этому практически не имеется. Статьи Струве, обильно цитируемые в этой связи, не в счет. Этот публицист сам указывал на свое "духовное и политическое одиночество" в интеллигентской среде[28]. А его расхождения с большей частью кадетского руководства и партией в целом (особенно после "Вех") были столь велики, что в 1915 г. он демонстративно сложил с себя полномочия члена ЦК.

Для абсолютного большинства кадетов-интеллигентов идеологическое обеспечение нужд русской буржуазии было совершенно неприемлемо, даже чисто психологически, поскольку они (интеллигенты) испытывали к отечественным предпринимателям чувство, близкое к отвращению. Богатый материал, подтверждающей это, дает рупор кадетской интеллигенции "Нижегородский листок", постоянно подвергавший нападкам "пьяное зарвавшееся купечество", "буржуазию нижегородскую, доморощенную, ветхозаветную, буржуазию в дубленом тулупе и с запахом кислой капусты" и ее лидеров — Н.А. Бугрова. Я.Е. Башкирова и др., а также всячески поносивший купцов - гласных городской думы и вообще русских промышленников — "неумелых, жадных, настроенных хищнически, которые стараются нажить копеечку на копеечку, рубль на рубль, негодуя на иностранцев и "инородцев", которые сбивают цены"[29].

Таким образом, в идеологическом плане кадетскую интеллигенцию назвать буржуазной нельзя. Итак, кадетская интеллигенция буржуазной не являлась. Но это значит, что нуждается в новой постановке к вопрос о "буржуазности" партии кадетов в целом, а также о ее реальных взаимоотношениях с различными группами буржуазии. Это должно стать темой специальных исследований.

Примечания

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.14. С.191-192 и др.
2. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
3. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Томск, 1998. С. 27.
4. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М., 1991. С. 19.

5. Харусь О.А. Ук. соч. С. 29.
6. Высчитано нами на 1906 г.
7. Высчитано нами по: Политические партии России (конец XIX – первая треть XX века): Энциклопедия. М., 1996.
8. Шелохаев В.В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1906-1907 гг. М., 1983. С. 83.
9. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация...
10. История политических партий России/Под ред. А.И. Зевелева. М., 1994. С. 116.
11. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
12. Леонтович В.В. История либерализма в России 1762-1914. М., 1995. С.259. 480,483 и др.
13. Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 203.
14. Там же. С. 197.
15. Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 419.
16 Там же.
17. Струве П.Б. Ук. соч. С. 194.
18. Там же.
19. Дворянское землевладение с 1862 по 1905 г. уменьшилось на 41% См.: Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. М., 1976. С. 54.
20. Струве П.Б. Ук. соч. С. 34.
21. Нижегородский листок. 1905. 3 ноября.
22. РГАЛИ. Ф.553. Оп. 1. Д. 216. Л. 122.
23. Там же. Д. 215. Л. 141.
24. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 27. Лл. 21-22.
25. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века. Идеология и политика. Томск. 1996. С. 177.
26. История политических партий... С. 118.
27. Милюков П.Н. Воспоминания. Т.1. М., 1990. С. 353.
28. Струве П.Б. Ук. соч. С.71.
29. Нижегородский листок. 1906. 15 февраля, 24 марта, 2 апреля, 14 мая, 10 июля; 1907. 30, 31 января, 1 февраля, 1909 11 марта и др.

А.В. Медведев

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НАРОД В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

По истории российской интеллигенции написано немало работ, главным образом советскими историками[1]. Преобладающем у них явля-

ется взгляд на интеллигенцию как на особую прослойку людей, занимавшуюся умственным трудом. Отрицается оценка народников и дореволюционных либералов интеллигенции как единой социальной группы, подчеркивается дифференциация интеллигентов до социальному положению и доходам на дворянскую, буржуазную и мелкобуржуазную. Говорится о появлении пролетарских интеллигентов из числа наиболее развитых рабочих, получивших самообразованием знания и использующих их для организации рабочего движения, но о них мы речь вести не будем, т.к. по остальным признакам они не отличались от обычных пролетариев. В литературе рассматривалось отношение интеллигенции к революции, к борьбе трудящихся, но на наш взгляд, проблема взаимоотношений интеллигенции и народных масс требует специальных исследований. Представляется, что историками преуменьшалось враждебное отношение интеллигенции к Октябрьской революции и к Советской власти и соответствующее отношение к ней трудящихся. В 90-е гг. наблюдается, прежде всего в публицистике, апологетика контрреволюционной интеллигенции, ее реабилитация как невинной жертвы большевистского террора в духе "Архипелага Гулаг" А. Солженицына[2].

Интеллигенция составляла в 1917 г. около. 1,5 млн. чел.[3] из 140 млн. населения (в границах СССР 1939 г.). Она была частью народа, но тогда использовалось понятие "народ" в узком смысле слова как малограмотное и неграмотное большинство населения — рабочие, ремесленники, крестьяне и пр., отличающиеся от интеллигенции и меньшими доходами, одеждой, образом жизни и т.д. Мы будем употреблять далее слово "народ" в этом смысле. В Октябрьской революции проявилось расхождение интеллигенции и народа в силу ряда объективных факторов.

Со времени Петра I в России развивалось две культуры: господствующая европеизированная, связанная с дворянством, потом с буржуазией, и народная традиционная, уходящая в глубь веков, сформировавшаяся под влиянием православия. Интеллигенция представляла первую культуру, поэтому народ ее часто просто не понимал, даже выходцы из народа, получившие высшее образование, оказывались на содержании у буржуазии, сливались с ней по образу жизни. Интеллигенция могла быть небуржуазной в том случае, отмечал В.И. Ленин, если бы не было капитализма[4]. Самой многочисленной была мелкобуржуазная интеллигенция, связанная с мелкой буржуазией по происхождению и положению, — журналисты, мелкие служащие, учителя, земские врачи,

агрономы, ветеринары, кооператоры и пр. Интеллигенция отличалась, таким образом, по социально-классовому положению от народных масс.

Двойственное и неустойчивое положение интеллигентов /служащих, примыкающих к буржуазии и одновременно наемных работников/ способствовало распространению у них половинчатых, эклектических воззрений, мешанины, противоположных принципов и точек зрения[5]. Этому способствовали индивидуализм интеллигентов, их неспособность к дисциплине и организации. Вот почему интеллигенция создавала идеологические условия возникновения в России огромного количества политических партий. Их было в 1917 г. 90–100. Буржуазная интеллигенция ориентировалась на западный либерализм и входила главным образом в буржуазные партии. Мелкобуржуазная интеллигенция способствовала развитию мелкобуржуазной демократии и руководила мелкобуржуазными социалистическими партиями. Часть ее вошла в РСДРП, возглавив в ней мелкобуржуазное реформистское крыло — меньшевизм[6].

Февральскую революцию совершили стихийно поднявшиеся народные массы, рабочие и солдаты, а плодами ее воспользовались буржуазия и интеллигенция. Последняя через буржуазные партии возглавила Временное правительство и его органы на местах, а через правосоциалистические партии — Советы и различные революционные комитеты. Казалось, возникло единение интеллигенции и народа. Интеллигенты примеряли на одежду красные банты и лобызались с простонародьем. Но вскоре проявились разногласия между классами, интеллигенцией и народом, между различными слоями интеллигентов.

Не приняла революцию промонархическая интеллигенция. Интеллигенты-либералы на людях ликовали, но в душе, в разговорах между собой, как вспоминал В.Б. Станкевич, "ужасались, содрогались и чувствовали себя плененными враждебной стихией, идущей неведомым путем"[7]. Это и неудивительно: революция перешагнула предел конституционной монархии, на котором ее хотели задержать либералы. Буржуазная интеллигенция стремилась остановить революцию, в массе своей поддерживала кадетов — главную партию буржуазии.

Демократическая просоциалистическая интеллигенция испытывала радость от утверждения демократического режима и хотела дальнейшей демократизации России. Но она боялась слишком большого углубления революции, революционной стихии, анархии, проявляя элементарную трусость. Левый эсер С. Мстиславский, участник Февральской революции, писал, что эсеро-меньшевистские вожди судорожно цеплялись за

соглашение с представителями Государственной думы. Легко им было говорить от имени народных масс, числиться вождями. Когда пролетариат восстал и стала ощущаться его огромная сила, "..невольно слова успокоения вместо вчерашних боевых призывов стали бормотать побледневшие губы вождей. Им стало страшно..."[8].

Несомненно, на позиции интеллигенции сказывалось и ее более высокое по сравнению с простым народом материальное положение, которое она боялась потерять. В 1916-1917 гг. 2% интеллигентов имели доходы свыше 10 тыс. руб. в год, 5% — 6-9 тыс., 15% — 3-6 тыс., 40% — 1,5-3 тыс. и до 40% — до 1,5 тыс. Последняя часть — учителя начальной школы, земские врачи, студенты, репортеры и др. едва сводили концы с концами. Сильнее всех бедствовали учителя начальной школы, получавшие в среднем 600 руб. в год. Это был уровень средней зарплаты рабочего-текстильщика (613 руб.) и ниже уровня рабочего-металлиста в Петрограде (1262 руб.)[9]. Но в столице у рабочих была самая высокая зарплата. В провинции зарплата была гораздо ниже (сормовский рабочий зарабатывал в день 2,25 руб[10]., т.е. около 600 руб. в год). Следовательно, даже низшие слои интеллигенции имели зарплату на уровне высококвалифицированного рабочего. Трудящиеся массы вообще находились в большинстве на полуголодном уровне жизни.

Не случайно иногда даже лучшие из интеллигентов не понимали по-настоящему нужд народа. С.Н. Булгаков, искренно верующий человек, в брошюре "Христианский социализм", написанной в 1917 г., осуждал голодных рабочих за "чрезмерные" требования повышения зарплаты. "Рабочие заслужили название социалистических буржуев", — утверждал он и поучал, что Христос, дабы не лишать человека свободы, требовал от него в поте лица своего добывать себе хлеб[11]. Интеллигенция вместе с буржуазией претендовала на роль новой элиты. Ее политические группировки, как верно заметил молодой историк Д. Чураков, играли по неким правилам игры, где народ представлял толпу, а интеллигентские элиты — его вождей[12]. Правый эсер В. Руднев вспоминал в эмиграции, что народолюбивая интеллигенция кинулась после Февральской революции поучать народ, непоколебимо убежденная в полном торжестве ее идеалистической традиции с исконными чаяниями народных масс. Но подлинный, живой народ, впервые выступивший на исторической сцене, не признал безапелляционного руководства над собой "старшего брата", предпочитая жить своим умом, вернее, руководствуясь своими стихийными инстинктами[13].

Развитие политического процесса в 1917 г. показало расхождении интеллигенции с народом. Революция — это прежде всего стихийный подъем масс, социальное землетрясение. Народ поднимается на последний, решительный бой тогда, когда уже не в силах переносить обрушившиеся на него бедствия, но и требует перемен. Массы — жаждали прекращения кровопролитной империалистическое войны, крестьяне — решения земельного вопроса в свою пользу, рабочие — 8-часового рабочего дня, ликвидации города. Интеллигенция же не сделала для народа почти ничего и проболтала демократическую революцию.

Либералы обещали демократические реформы провести через Учредительное собрание — после победы в войне. Социалисты провели некоторые мелкие реформы, но коренные тоже откладывали до Учредительного собрания. И эсеры, и меньшевики настаивали на использовании жесткого государственного регулирования экономики для сосредоточения ресурсов на военные нужды и для более равномерного распределения продовольствия среди населения. Что им помешало? Политика соглашения с буржуазией, которая не позволила отнять у себя сверхприбыль, не подчинялась государству. Эсеры имели программу социализации земли, популярную среди общинного крестьянства, за счет крестьянского пополнения стали самой большой партией России, входили во Временное правительство, руководили крестьянскими Советами, но их аграрную программу осуществили... большевики в Декрете о земле.

Большинство интеллигентов ориентировалось на западный капиталистический путь развития России. Даже неонародническая интеллигенция, обосновывавшая до 1917 г. некапиталистический путь страны, имела идеалом западную парламентарную республику, тогда как массы желали — утвердить власть Советов, органов народного творчества, опиравшихся на общинные традиции русского народа. Правый эсер Б. Соколов, один из руководителем военной организации ЦК эсеров в 1917 г., вспоминал, что симпатии солдат определенно тяготели к Советам, которые были для них "институциями, близкими им и родными, напоминающими им их деревенские сходы. ...Как армейский комитет, который солдаты называли, "нашим Советом", так и столичные Советы казались им близкими, а деятельность их им понятной"[14].

Особенно резко расхождение народа и интеллигенции проявились в вопросе о войне. Почти вся буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция выступала за продолжение войны, хотя и по разным мотивам. Интеллигенты смогли вначале склонить массы на позицию революционного оборончества (защита свободной России от германского империа-

лизма), но во второй половине 1917 г. это настроение исчезло. К Октябрю из 9-миллионой армии дезертировало 2 миллиона солдат.

Вот почему в 1917 г. нарастало негативное отношение к буржуазии. Причем недоверие к ней развивали не только большевики, но и социалистические партии, организации христианского социализма, анархисты, в массах широко распространилось "антибуржуйское" настроение, слово "буржуй" стало ругательным. На уровне обыденного сознания народа "буржуями" были не только собственники, но и все зажиточные люди, то, кто ходил в шляпах, имел "господское обличье" и т.д. Назрел социокультурный конфликт между малообразованной и образованной частями общества и взаимное недоверие[15]. Интеллигенция, ощущая враждебность масс, заговорила о необходимости "гордой власти", причем буржуазные интеллигенты понимали под ней военную, а мелкобуржуазные — "демократическую" диктатуру.

Только небольшая часть интеллигенции, преимущественно из ее низших слоев, с самого начала приняла и поддержала Советскую власть. Интеллигенция видела в Октябрьской революции угрозу для культуры и существования различных интеллигентских профессиональных групп. А. Блок, развенчивая стенания интеллигенции о гибели России, писал в январе 1918 г.: "Что же вы думали? Что революция идиллия?... Что бескровно и так безболезненно и разрешится вековая распря между "образованными" и необразованными, между интеллигенцией и народом?"[16]

Разойдясь в отношении к революции с народными массами, интеллигенция, как верно отметил бывший кадет профессор Н. Гредескул в 1920 г., "вступила в гражданскую войну с Советской властью"[17]. И эта война выражалась не только участием в военных действиях, которые развернулись в полную силу только летом 1918 г. Интеллигенция начала подготовку войны с Советском властью с неприятия ее, со злобной критики начавшихся перемен, с саботажа нового государства, морально и политически поддерживала контрреволюцию, участвовала в создании контрреволюционных организаций. В саботаже принимали участие представители и низших слоев интеллигенции — мелкие чиновники, учителя во главе с Всероссийским учительским союзом. Несмотря на враждебное отношение интеллигенции, советское руководство с самого начала взяло курс на привлечение буржуазных специалистов в народное хозяйство, армию и т.д., но и вынуждено было жестко их контролировать.

Самый большой грех интеллигенции — ее ориентация в борьбе против народа на внешние силы — на иностранные государства и поддержка военной иностранной интервенции. Большинство буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции ориентировалось на страны Антанты. ЦК народных социалистов в марте, VIII совет правых эсеров и всероссийская конференция кадетов в мае 1918 г. выразили поддержку интервенции союзников, которая была необходима якобы для восстановления Восточного фронта в борьбе с Германией[18]. Часть монархистов, октябристов и кадетов ориентировалась на Германию. П.Н. Милюков, лидер кадетов, прибыл в мае 1918 г. в Киев уговаривать командование германских оккупационных войск на Украине вступить в войну с Советской Россией. Один из кадетов задал тогда ему вопрос: "Неужели вы думаете, что можно создать прочную государственность на силе вражеских штыков? Народ вам этого не простит". В ответ последовало: "Народ? Бывают моменты, когда с народом не приходится считаться"[19].

Профессор С.В. Устинкин пытается оправдать белогвардейцев: "Для демократически настроенных государственников-патриотов вопроса об интервенции не существовало... Для них, не признающих Брестского мира, убежденных сторонников продолжения войны с Германией борьба союзников с немцами и большевиками на территории России была не интервенцией, а просто войной"[20]. Но дело не только в Брестском мире, по отношению к которому большинство интеллигентов разошлись с большинством народа. Проф. Устинкин обходит классовые мотивы поведения белых, в том числе и интеллигентов. Классовая ненависть слепила им глаза. И. Бунин в своем дневнике характеризует настроение свое и людей своего круга: сожаление, что немцы не взяли Петроград в феврале 1918 г.; надежды на десант союзников на Дальнем Востоке и помощь японцев; готовность радоваться хоть дьяволу, который бы ворвался в Одессу и "буквально по горло ходил бы в их (большевиков. — *А.М.*) крови"[21]. Известны планы союзников расчленения и колонизации России, что еще сильнее подчеркивает национальную измену противников Советской власти. Под руководством союзников и при политической и моральной поддержке интеллигенции, о чем говорят материалы выходившей тогда буржуазной и мелкобуржуазной прессы, произошел и мятеж чехословацкого корпуса, после которого и развернулась большая Гражданская война в России.

В ходе Гражданской войны патриотически настроенная интеллигенция стада осознавать, что будущее Отечества и российского государства может обеспечить только победа Советов. Начался с осени 1918 г. пере-

ход интеллигентов на сторону Советской власти. Непримиримые оказались за границей. Часть интеллигенции вынуждена была служить советскому режиму, питая в думе злобу к нему и к своему народу. В целом драматический период отношений старой интеллигенции и народа, интеллигенции и правящей партии коммунистов продолжался до конца 30-х гг. Только в годы Великой Отечественном войны они слились в единый народ для защиты от фашистов общего Отечества.

Примечания

1. Алексеев П.Н. Революция и научная интеллигенция. М., 1987; Знаменский О.Л. Интеллигенция накануне великого Октября. Л., 1988, Лейкина-Свирская Ч.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. М., 1981; Ушаков А.В. Демократическая интеллигенция периода трех революций, в России. М., 1985; Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972; Его же. Партия и интеллигенция. М., 1983; и др.
2. Это, например, характерно для многих докладов на международной научной конференции "Гражданская война и культура". См.: Гражданская война и культура: Международная конференция 19-20 марта 1996 т. М., 1996.
3. Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 8; Федюкин С.А. Октябрьская революция и интеллигенция// История СССР. 1977. №. С. 69.
4. Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 1. С. 245.
5. Там же. Т. 4. С. 209.
6. Там же. Т. 9. С. 180.
7. Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 99.
8. Мстиславский С. Пять дней М., 1922.С. 32-33.
9. Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 26-26.
10. Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч. 1. Горький, 1961. С. 313.
11. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. М., 1992. С. 216.
12. Чураков Д. Партия большевиков в революционном обновлении общества // Диалог. 1998. № 12. С. 79.
13. Руднев В. Около земли // Отечественные записки. 1924. Кн. 18. С. 312.
14. Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Октябрьская революция: Мемуары. М.; Л., 1926. С. 332-333.
15. Колоницкий Б. Антибуржуазная пропаганда и "антибуржуйское" сознание // Отечественная история. 1994. № 1. С. 19-22.
16. Блок А. Россия и интеллигенция// Знамя труда. 1918. 19 января.
17. Гредескул Н. Интеллигенция на переломе // Известия ВЦИК. 1920. 12 июля
18. Известия трудовой народно-социалистической партии. 1918. № 1. С. 7 Постановления VIII совета партии социалистов-революционеров //Дело народа. 1918. 18 мая; Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром // Октябрь 1917 – 1920 гг./. М., 1982. С. 115.

19. Думова Н.Г. Указ. соч. С. 110.
20. Политическая история России. М., 1998. С. 444-445.
21. Бунин И. Окаянные дни. М., 1991. С. 21, 26, 46, 49, 56.

Д.О. Чураков

ЭЛИТАРИЗМ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И РАБОЧИЙ ВОПРОС. НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ К РАБОЧЕМУ КОНТРОЛЮ. 1917—1918 ГОДЫ

Проблема элитаризма русской интеллигенции имеет большой гносеологический интерес. В силу ее многоплановости и неоднозначности, она требует глубокой всесторонней разработки. Сегодня я затрону ее лишь частично — в контексте взаимоотношений между интеллигенцией и рабочим классом России в революции 1917 года, да и то лишь применительно к вопросу о причинах и характере критики со стороны политических партий лозунга рабочего контроля над производством. Представляется, что именно на примере отношения политической части интеллигенции к самостоятельному историческому творчеству рабочего класса можно наиболее наглядно увидеть тупиковость и бесперспективность занятой многими представителями интеллигенции позиции в период революционного обновления России в 1917—1918 годах.

Интеллигенция так же, как и рабочий класс, в качестве социальной группы появляется в российском обществе в результате шедшего в нем начиная с XIX века процесса социально-экономической модернизации. Поэтому между этими двум общественными группами было немало общего. Но и различия между ними существовали существенные. Если становление рабочего класса во многом доказывало влияние на Россию общемировых тенденций, то интеллигенция являлась явлением чисто российским и отражала специфику российского исторического развития. Другим важным отличием, интересующим нас в русле затронутой в данном исследовании проблемы, можно считать принадлежность интеллигенции к привилегированным слоям российского общества.

Будучи частью так называемой элиты, *если под элитой подразумевать не только господствующий класс и не только самые высшие слои общества, а всю совокупность социальных групп, живущих за счет большего или меньшего присвоения чужого труда*, интеллигенция во многом восприняла ее общую культуру и родовые признаки. Будучи,

как уже отмечено, сугубо русским явлением, интеллигенция, как и вся российская элита, была проникнута духом стихийного западничества и чувством собственного превосходства над прочими слоями общества. Это проявилось и в своеобразии революционности русской интеллигенции, густо замешанной на своеобразном мессианстве по отношению к "необразованным классам", будь то крестьянство или рабочий класс. Интеллигенция не готова была сотрудничать с ними в выработке общих политических установок, а старалась навязать свои. Эти общие тенденции и проявились в 1917 году, когда деятели самых различных партий самой разной окраски выступили с резкой критикой лозунга рабочего контроля, рожденного пролетариатом как мощное оружие борьбы за свои права.

Похоже, что уже сам факт возникновения лозунга рабочего контроля *в рабочей среде, а не в среде партийной интеллигенции* вызывал настороженность и неудовольствие среди ее представителей. Исследования последних лет, в том числе ведущиеся в рамках интеллигентоведения, показали, что на рубеже XIX—XX вв. интеллигенция составляла основную членскую базу большинства политических партий страны. Она претендовала на полное доминирование в выработке всех социальных и политических учений, идеологических систем и программ от ультраконсервативных до сверхреволюционных. Поэтому любое вмешательство в свои прерогативы интеллигенция, как особая корпорация, чье общественное значение зиждилось исключительно на монополии на интеллектуальную деятельность, воспринимала крайне болезненно и даже враждебно. Отсюда и вырастали первопричины критического отношения руководства большинства политических партий, как правило представителей интеллигенции, к рабочему контролю.

Среди других причин (впрочем, так или иначе связанных с первой) следует указать, что революционность интеллигенции имела ограниченность и несколько иного плана. Большинство ее представителей крайне настороженно относились к проявлением "заскорузлости", "серости" народных масс. При этом очень часто "отрицательные" качества, присущие массам, представляли собой не что иное, как традиции и устои, присущие русским как особой нации, определялись национальной самобытностью русских. Интеллигенция, в своем радикальном западничестве, с таким положением дел мириться не могла. В этом смысле рабочий контроль так же не мог не внушать опасения с точки зрения элитаристских настроений в определенных кругах политической части интеллигенции.

Критическое настроение интеллигенции по отношению к рабочему контролю диктовалось историческими условиями русской революции 1917 года. Функции рабочего контроля в ходе ее развития очень скоро сконцентрировались в руках фабзавкомов. Фабзавкомы, которые могут по праву считаться детищем 1917 года, не были похожи на органы самоорганизации рабочего класса, которые до того времени существовали в Западной Европе. В своей деятельности они вобрали очень многое, что было присуще общинным и артельным традициям трудовой демократии и коллективизма, веками жившим в русском народе. Можно даже сказать, что в тот период *фабзавкомы становятся модифицированной, адаптированной к урбанистической среде организационной формой, в которой происходит воплощение многовекового общинно-артельного идеала.* Это, а так же подлинная революционность фабзавкомов сразу же становится мишенью критики со стороны многих представителей интеллигенции, даже состоящих в социалистических партиях.

Альтернативой рабочему контролю радикальная интеллигенция выдвигала контроль государственный. Здесь элитаризм интеллигенции тесно смыкался с ее этатизмом,его происхождение следует искать в тех процессах, которые в начале XX века определяли развитие национальной экономики не только России, но и других империалистических стран. Речь вдет о тенденции ко все более большему вмешательству со стороны государства в экономику, а так же все прочие сферы жизни общества. В России, как известно, эти тенденции имели еще и глубокие исторические корни. Но особое усиление этатистских тенденций было вызвано вступлением человечества в эпоху империализма, когда даже буржуазная демократия перестает удовлетворять потребности финансовой олигархии. Усиление государства и его диктат над обществом находил своих сторонников и идеологов. С идеологических этатистских тенденций начала века выступила, естественно, интеллигенция.

Открыто или косвенно эти идеи приветствовали экономисты Б. Авилов, Н. Астров, Л. Кофенгауз, Г. Полонский, А. Соколов, такие представители торгово-промышленных кругов и связанных с ними партий, как В. А. Степанов, А. И. Коновалов и многие другие. После февраля ситуация только усугубилась. Осознанно или нет этатистские тенденции вмешательства государства в саморегуляцию общества поддерживали в тот период практически все реальные политические силы, вовлеченные в борьбу за власть: от Керенского до Корнилова, различаясь лишь в аргументации необходимости подобных мер.

На подобных позициях стояли и партии, взявшиеся действовать от имени пролетариата. С ультрарадикальной программой соответствующих реформ выступили экономисты Петроградского совета — меньшевики П. Гарви, Ф. Череванин, Б. Богданов. Эсеры, хотя их внимание было больше приковано к вопросам земельной реформы, так же разделяли общие для интеллигенции настроения. Пожалуй, именно эсерам принадлежит первенство в проведении резолюции, содержащей положения в поддержку огосударствления рабочих организаций на форуме одной из пролетарских организаций еще в середине 1917 года. Чернов, уже будучи за границей, посвятил немало страниц своего фундаментального обобщающего труда "Конструктивный социализм" критике фабзавкомов, рабочего контроля и "отсталости" русского рабочего класса. Свои аргументы он, не стесняясь, брал у различных представителей российской социал-демократии, с которыми боролся по многим другим вопросам революции.

Анархисты, выступая за *отмену* государства, его *разрушение* как такового, вроде бы должны были быть последовательными противниками государственного контроля и сторонниками контроля рабочего. На деле ситуация и в рядах анархистов складывалась не так однозначно. Во-первых, отдельные группы анархистов выдвигали идею общественного контроля, которая на практике не могла реально отличаться от контроля государственного. Во-вторых, отдельные группы анархистов полагали необходимым сохранить рыночные механизмы, в том числе через развитие кооперации. Но существование рынка уже само по себе подразумевает существование государства и вопроса о его взаимоотношениях с общественными организациями, в том числе с общественными организациями пролетариата. Наконец, в-третьих, последовательные анархисты, настаивающие на тотальной ликвидации государства, выступали за создание таких условий, в которых бы рабочий контроль не смог продержаться сколько-нибудь длительное время. Не случайно на территориях, подконтрольных Махно, рабочий вопрос существенно осложнял жизнь анархистам.

Непросто решался вопрос с рабочим контролем даже внутри большевистской партии. В ее рядах было немало представителей российской радикальной интеллигенции, разделявшей все предубеждения и заблуждения, свойственные их социальной группе. Поэтому очень часто получалось так, что произнося лозунг рабочего контроля рабочий с Урала или Москвы вкладывал в это понятие совершенно другой смысл, чем тот или иной высокопоставленный большевик из партийного, хозяйственного или государственного аппарата. Об этом писали уже современники, в частности Н. Осинский и С. Лозовский, полагавшие, что после прихода к власти партии пора определиться с тем, что конкретно содержится в требовании рабочего контроля.

Неоднозначное толкование рабочего контроля и рабочего самоуправления стало причиной, по которой на II съезде Советов вместе с декретами о Мире и о Земле не было принято декрета о рабочем контроле. Позже, уже при подготовке положения о рабочем контроле от 14 ноября 1917 года разгорелась сложная и принципиальная борьба между сторонниками рабочего контроля и теми, кто отдавал предпочтение контролю государственному. Наиболее последовательными антагонистами рабочего контроля и самоуправления в его различных аспектах выступали такие деятели, как Ю. Ларин, Рязанов, Лозовский — многие из них прежде принадлежали к группировавшимся вокруг Л. Троцкого межрайонцам, вступившим в большевистскую партию только накануне Октября. Но среди противников рабочей самодеятельности было немало и старых большевиков, по своему партстажу немногим уступавших Ленину. Однако в Октябре 1917 г. в большевистской партии возобладала именно ленинская оценка инициативы низов. Именно эта позиция обеспечила партии поддержку рабочих.

Другие же партии и после прихода большевиков к власти не смогли пересмотреть своего отношения к рабочему контролю. Наоборот, со временем их критика в его адрес только возрастала. Теперь именно рабочий контроль обвиняли в росте социальной напряженности в городах, в падении производства и других проблемах. Во многом крах меньшевиков и союзных с ними правых эсеров был вызван таким пренебрежительным, ошибочным отношением к самоорганизации масс, которая нашла свое воплощение в рабочем контроле. Лидеры этих партий, принадлежащие к слою радикальной революционной интеллигенции, не смогли распрощаться со свойственными ему элитаристскими взглядами, что непроходимой стеной отделило их от рабочего класса, пробудившегося к самостоятельному историческому творчеству и требовавшего уважительного отношения к своей позиции.

В конечном итоге элитаристские взгляды интеллигенции, лежавшие в основе идеологии большинства политических партий периода революции, стали одной из важнейших причин, по которым эти партии проиграли исторический спор с большевизмом. Большевики же, в рядах которых прослойка интеллигенции так же была крайне сильна и активна, сумели, несмотря ни на что, обобщить в своей идеологии, а главное

в своей практике позицию, присущую не только интеллигенции, но и другим социальным слоям тогдашнего российского общества — в первую очередь рабочему классу. Это, а не голословные заверения, столь знакомые по документам кадетов, эсеров и других партий, делало большевизм общенациональной силой. Только такая организация и могла в условиях разрухи и полной дезинтеграции общества, войны всех против всех стать консолидирующей силой нации, вывести ее из исторического тупика и хаоса Гражданской войны на путь мирного прогрессивного развития.

В.П. Сапон

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ: ПОИСК ИДЕАЛОВ

Интеллигенция с давних пор играет особую, системообразующую роль в российском обществе, поэтому разрывы исторической традиции в нашей стране закономерно вызывали огонь ожесточенной критики в сторону "мыслящего сословия". Прошло несколько лет после первой русской революции, и появляется философский сборник "Вехи", вскоре после событий 1917 г. выходит в свет книга "Из глубины". Наше время внесло свой весомый вклад в разработку этой темы. В итоге мы имеем целый набор концепций, призванных объяснить причины социальных катаклизмов в развитии России в связи с исторической ролью интеллигенции. Приведем лишь некоторые мнения. П.Б. Струве, например, видел истоки революции в "безрелигиозном отщепенстве от государства русской интеллигенции"[1]. Своеобразное интеллигентское мироощущение формировалось в условиях самодержавного царского режима, который опирался на творческую силу образованного класса, но систематически отказывал ему в реальном участии в делах государственного управления и тем самым взрастил своего собственного могильщика[2]. Другой исследователь, В.Н. Муравьев, выводил идейные грехи нашей интеллигенции из общеевропейских культурных установок новейшего периода, основанных на абсолютизации абстрактного мышления, на "умственности в худшем ее виде". По его мнению, русское интеллигентское миросозерцание не только вобрало в себя все основные течения европейской мысли, но и довело их до крайних теоретических пределов. Далекая от социально-политической практики, зараженная максималистскими заблуждениями, интеллигенция обманула и народ, "дав, как пищу его великолепному порыву, ложные и бессмысленные идеи"[3]. В итоге вместо обновления мира был рожден "страшный выкидыш" — революция, и виновно в этом "интеллигентское миросозерцание, создавшее революцию, виновна западная современная культура, создавшая интеллигентское миросозерцание"[4]. Если аналитики начала века рассматривали революционную миссию интеллигенции на духовно-теоретическом уровне, то современные авторы избирают, как правило, более "прикладные" точки зрения. И. Кон, в частности, уделяет первостепенное внимание "неприятию и нереализованности собственных сексуально-эротических влечений тех, кто стоял у истоков идеи социального освобождения в России"[5]. По его схеме, "подозрительно-настороженное отношение к сексуальности" радикалы-шестидесятники получили в наследство от православных идеологов и, в свою очередь, передали "инфекцию" своим последователям-народовольцам. Именно в 1870-е годы психосексуальные трудности революционных бунтарей сублимировались в соответствующую идеологию, последствия которой "российское общество расхлебывает не одно десятилетие"[6].

О. Платонов в своем исследовании "Масонский заговор в России (1731–1995 гг.)" выдвигает конспирологическую концепцию Русской Революции. По его сведениям, "все видающиеся российские революционеры либо сами принадлежали к масонству, либо были тесно связаны с ним. Так, два главных "классика" российской революционности, Бакунин и Кропоткин, состояли в масонских ложах… И как свидетельствует факты, российское революционное движение инициировалось и формировалось на основе космополитической антирусской идеологии"[7]. Данную гипотезу органично дополняет "этническая" концепция, подчеркивающая приоритетную роль тех или иных народностей в российском революционном движении. "Бросается в глаза, — пишет И. Шафаревич в своей знаменитой "Русофобии", — особенно большая концентрация еврейских имен в самые болезненные моменты среди руководителей и исполнителей акций, которые особенно резко перекраивали жизнь, способствовали разрыву истерических традиций, разрушению исторических корней"[8]. (Впрочем, в другом месте ученый отзывается о мысли, что "революцию делали одни евреи" как о бессмыслице, выдуманной, вероятно, лишь затем, чтобы ее было проще опровергнуть[9].) Оригинальные гипотезы, получившие широкое распространение на почве идейного плюрализма последнего десятилетия, дают обильную информацию к размышлению. Однако современные исследователи, в

отличие от своих предшественников начала века, упускают из вида очень важный момент — духовно-творческую идею, логическую интернациональность нашей интеллигенции, которая только в этом качестве и может рассматриваться как уникальный социально-исторический феномен.

Роль "мыслящего пролетариата" в русской культуре обозначится более объемно, если принять во внимание, что Россия сложилась и обрела силу на мировой арене как **идеократическая**[10] держава, в отличие от западноевропейских государств, которые развились в направлении к **номократии** — власти закона. Если на Западе шла упорная борьба за индивидуальные права, за формальное равенство всех перед буквой закона, то в России социальные чаяния простирались намного дальше - к осуществлению Божьего царства, общества высшей правды и справедливости. Олицетворением идеократии являлся царь, Богом помазанный на власть, подкрепляемый авторитетом православной церкви. До тех пор, пока власть светская и духовная добросовестно исполняла свое предназначение, она могла рассчитывать на неисчерпаемые резервы народного долготерпения и трудолюбия. Однако когда идеократическое равновесие по разным причинам нарушалось, из коллективного подсознания русского народа вырывался на волю "бессмысленный и беспощадный" бунтарский дух, который обуздывался с большим трудом, как это случилось в эпоху Смуты. Сильный удар идеократическому единству русского общества нанесли никонианские реформы и последовавший затем церковный раскол. "В ходе этих реформ, — пишет духовный публицист, — церковь как политическая сила и нравственный авторитет была устранена и не могла сопротивляться ни конфискации своих владений, ни прогрессирующему разврату верхов, ни установлению в стране рабовладельческого строя, ни засилью иноземцев и иноверцев на всех уровнях власти"[11]. Постепенно церковь теряет свою суверенность и после упразднения патриаршества в 1700 г. превращается в деталь государственно-бюрократического механизма. "Но когда мирской начальник стал управлять каноническими структурами, духовное предназначение церкви отступило на второй план, стало подменяться внешними, государственными интересами, — справедливо отмечает протоиерей В. Пелосин[12]. Самовластнее государство между тем, поддавшись соблазну европейского цивилизаторства, напрочь отбрасывает традиционные духовные ориентиры и принимается модернизировать Россию в духе бюрократизации общественной жизни и "онемечивания" быта. Облик царя-императора теряет в глазах народа ореол богоизбранности, не

укрепили авторитет монаршей власти и многочисленные дворцовые перевороты XVIII – начала XIX вв. Государство и Церковь пытаются усилить свои позиции в идеологической сфере под лозунгом "самодержавия, православия, народности", однако идеократическая харизма этих институтов навсегда потеряла былую мощь. Сначала это сказалось на настроениях дворянства, затем духовное "отщепенство" расходится широкими кругами в разночинской среде.

Интеллигенция, подвергая критике церковно-государственный симбиоз царской России, пытается выработать новые идеологемы, призванные вывести обществе из духовного кризиса. Западники, уверовавшие в универсальность западных социокультурных ценностей, выдвигают идею создания правового государства на русской почве и его приобщения к общеевропейской цивилизации. Славянофилы, отрицательно оценивая "искус и соблазн европеизма", определяют "задачу нашей внутренней истории" как "просветление народного общинного начала началом общинным церковным"[13]. Задача обновления идеократической парадигмы осознавалась и теоретиками социально-революционного течения. Так, В.В. Берви-Флеровский пришел к убеждению, что "успех можно будет обеспечить только одним путем — созданием новой религии... Я стремился создать религию равенства!.. Если бы можно было эту самую молодежь превратить в апостолов такой религии! Если бы убывающие их ряды пополнялись все новыми верующими, которые, подобно первым христианам, горели бы возрастающим энтузиазмом, тогда успех дела был бы обеспечен"[14]. Проповедуя радикальный нигилизм в отношении Церкви как огосударствленной и обюрократившейся иерархии, социалисты-революционеры поднимают на щит принципы первоначального христианства. В статье "Старый мир и Россия" (1854) А.И. Герцен утверждал, что "социализм — это религия человека, религия земная, безнебесная, общество без правительства, свершение христианства и осуществление революций"[15]. В другой работе он подчеркивает, что "социализм соответствует назарейскому учению в Римской империи"[16]. О праве социально-революционного движения на духовное наследие Христа решительно заявляет В.А. Энгельсон в статье "Что такое государство?", анонимно опубликованной в 1-й книжке "Полярной Звезды" (1855). Молодой соратник Герцена, опираясь на цитаты из Евангелия, характеризует Сына Человеческого как непримиримого врага государственной власти и частной собственности, поборника всеобщего равенства и братства, идеи которого были искажены его последователями и превращены "господствующими сословиями" "в оплот своей

власти"[17]. На долгие времена подлинный смысл Евангелия был утрачен, однако если вникнуть в дух современных социалистических теорий, убеждает Энгельсен, "нельзя не увидеть, что действительно мы теперь разрабатываем то самое учение, которое древние начинали усматривать по указанию Христа"[18].

Сходные мысли высказывает и Н.В. Соколов в брошюре "Социальная революция" (1868), опубликованной в Берне на немецком языке. Бывший офицер генерального штаба, ставший по убеждениям "евангельским нигилистом", подвергает резкой критике религиозный официоз и "поповскую церковь, это отвратительное порождение подлости и низости, церковь, которая одурманивает и грабит народ"[19]. В соколовский интерпретации христианство предстает идейным предтечей революционного социализма и анархизма, поскольку "Иисус был не только коммунист, не также и анархист, потому что он не имел и понятия о гражданском управлении", "учение Иисуса уничтожает государство со всеми учреждениями и законами"[20]. Большим спросом в "подпольной России" пользовалась книга "Отщепенцы" (1866), написанная Соколовым в соавторстве с В. Зайцевым. Отщепенцы — это "непрактичные люди", в которых живет вечная бессмертная идея, и которые продолжают протест во имя свободы, равенства и братства против насилия и лихоимства"[21]. К отщепенцам авторы причисляют римских стоиков и первых христиан, Иисуса Христа и Иоанна Златоуста, Томаса Мюнцера и Томаса Мора. Современные социалисты, "апостолы XIX века", развивают духовные традиции исторического отщепенства — таков вывод книги.

Именно так и воспринимали свою миссию многие участники народнического движения 1870-х годов. Как показал на следствии Н. Теплев, член "Кружка артиллеристов" (организован в 1873 г. в Санкт-Петербурге бывшими воспитанниками Михайловского артиллерийского училища), он считал "революцию исторической необходимостью, могущей произвести переворот в строе государства", подтверждение чему он находил в текстах Священного Писания[22]. Участник другого петербургского кружка признавался в письме, что "хотя высказываемые им мысли и вычитаны из сочинений Бакунина, но они вошли в его плоть и кровь и, следовательно, сделались его собственными, и что коммунизм, проповедуемый Бакуниным, не выдуман, а есть идея Иисуса Христа[23]. Парадоксально, но факт: атеистический бакунизм вполне органично сочетался в ее знании радикальной молодежи с христианскими идеалами. "Я видел не раз,— вспоминал землеволец О. Аптекман, — как молодежь,

отправлявшаяся уже в народ, читала Евангелие и горько рыдала над ним. Что она искала в Евангелии? Какие струны души были так задеты "благой вестью"[24].

Окончательная победа воинствующего материализма в идеологии русской революции была обусловлена, как заметил Н.А. Бердяев, не только типологическими особенностями радикального сознания, но и "историческими грехами православия, которое не выполняло своей миссии преображения жизни, поддерживая строй, основанный на неправде и гнете[25]. Проповедники социальной революции подхватили идеократическую инициативу из слабеющих рук официальной духовной иерархии и в конечном итоге сумели увлечь своими замыслами широкие слои российского общества. Социал-коммунистические идеи, воспринятые оппозиционной интеллигенцией из западных источников, слились с глубинными святорусскими идеалами "необразованных классов" и на многие десятилетия стали идеологической основой русской цивилизации.

Примечания

1. Вехи. Из глубины. М., 1997. С. 157.
2. Там же. С. 462.
3. Там же. С. 415.
4. Там же. С.414, 415.
5. Родина. 1997. № 1. С. 79.
6. Там же.
7. Наш современник. 1995. № 6. С. 113
8. Шафаревич И. Есть ли у России будущее? М., 1991. С. 456. Современный еврейский публицист В. Топоров, подразумевая 1927 год, пишет: "Мелкобуржуазная масса местечкового еврейства образовала главный кадровый резерв социально-пролетарской по самоназванию и целеположению — революции!" Завтра. 1999. № 33. С. 7.
9. Шафаревич И. Указ. соч. С. 454. Разбор этого вопроса см. также в книге В. Кожинова "Черносотенцы" и Революция", глава "Истинная причина травли "черносотенцев"
10. В. Кожинов подразумевает под идеократией власть православных идей. По его убеждению, Россия получила это идеологическое наследие от Византии.(В. Кожинов. "Черносотенцы" и Революция". М., 1998. С. 192, 197.) В. Толстых расшифровывает идеократичность как доминирование духовного, идейного начала над материальным и прагматическим. Данное качество, считает исследователь, является одним из компонентов "русской идеи", наряду с коммунальностью общинного (артельного) типа и своеобразным ин-

тернационализмом, который Ф. Достоевский назвал "всемирной отзывчивостью."(Родина. 1997. № 8. С. 19.)
11. Завтра. № 24, 1999.С. 5.
12. Наука и религия. М. № 1, 1992. С. 3.
13. Бенедиктов Н.А. С.Н. Пушкин и др. Философия истории в России – XIX век. Н. Новгород, 1994. С. 42.
14. Кузнецов Ф.Ф. Публицисты 1880-х годов: Круг "Русского слова." М., 1981. С. 278
15. Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 12. М., 1957. С. 168.
16. Там же. Т. 6. М., 1955. С. 78.
17. Полярная Звезда на 1855 год, М., 1966. С. 26-29.
18. Там же. С. 35.
19. Кузнецов Ф.Ф. Указ. соч. С. 28. Подобным образом высказывались не только политические радикалы. В частности, А.С. Хомяков писал, что призывы церкви "смиренно ждать милостей божьих" во многом объясняются позицией правительства, которое хорошо понимает "практическую выгоду религии...в особенности по отношению к низшим слоям народа". Бенедиктов Н.А. С.Н. Пушкин и др. Укач. соч. С. 36.
20. Кузнецов Ф.Ф. Указ. соч. С. 281.
21. Соколов Н.В. Отщепенцы. СПб., 1866. С. 146-147.
22. Процесс 193-х. М., 1906. С. 40.
23. Там же. С. 44.
24. Кузнецов Ф.Ф. Указ. соч. С. 277.
25. О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 262.

В.К. Романовский

МАНИФЕСТ О НАЦИОНАЛЬНОМ ПРИМИРЕНИИ. СБОРНИК СТАТЕЙ "СМЕНА ВЕХ"

После Гражданской войны противоречия между "белой" и "красной" Россией оставались непреодолимыми. Большевистская власть, одержав победу, исключала возможность какого-либо сотрудничества с побежденным "классовым врагом". Эмигрантская политическая элита, разрабатывая стратегические планы борьбы с Советами, также отвергала вероятность компромисса с большевиками. В то же время Россия, переживавшая один из тяжелых периодов в своей истории, нуждалась в общенациональном примирении и согласии.

В этих условиях с инициативой по преодолению раскола русской нации после длительного гражданского противостояния выступили

представители российской интеллигенции, находившиеся в эмиграции. В июле 1921 г. в Праге вышел сборник статей "Смена вех", в котором провозглашалась идея примирения "белой" и "красной" России во имя восстановления ее былой государственной мощи и национального величия. У сборника сложилась непростая судьба. В русской эмиграции он был встречен резкой критикой и даже враждебно (за его "предательскую" позицию). В советской России вначале его приняли с нескрываемым одобрением ("классовые враги" признали Октябрьскую революцию), перепечатали 10-тысячными тиражами в Твери и Смоленске. Но со временем он оказался в числе идеологически "чуждых" изданий и надолго был спрятан в спецхраны. В советской историографии сменовеховство (идейно-патриотическое течение, возникшее в кругах российской интеллигенции и получившее данное название после выхода сборника "Смена вех") традиционно характеризовалось с классовых позиций как разновидность буржуазной идеологии, направленной на воплощение в жизнь "реакционных планов буржуазного реставраторства" в стране[1]. За последнее десятилетие мало что изменилось. Пражский сборник до сих пор не переиздан[2]. Остается малоизвестным общественности (в отличие, например, от сборника "Вехи"). Оценивается в современных публикациях негативно[3].

Между тем материалы сборника дают возможность проанализировать масштабы, глубину и причины перелома идейных и политических воззрений целого слоя русской интеллигенции после Гражданской войны. Проследить известные традиции русской общественной мысли начала XX века, преемственность с ранее вышедшими сборниками "Вехи" (1909), "Из глубины" (1918). Наконец, показать миротворческий потенциал русской интеллигенции, способность и готовность ее в исключительно сложные периоды отечественной истории руководствоваться не личными, групповыми, узкопартийными установками, а государственными, общенациональными интересами. Именно на последнем аспекте остановимся более подробно.

Авторами пражского сборника статей "Смена вех" были профессора-эмигранты Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов, С.С. Лукьянов, А.В. Бобрищев-Пушкин, С.С. Чахотин и Ю.Н. Потехин. Все они принадлежали к правому (кадетско-октябрьскому) лагерю. Принимали активное участие (кроме С.С. Лукьянова) в Гражданской войне против большевистской власти. После поражения белых армий эмигрировали за границу. Устрялов проживал в дальневосточном зарубежье (Харбин), остальные участники сборника — в белоэмигрантской Европе (Париж, Прага, Бел-

град). Что же заставило людей, принадлежавших к антибольшевистскому лагерю, обратиться к интеллигентской России с призывом "сменить вехи", т.е. принять Октябрьскую революцию, отказаться от вооруженной борьбы с большевизмом, признать советскую власть, пойти на примирение и сотрудничество с ней? Авторы сборника достаточно подробно мотивируют свою позицию.

Во-первых, это признание того, что Октябрьская революция не "чистая случайность", не "переворот", организованный "кучкой экстремистов", а "великая русская революция", национальная по своему характеру, обусловленная всем ходом исторического развития страны ("все вело в России к революции и к большевизму"[4]). В таком случае, обращался к русской интеллигенции Ю. Ключников в своей программной статье "Смена вех", "вам нужно понять, что революция совершилась, и вам нужно принять революцию"[5]. "Какое глубочайшее недоразумение, — восклицал Н. Устрялов в статье "Patriotica", — считать русскую революцию не национальной!... Разве не началась она, революция наша, и не развивалась через типичнейший бунт, "бессмысленный и беспощадный", с первого взгляда, но всегда таящий в себе какие-то нравственные глубины, какую-то своеобразную "правду". Затем, разве в ней нет причудливо преломленного и осложненного духа славянофильства? Разве в ней мало от Белинского? От чаадаевского пессимизма? От печоринской (чисто русской) "патриофобии"? От герценовского революционного романтизма? ("мы опередили Европу потому, что отстали от нее"). А писаревский утилитаризм? А Чернышевский? А якобинизм ткачевского "Набата" (апология "инициативного меньшинства")? Наконец, разве на каждом шагу в ней не чувствуется Достоевский, достоевщина — от Петруши Верховенского до Алеши Карамазова? Или, быть может, оба они — не русские? А марксизм 90-х годов, руководимый теми, кого мы считаем теперь носителями подлинно русской идеи — Булгаковым, Бердяевым, Струве? А Горький? А "соловьевцы" — Андрей Белый и Александр Блок?..."[6]

Во-вторых, это осознание бессмысленности вооруженного противостояния, которое привело к огромным людским потерям, разрушению национального богатства, озлоблению и ожесточенности в обществе, к поражению белого движения. "Гражданская война окончательно проиграна, — писал А. Бобрищев-Пушкин в статье "Новая вера", — Россия давно уже идет своим, не нашим путем. Или признайте эту ненавистную вам Россию, или оставайтесь без России, потому что "третьей России" по вашим рецептам нет и не будет"[7]. С учетом этого новые планы по

свержению большевизма кажутся участникам сборника иллюзорными, проявлением "страусовой политики" хотя бы потому, что народ считает Советскую власть "родной"[8]. С. Лукьянов в статье "Революция и власть" отмечает, что большевики, в отличие от либералов, имеют в стране мощную социальную базу и это уже дает гарантии "от всяких попыток реставрации, с какой бы настойчивостью они ни проводились"[9].

В-третьих, это понимание того, что большевистская власть — единственная политическая сила, которая реально управляет страной. Она преодолела анархию, установила порядок, создала сильную армию, делает "национальное дело", собирая русские земли, укрепляя государственность и международный авторитет страны[10].

В четвертых, это глубокое разочарование в белой идее, в антибольшевистском движении: за внутреннюю политику белых вождей на захваченных территориях (насилие, террор, стремление восстановить старые порядки), за антипатриотическую позицию белых генералов (во время русско-польской войны Врангель не отказался от внутреннего междуусобия, а, напротив, ударил в тыл защищавшей русскую землю Красной армии), за их близорукую политику в отношении "союзников", которые под предлогом "военной помощи против большевиков", занимались грабежом в России ("все вывозили, все брали") и т. д.[11]

В пятых, это глубокие и сильные патриотические чувства сменовеховцев, их огромный интерес к настоящему и будущему своей страны, боль за жесточайший кризис, который переживает отечество, огромное желание видеть его богатым и процветающим ("Россия должна быть великой державой и великим государством"). Отойти в сторону в столь трудный для страны час они считали преступлением перед родиной[12]. "Веления патриотизма, — писал позже Ю. Потехин, — были и остаются тем категорическим императивом, который привел нас из белого лагеря в Красную Москву"[13].

Указанные факторы оказались для инициаторов пражского сборника достаточным основанием, чтобы призвать русскую интеллигенцию "сменить вехи". В статье "В Каноссу", принадлежащей С. Чахотину, делается довольно откровенное признание: "Мы честно боролись до сих пор, так как считали ,что это наш долг. События нам показали, что мы ошибались, что путь наш лежал в неверном направлении. И, сознав это, увидя чего требуют от нас интересы родины, мы готовы признаться в своей ошибке и изменить дорогу... Мы идем в Каноссу[14], т.е. признаем, что проиграли игру, что шли неверным путем, что поступки и расчеты наши были ошибочными[15]".

Призыв к "смене вех" тем не менее не означал, что сменовеховцы безоговорочно приняли коммунистическую доктрину, стали идейными союзниками большевиков, в чем их обвиняла русская политическая эмиграция. "Станем ли мы сами от того большевиками или коммунистами, как думают некоторые? — писал С. Чахотин. — Конечно, нет. Коммунизм как практическая доктрина в современной обстановке попрежнему остается для нас утопией, что и раньше, но он может и должен измениться, если хочет так или иначе войти в реальную жизнь, и во многом мы, интеллигенция, можем способствовать этому процессу". Еще раньше в своей книге "В борьбе за Россию" Устрялов совершенно определенно заявил, что восстановление мира с большевистской Россией "не означает безусловного принятия большевизма или полного примирения с ним. Должны лишь измениться методы его преодоления. Его не удалось победить силою оружия в гражданской борьбе — он будет эволюционно изживать себя в атмосфере гражданского мира..."[17] Авторы сборника огромные надежды возлагали, как им казалось, на начавшийся эволюционный процесс, который затронул и революцию ("революция уже не та", "революция эволюционирует", "начинается "спуск на тормозах" от великой утопии к трезвому учету обновленной действительности") и большевистскую власть (постепенный отказ от утопических идеалов, принятие ряд конкретных мер по раскрепощению производительных сил страны, некоторые коррективы в судебной практике и т. д.)[18].

Какую же программу действий предлагали авторы пражского сборника той части русской интеллигенции, которая решила "сменить вехи"? Стратегическая линия заключалась, конечно, во всяческой поддержке национального курса советской власти, стимулировании того эволюционного процесса ("термидорианского сдвига", по выражению Устрялова), который, по мнению сменовеховских авторов, обозначился в России. Более конкретные задачи для тех, кто решил "идти в Каноссу", сформулированы С. Чахотиным. "Первая задача — всеми силами способствовать просвещению народных масс, поддерживать всеми способами все, что новая Россия предпринимает в этом отношении... Здесь перед нами гигантское, плодотворнейшее, благороднейшее поле для работы... Второй важнейшей задачей должно быть самое активное участие в экономическом восстановлении нашей родины. Для этого необходимо напряжение во всех областях производства, в котором интеллигенция может быть причастна... Она своим примером должна идти впереди остальных масс населения. Надо привить вновь любовь к работе..."

Но для этого, считает Чахотин, одних усилий интеллигенции мало. Необходимо широко применять новые принципы организации труда и производства, используемые в Германии и США. А для ускорения процесса экономического "американизирования" России, отмечает он, "нам кажется очень важным и желательным, чтобы как можно больше русских молодых людей было отправлено на выучку, для ознакомления с этими методами в Америку и Германию, с гарантией использования их знаний по возвращении"[19].

Задачи по обустройству отечества, естественно, предполагали возвращение лояльно настроенной к Советам эмигрантской интеллигенции в Россию. Ю. Потехин в своей статье "Физика и метафизика русской революции" писал, что изменившаяся жизнь открывает "широкие ворота для практической работы на пользу России" и в этих условиях объединяющим эмиграцию должен быть лозунг: "На работу! Домой! На родину!"[20]. Выход в свет пражского сборника стимулировал процесс возвращения соотечественников в родные края.

Какую Россию хотели видеть в будущем инициаторы сменовеховского движения? На страницах сборника ее контуры весьма противоречивы. Эта проблема вскоре станет предметом широких дискуссий, в ходе которых возникнут серьезные расхождения в сменовеховском течении.

Но несмотря на эти расхождения участники пражского сборника и их сторонники являясь горячими патриотами своей страны, остро ощущая свою причастность к ее судьбе, были едины в понимании того, что Россия должна преодолеть кризис, восстановить и приумножить свою мощь, стать великой, сильной и процветающей державой, заняв достойное место в сообществе ведущих стран мира. Именно на это были направлены миротворческие усилия авторов сменовеховского сборника, выступивших с идеей национального примирения в России, которая продолжает быть актуальна и в наше время.

Примечания

1. Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. М, 1960. С. 97; Мухачев Ю.В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С. 189 и др.
2. Сборник статей "Смена вех" опубликован лишь в журнальном варианте (См.: Литературное обозрение. 1991. № 7. С. 63-112.
3. Геллер М., Некрич А. История России. 1917-1995. В 4-х тт. Т. 1. М., 1996. С. 132-138.; Исаев И. Потерянные вехи, или Философия факта // Литературное обозрение. 1991. № 7. С. 57-62.

4. Смена вех: Сборник статей. Прага, 1921 // Литературное обозрение. 1991. № 7. С. 73, 74, 84, 105, 107, 109 (Далее сноски по указанному изданию).
5. Указ. соч. С. 72.
6. Указ. соч. С. 76.
7. Указ. соч. С. 86.
8. Указ. соч. С. 86, 96, 97, 101.
9. Указ. соч. С. 81-86.
10. Указ. соч. С. 77, 86, 89, 98, 99, 105, 106, 109.
11. Указ. соч. С. 88, 94, 99, 103.
12. Указ. соч. С. 77, 104, 111.
13. Потехин Ю. Русский Интернационал // Накануне. 1923. 28 июня.
14. Происхождение этого выражения таково: Генрих V, германский император (1056–1106), проиграв борьбу с папой Григорием VII, зимой 1077 года пошел пешком в Каноссу (замок в северной Италии), где находился в то время папа, чтобы испросить прощения.
15. Смена вех: Сборник статей. Прага, 1921 // Литературное обозрение. 1991. № 7. С. 105.
16. Указ.соч. С.105.
17. Устрялов В.Н. В борьбе за Россию. Харбин, 1920. С. 62-63.
18. Смена вех: Сборник статей. Прага, 1921 // Литературное обозрение. 1991. № 7.С. 78-81, 85, 92, 97, 110.
19. Указ. соч. С. 106.
20. Указ.соч. С. 108.

Н.Я. Артамонова

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1918-1928 ГГ.)

Проблема подготовки учительской интеллигенции у народов Восточной Сибири не является новой в отечественном интеллигентоведении. Приоритет в ее разработке принадлежит ученым национальных районов Сибири. В разное время вопросами формирования и развития этого профессионального отряда интеллигенции занимались исследователи Бурятии, Тувы, Хакасии и Якутии[1].

Эта тема и по сей день не утратила своей актуальности и значимости, о чем свидетельствует выход в 1998 г. монографии иркутского исследователя В.Н. Казарина[2]. Одна из глав его работы посвящена становлению системы общеобразовательной и средней специальной школы, формированию учительской интеллигенции в Восточной Сибири. Автор исследует производственные условия и материально-бытовое положение учительства, морально-психологическую атмосферу педагогических коллективов, кадровый потенциал, профессиональную деятельность и другие малоизученные вопросы.

Подготовка учительской интеллигенции началась в первые месяцы существования советской власти. Одним из важных мероприятий в области культурного строительства было создание советской системы народного образования, основными компонентами которой являлись общеобразовательная школа и педагогические кадры. 26 июня 1918 г. Совет народных комиссаров РСФСР издал декрет "Об организации дела народного образования", на основании которого были приняты Наркомпросом "Положение о единой трудовой школе РСФСР" и "Декларация о единой трудовой школе", определившие характер и структуру советской школы, "основные принципы единой трудовой школы" предусматривали подготовку новых кадров и учителей путем открытия сети одногодичных педагогических курсов[3].

Культурное строительство и создание советской интеллигенции в национальных районах Сибири осуществлялись в соответствии с закономерностями, характерными как для Центральной России, так и для самой Сибири. В то же время этот процесс был сопряжен с рядом специфических моментов, связанных с национальными особенностями, влиянием религии и силой традиций. Ожесточенная борьба за укрепление советской власти на территории Якутии, Хакасии и некоторых районах Бурятии в 1918-1920 гг. также затрудняла процесс культурных преобразований. Строительство школьной сети и подготовка учителей осложнялись экономической отсталостью, почти поголовной неграмотностью народов Сибири, отсутствием у многих из них собственной письменности, малочисленностью интеллигенции.

С победой советской власти общее руководство культурной жизнью страны осуществлялось отделами народного образования, в основу деятельности которых были положены решения, постановления, декреты партии и правительства. Так, II Общесибирский съезд Советов в феврале 1918 г. принял решение о создании отделов народного образования в составе местных органов советской власти. Съезд определил мероприятия по организации социалистической школы, созданию системы внешкольного обучения, развертыванию политико-просветительной работы, помощи Советов в культурном развитии коренных народов Сиби-

ри[4]. Предпринимались первые шаги по повышению квалификации учительского персонала[5].

Начавшаяся Гражданская война приостановила созидательную деятельность Советов в области народного просвещения и лишь в начале 20-х гг. началось интенсивное школьной строительство и подготовка педагогических кадров.

Одним из главных препятствий в деле развития народного образования в национальных районах Восточном Сибири была острая нехватка либо отсутствие школьных зданий. Значительная часть школ, находящихся в зоне военных действий, была разрушена, многие школы находились в наемных помещениях, не соответствующих элементарным требованиям санитарной гигиены, охраны здоровья детей. Немногочисленные национальные школы не имели наглядных пособий, учебников по общеобразовательным предметам и родному языку. В некоторых районах на несколько тысяч населения имелась одна школа, в докладе Наркомпроса Б.-М.АССР в Бурпредставительство при ВЦИК РСФСР о состоянии народного образования в 1925 г. отмечалось, что в Адон-Челонском хошуне (волости) Агинского аймака (уезда) с населением свыше 5 тыс. имелась единственная школа с 26 учащимися (предельная емкость здания)[6]. Снять большее помещение под школу было просто невозможно в силу специфики жилья бурят: летом — это легкая деревянная постройка без окон, зимой — войлочная юрта. В Минусинском уезде проживание хакасского населения мелкими улусами также затрудняло строительство школ. Примерно такое же положение было и в Якутии, начальные национальные школы в основном были однокомплектными. В Бурят-Монгольской АССР, например, школы с одним преподавателем, по данным школьной переписи в 1927 г., составляли 72,4%[7].

Несмотря на тяжелые последствия хозяйственной разрухи и большие материальные трудности, в национальных районах наблюдался количественный рост школ. Более чем в 2 раза по сравнению с 1923/24 уч.г. увеличилось количество школ в Хакасии, где в 1927/28 уч. г. их уже насчитывалось 120, в том числе хакасских — 56[8]. Расширялась сеть школ I ступени и повышенного типа в Б.-М.АССР[9].

В связи с расширением школьной сети и подготовкой к введению всеобщего обязательного обучения возросла потребность в педагогических кадрах, тем более что учителей с дореволюционным образованием было явно недостаточно. Необходимо было готовить огромное количество учителей для школ I ступени, а также для немногих школ повышенного типа.

ЦК партии и правительство неоднократно рассматривали вопросы подготовки и переподготовки учительских кадров, особенно широкий размах и планомерное развитие этот процесс получил с 1924-1926 гг. с выходом постановлений ЦК РКП(б) "О работе среди сельского учительства", "О порядке приема учителей в партию" и др., а также постановления СНК РСФСР от 2 апреля 1926 г. "О мерах по улучшению положения сельского учительства"[10].

Недостаток учителей в национальных районах Восточной Сибири был вызван разными причинами. Это и снижение популярности профессии учителя, и крайне тяжелое материальное положение. Например, голод, постигший в 1922 г. Селенгийский аймак Бурят-Монгольской автономной области вызвал массовое бегство учащих и развал управленческого аппарата из этого района[11]". В Аларском и Боханском аймаках большинство учителей из местных жителей занялись сельским хозяйством, бросили педагогическую работу совсем или занимались ею побочно[12]. Многие учителя погибли в битвах Гражданской войны. Значительная часть учительства использовалась на партийной, советской, кооперативной, культурно-просветительной работе. Это обстоятельство, характеризующее состояние кадрового потенциала в Хакасии[13], можно отнести ко всем национальным районам Восточной Сибири.

В начальный период социалистического строительства наиболее приемлемой и результативной была курсовая форма подготовки и переподготовки педагогов. В условиях острого дефицита работников просвещения курсы давали возможность ускоренной подготовки учителей. Обращалось внимание на политическое и педагогическое образование, поскольку учителя были призваны вести большую работу среди крестьян, использовать полученные знания как в школе, так и среди населения. В сельских школах работа по переподготовке учительства сосредоточивалась в районных и волостных центрах, которые проводили учительские конференции с чтением докладов, лекций по педагогике, с изучением основ марксизма.

С образованием национальных автономий[14] на повестку дня встал вопрос о национализации (коренизации) школ с полным обучением на родном языке. Еще в марте 1921 г. Сиббюро ЦК РВП(б) совместно с подотделом национальных меньшинств Сибоно утвердил постановление о необходимости принятия срочных мер к открытию в национальных районах школ I и II ступеней, обеспечению их учебниками, учеб-

ными принадлежностями, с преподаванием предметов на родном языке[15]. Но осуществить эти мероприятия в тот период было практически невозможно, т.к. у преобладающей части учительства национальных школ образовательный уровень был крайне низок, не хватало методического мастерства, навыков учебно-воспитательной работы.

Для оказания методической помощи при айоно в Б.-М. автономной области были прикреплены инструкторы, назначаемые из работников с более высокой педагогической подготовкой. Но "отсутствие средств передвижения, скудость методических руководств, общая неблагоприятная для методической работы обстановка" усилия инструкторов сводили почти на нет[16].

Енисейский губернский отдел национальных меньшинств в 1921 г. открыл интернациональные курсы учителей, обратив внимание прежде всего на инородцев. Тогда же в Минусинске окончили 3-месячные курсы 20 учителей-хакасов[18]. Всего летними мероприятиями по переподготовке работников просвещения (включая политпросветработников) в 1926 г. было охвачено около половины всех просвещенцев[19]. Другими организационными формами переподготовки были кружки, совещания, методические семинары, экскурсии. Значительную роль в повышении педагогического мастерства учителей Б.-М.АССР сыграли опытно-показательные школы-семилетки, созданные в некоторых аймаках[20].

Можно отметить, что к 1928-1929 гг. практически все учителя национальных районов были охвачены переподготовкой в той или иной форме.

Подготовка новых учителей для школ I ступени осуществлялась также через одногодичные либо двухгодичные педагогические курсы, оставались актуальными и краткосрочный курсы. По инициативе Хакасского окроно в 1925 г. были проведены 6-месячные курсы, которые окончили 14 учителей-хакасов[21]. Традиционными в округе стали районные учительские курсы для подготовки учителей из коренного населения, которые проводились при Таштыпской школе II ступени. С 1926 по 1928 г. их закончили 23 человека, 17 из них стали работать в школе[22].

Растущая потребность в учителях удовлетворялась через педагогические техникумы, которые готовили работников для массовых учебно-воспитательных заведений. В Якутской АССР на базе учительской семинарии в 1921 г. был создан педагогический техникум для подготовки учителей начальных школ. В Б.-М.АССР в 1924 г. были созданы 2 педтехникума — русский и бурятский. До открытия в 1929 г. хакасского

педтехникума учителей для Хакасского округа готовило Хакасское отделение Минусинского техникума.

Кадры учителей готовились в школах повышенного типа с педагогическим уклоном. Выпускники школ-девятилеток г. Красноярска работали в различных районах Сибири: Туве, Хакасии, Алтае[23].

Значительная доля специалистов, в том числе педагогов, готовилась в различных учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Свердловска, а также в городах Сибири — Омске, Томске, Иркутске.

Однако база для набора абитуриентов здесь была невелика, например в 1921/22 уч.г. в 7 средних учебных заведениях Якутска насчитывался 641 чел. Но они учились пока в младших классах и курсах. Следовательно, основной контингент абитуриентов для вузов составляли учителя и фельдшера. Но поскольку тех и других было недостаточно для имеющихся школ и лечебных пунктов, приходилось направлять на учебу всех желающих[24]. В первые годы советской власти отсев студентов-якутян составил около 20%[25]. В 1922/23 уч.г. в вузах страны обучался 81 человек из Якутии, в том числе 14 — по педагогической специальности[26].

Учителей для Сибири готовил педагогический факультет Иркутского государственного университета. В 1926 г. при нем было открыто бурят-монгольское отделение, готовившее преподавателей по истории и родному языку для бурятской средней школы, техникумов и рабфаков.

Таким образом, подготовка и переподготовка учительской интеллигенции в национальных районах Восточной Сибири в первое десятилетие советской власти осуществлялось в различных формах. Если в начальный период социалистического строительства наиболее популярны были различные по характеру и продолжительности курсы, то с открытием собственных средних специальных учебных заведений увеличивается количество выпускников педтехникумов. Ширилась подготовка педагогов через высшие учебные заведения Центральной России и Сибири, хотя широкого размаха она тогда не получила. Можно согласиться с мнением Ф.А. Лукинского, исследовавшего эту проблему, что процесс формирования учительства в Сибири и на Дальнем Востоке, как в целом по стране, был в основном осуществлен к началу первой пятилетки[27].

Примечания

1. Панчуков А.П. Очерки по истории развития школ в Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1939; он же. История начальной и средней школы Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1959; Дуринов А.А. Очерки истории школ и педагогического образования Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1948; Сердобов Н.А. Народное образование в Туве. Кызыл, 1053; Мохов А.Н. Развитие народного образования в Хакасии за годы Советской власти: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954; Асочаков В.А. Культурное строительство в Хакасии (1917-1937). Абакан, 1983; Горохов С.Н. История интеллигенции в Якутии (1917-1925 гг.: Дис. ... канд. ист. наук, Якутск, 1970 и др.
2. Казарин В.Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х – середина 60-х гг. XX в.). Иркутск, 1998. 308 с. с прилож.
3. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917-1947 гг. М.; Л., 1947. С. 262-272.
4. Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1974. Т. II. Советский период. С. 30.
5. Культурное строительство в Бурятской АССР. (1917-1981): Документы и материалы. Улан-Удэ, 1983. С. 25-26.
6. Там же.
7. Константинов Н.А., Медынский Е.Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948. С. 184.
8. Асочаков В.А.Культурное строительство в Хакасии (1917-1937). С. 44,47.
9. Эфиров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири: Исторические очерки. М., 1948. С. 157.
10. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. С. 180,184,185.
11. ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, ед. хр. 481, ч. II, л. 65 об.
12. Там же., ч. III, л. 104 об.
13. Асочаков В.А. Указ.соч. С. 76.
14. В 1921 г. образовалась Якутская АССР, в 1923 — Бурят-Монгольская АССР, в 1924 г. был образован Хакасский уезд, преобразованный в 1925 г. в округ.
15. Иванов П.Н. Развитие культуры нерусских народов Сибири (1920-1925 гг.)// Культурное строительство в Сибири в 1917-1960 гг. Новосибирск, 1962. Вып. 1. С. 91.
16. ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, ед. хр. 481, ч. III, л. 104 об.
17. Асочаков В.А. Указ.соч. С. 75.
18. Там же.
19. Там же.
20. Дуринов А.А. Развитие бурятской национальной школы// Бурятия от ликбеза до филиала Академии наук. Улан-Удэ, 1969. С. 53.
21. Асочаков В.А. Указ. соч. С. 76.
22. Там же.
23. Там же.

24. Горохов С.Н. К истории подготовки кадров для Якутии в центральных вузах (1917-1927 гг.)//Вопросы науки в трудах молодых ученых Якутии. Якутск, 1971. С. 32.
25. Там же. С. 34.
26. Там же. С. 32.
27. Лукинский Ф.А. Народное образование в Сибири (1928-1941 гг.) Новосибирск, 1982. С. 48.

Т.А. Абракова

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. 1925-1929 ГОДЫ

Взаимоотношения советской власти и интеллигенции в 20-е годы были противоречивы. С одной стороны, власть нуждалась в поддержке проводимой ею политики со стороны всех слоев общества, в том числе и интеллигенции. Однако политика, проводившаяся по отношению к гражданам страны при помощи силовых мер и методов, привела к тому, что представители интеллигенции длительное время с большой долей осторожности относились к деятельности партии и правительства.

В предлагаемой работе делается попытка рассмотреть несколько аспектов взаимодействия действующей власти и интеллигенции. Во-первых, осветить отношение сельской интеллигенции, в частности Нижегородской губернии к партии и государственной власти в период нэпа, во-вторых, через особенности проведения чистки государственного аппарата 1929 г., показать подлинное отношение государства к представителям этой общественной группы. Исследование выполнено на основе изучения двух групп источников: информационных квартальных отчетов[1] уполномоченных НижгубКК-РКИ за 1925-1926 гг., и жалоб граждан[2] на несправедливые действия властей, направленных в краевую комиссию по чистке при НижкрайКК-РКИ в 1929-1930 гг.

Орган партийно-государственного контроля — ЦКК-РКИ, созданный в 1923 г., боролся с проявлениями оппозиционности в партии, контролировал поведение рядовых членов партии, стремился к воспитанию их в нормах коммунистической этики. По циркуляру ЦКК от декабря 1923 г. «Об уполномоченных областных и губернских контрольных комиссий на местах»[3] для «установления более тесной связи губернских

контрольных комиссий с местами» создавался институт уполномоченных контрольной комиссии. Задачи их деятельности были широки: расследование дел, порученных контрольной комиссией, информирование о «болезненных явлениях» в партийных организациях, наблюдение за реализацией директив партии и правительства, губкома, КК-РКИ в области партийного и советского строительства[4]. О проделанной работе уполномоченные сообщали контрольным комиссиям в виде ежемесячных и квартальных отчетов, в которых подробно характеризовалось состояние местной парторганизации, отношение различных слоев населения к политике советской власти, экономическое состояние уезда и пр. Сведения, представленные в данных документах, позволяют составить представление о восприятии советской власти сельской интеллигенцией в 1925-1926 гг.

Как следует из отчетов уполномоченных за июль-декабрь 1925 г, отношение сельской интеллигенции к советской власти к этому времени было лояльным Так, в отчете[5] по Павловскому уезду товарища Тилька (здесь и далее инициалы не обнаружены. — *Т.А.*) указывалось: «За последнее время наблюдается, что сельская интеллигенция начинает принимать активное участие в советском строительстве. Настроение ее два года назад изменилось в сторону советской власти. Она приближается к партийной организации и идет с рабочими и беднотой»[6]. Сообщения представителей НижгубКК-РКИ по Красно-Баковскому, Балахнинскому, Нижегородскому уездам[7] служат подтверждением того, что между губернской властью и интеллигенцией в это время налаживается сотрудничество. И.А Шаронов (Выксунский уезд) отмечал в июле 1925 г, что сельские учителя, служащие стремятся вступить в партию, активно участвуют в общественной работе[8].

Наряду с этим в отчетах имеются косвенные свидетельства того, что часть интеллигенции оппозиционно относилась к существующей власти. Уполномоченный по Павловскому уезду товарищ Карачаров в июле 1926 г. подробно характеризует настроения сельской интеллигенции этого периода. Характерно, что он разделяет ее на «молодую», настроенную вполне лояльно и «старый слой». Составитель при этом вскрывает конфликт, существовавший в этой группе: «Молодежь идет с середняками и бедняками за партией ... Старый слой интеллигенции ... не может переварить свою старую идеологию народничества-эсерства, но их немного и влияния на оставшуюся массу не имеют. Были случаи, когда их молодежь бойкотировала, поэтому эта часть практически отказалась от всяких политических вопросов и превратилась в политических инвалидов»[9].

Проведенный анализ отчетов уполномоченных позволяет сделать вывод, что к 1925-1926 гг. большая часть сельской интеллигенции губернии была настроена «за компартию и за Советы», принимала участие в партийной и общественной жизни. Имевшиеся в ее среде оппозиционные настроения не были поддержаны молодежью, выросшей уже в советских условиях, что естественным образом привело к понижению популярности данных идей.

Периодом большой аппаратной и партийной чистки стал 1929 год. По инструкции[10] ЦКК, изданной в апреле 1929 г., чистка государственного аппарата проводилась среди личного состава всех советских, хозяйственных, кооперативных и прочих государственных учреждений и организаций. Из аппарата должны были удаляться элементы из социально-чуждой среды, враждебные рабочему классу, «лжеспециалисты», лица высланные и сосланные, негодные работники, лица, не желающие исполнять советские законы[11]. Однако подлинной задачей кампании являлось удаление из государственного аппарата «идеологически чуждых» власти граждан. Подтверждением этого являются особенности проведения чистки государственного аппарата в учреждениях и организациях Нижегородского края, выявленные при изучении 85 жалоб граждан[12] на несправедливые действия власти. Эти жалобы с июня 1929 г. по февраль 1930 г. поступили в НижкрайКК-РКИ, при которой действовала специально созданная комиссия по чистке и проверке советского аппарата. На местах кампания проводилась уездными комиссиями по чистке, зачастую необъективно рассматривавшими дела служащих. В жалобах имеются указания на 58 подобных решений. Зачастую несправедливо, а подчас и волюнтаристски увольнялись со службы именно представители сельской интеллигенции. Что явилось причиной этого и кто подвергся этой мере?

Как следует из жалобы бывшего священника с. Спасское Семеновского района И.А. Глебовского[13], работавшего после снятия сана в торговом товариществе счетоводом, предлогом к увольнению стало то, что он как «бывший элемент» был лишен избирательных прав. Автор жалобы указывал, что сознавая принадлежность к «лишенцам», он задался целью «безукоризненной службой добиться получения прав гражданства». Он писал: «... В течение трех лет службы при товариществе мною руководило желание работать на пользу общества. В это время я не са-

ботажничал, вредительств в каком-либо виде не делал и против советской власти никаких выступлений или агитаций не вел»[14].

Причины увольнения были весьма разнообразны. Так, секретарь Семеновского народного суда Митропольский А.И.[15], бывший адвокат, лишился работы по обвинению за «связь с судившимися». Фельдшер Варнавинской больницы Ляхов Т.П.[16], «отличный и знающий работник», как следует из приложенного к жалобе отзыва с места службы, был отстранен от службы под надуманным предлогом «за систематическое пьянство, прикарманивание лекарств из больницы». Формальной причиной выдворения со службы учителя Троицкой В.А. (с. Асташиха, Лысковский р-н) стала «грубость и халатное исполнение служебных обязанностей», но выписка из постановления уездной комиссии показывает, что подлинной причиной явился отказ пойти на доносительство: «... По части предстоящей чистки партии и комсомола, чтобы дать материал на негодных и разложившихся элементов, Троицкая заявила, что она не намерена заниматься такими гадостями и отрицает наличие кулачества в селе Асташиха. Комиссия считает необходимым применить I категорию увольнения как к непролетарских взглядов и неисправимую в дальнейшем»[17]. Увольнялись также те граждане, которые благодаря своей профессиональной деятельности имели неоспоримые заслуги перед властью и могли относиться к новой «советской интеллигенции» Так, Матвеев Г.Л., бывший заведующий школой в г. Семенове, сообщал в жалобе: «Сын безземельного крестьянина, был подпольщиком, был в ссылке 3 года. В годы разрухи построил школу и организовал школьное дело. В 1923 г. получил личную награду от Советского правительства за рациональное ведение школьного дела, в 1925 г. получил за Парижскую выставку диплом и медаль. Я считаю, что как мои достижения в работе по школьному делу, так и достижения, относящиеся лично ко мне — эта работа на пользу государства. Меньше всего я когда-нибудь думал о себе»[18]. Огульное увольнение служащих, зарекомендовавших себя как хорошие работники, вызывало у них справедливое недоумение. Из жалобы лесовода Лысковского лесхоза Мапова А.И.: « ... До сих пор я старался не за страх, а за совесть быть советским специалистом: честно, в течение 11 лет служил советскому государству»[19]. Как ответили комиссии по чистке и проверке госаппарата на прошения граждан о пересмотре решений об удалении их со службы? На 85 жалоб граждан нет ни одного упоминания о пересмотре дела и восстановлении в должности по месту работы.

Проведенный анализ жалоб граждан позволяет сделать вывод, что государство предвзято относилось к работе специалистов непролетарского происхождения, что приводило к их увольнению в ходе чистки государственного аппарата. Власть, в лице уездных проверочных комиссий, под надуманными обстоятельствами выдворяла со службы работников, относящихся по своему происхождению к «старой» и «новой» интеллигенции, принявшей в начале 20-х годов советскую власть и собственным трудом участвовавшей в построении нового государства. Данная кампания отразилась на профессионализме кадров учреждений и организаций: она лишила их служащих, которые добросовестно относились к служебным обязанностям и поэтому могли быть полезны и необходимы власти в новых условиях. При этом нельзя не согласиться с мнением А.М. Некрича[20], который утверждает, что в ходе чистки государственного аппарата власть «отвергла специалистов, которые не внушали доверия по социальным и политическим признакам».[21] Как следует из проведенного выше анализа жалоб, в праве участия в деле государственного строительства было отказано представителям интеллигенции. Это способствовало возрождению атмосферы недоверия между властью и интеллигенцией, которая было исчезла в 1925-1926 гг.

Примечания

1. ГОПАНО, ф. 4, оп. 1, д. 312.
2. ГАНО, ф. 4569, д. 331, 333, 334.
3. Известия ЦК ВКП(б) 1924. № 3. С. 8.
4. Там же.
5. ГОПАНО, ф. 4, оп. 1, д. 312 л.
6. Там же
7. ГОПАНО, ф. 4, оп. 1, д. 312, л. 20(об), 55.
8. Там же, л..30 (об.)
9. ГОПАНО, ф. 4,оп. 1, д. 314, л. 114.
10. ГОПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 6067, л. 92-93 (об.)
11. Там же, л. 93.
12. ГАНО, ф. 4569, оп. 1, д. 331, 332, 334.
13. ГАНО, ф.4569, оп. 1, д..333, л..43.
14. Там же, л. 44.
15. Там же, д. 333, л. 108.
16. Там же, л. 68.
17. Там же, д. 99.
18. Там же, д. 331, л. 296-296 (об.).
19. Там же, д. 334, л. 74.
20. Некрич А.М. "Золотой век» номенклатуры" // Россия. XX век / Под общей редакцией Ю.Н. Афанасьева. М., 1995. С. 517-518.
21. Там же. С. 416.

О.Г. Назаров

ВЛАСТЬ И "БУРЖУАЗНЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ" В 20-Е ГОДЫ

В целом внутренняя политика правящей большевистской партии в 20-е гг. по сравнению как с периодом "военного коммунизма", так и с последующими годами сталинского "великого перелома" отличалась тем, что в большей степени учитывала объективные возможности страны. А возможности эти были изрядно подорваны за годы Первой мировой войны и революционных потрясений. По этой причине особое значение приобретало то обстоятельство, сколь грамотно и полно будет использовано все уцелевшее. Речь шла не только о материальных ресурсах. Не менее важным являлось привлечение имеющегося интеллектуального потенциала. И здесь мы на прямую выходим на проблему взаимоотношений большевистской партии и так называемых "буржуазных специалистов" в условиях новой экономической политики.

Немаловажным фактором, придающим дополнительную сложность изучению указанной проблемы, является и то обстоятельство, что нэп дал удивительно пеструю картину как в региональном, так и в отраслевом разрезе. В этой связи нэповская практика оставила богатую фактуру для изучения диалектики общего, особенного и единичного. Более того, именно на этой стезе, на наш взгляд, и лежит магистральный путь развития отечественной историографии. Особо отметим необходимость привлечения в научный оборот новых источников.

Тем не менее ключевые параметры политики неизменно определялись ЦК РКП(б). Кроме того, для функционирования жестко выстроенной иерархической властной пирамиды требовалось оперативное принятие решений по многим вопросам. В этих условиях личностный фактор приобретал особое значение. В полной мере сказалось его значение и при выборе политической линии по отношению к "спецам". Данному аспекту проблемы (власть и интеллигенция в условиях нэпа) и посвящена настоящая статья.

***

Объявив о замене продразверстки на продналог РКП(б) сделала решительный, но все-таки только первый шаг на длительном пути демонтажа "военно-коммунистической" системы: такой переход не имел шансов пройти быстро и безболезненно. Даже отказ от продразверстки не прошел везде и сразу. И дело не только в том, что не все местные коммунисты восприняли данное нововведение всерьез[1]; зачастую сама жизнь до предела ограничивала поле дли маневра.

Переход к нэпу был инициирован В.И. Лениным. При его непосредственном участии протекала и работа над дальнейшими нововведениями. Так, уже X съезд РКП(б) определил и критерии, руководствуясь которыми коммунисты должны были выстраивать свой подход к "спецам". При подборе на высокие административно-технические должности требовалось обращать внимание на действительный технический стаж и научную подготовку "спеца", его личные способности в деле руководства, "социальное положение в прошлом", отношение к советской власти, проверенное "на опыте советского строительства"[2].

Логику этого документа можно понять, если принять во внимание то, что для Ленина в 1921 г. главным являлось не только сохранение власти (а для этого требовалось, по меньший мере, не плодить врагов), но и переход к восстановлению народного хозяйства. Ленин прекрасно понимал, что строить коммунизм придется некоммунистическими руками. Более того, для руководства крупным промышленным производством требовались опытные, знающие кадры, а среди большевиков они встречались лишь в виде исключения.

В свою очередь, представители прежней интеллигенции, измученные нуждой последних лет и увидевшие некоторое смягчение внутренней политики властей, все чаще стали изъявлять желание принять участие в восстановлении разрушенного. Таким образом, объективно почва хотя бы и для вынужденного, но все-таки компромисса, была сформирована. Его граница также не являлась секретом: сфера политики монопольно принадлежала партии[3]. Сделанные большевиками уступки вскоре принесли свои плоды.

***

Следующий этап в эволюции политики советской власти по отношению к "спецам" пришелся на середину 20-х гг. Именно тогда на короткий отрезок времени восторжествовала политическая линия, идеологом которой являлся Н.И. Бухарин. Практическая же реализация этой линии стала плодом усилий многих коммунистов, и в первую очередь, А.И. Рыкова, М.П. Томского и Ф.Э. Дзержинского. Имеются весьма любопытные свидетельства со стороны "спецов". К примеру, И.В. Тесленко в докладной записке от 6 апреля 1926 г., направленной им в Василеостровский райком РКП(б), сигнализировал о столкновении, произошедшем между представителями "политически враждебной нам

профессуры" и большевистскими активистами ЛГУ во время одного из заседаний совета университета. Небезынтересными представляются слова академика Ферсмана, приведенные в докладной: "Это безобразие, до чего распустили студентов, нужно ехать к Алексею Ивановичу (Рыкову. — *О.Н.*)"[4].

Приведем другой пример. Н.В. Валентинов, в 20-е гг. занимавший номенклатурную должность заместителя главного редактора органа ВСНХ "Торгово-промышленной газеты"[5], позднее вспоминал: "В 1924 - 1925 гг. преследования и аресты совершались по всей стране, однако в ВСНХ и в промышленности их почти не было. Недаром после его смерти многие инженеры говорили, что при Дзержинском могли спать спокойно. В благожелательности к техническому персоналу у него явно преобладали утилитарно-практические соображения. Дзержинского, кажется, не очень страшило, что в голове человека бродят антисоветские идеи; по его мнению, гораздо важнее, как он работает, полезен ли он для "ведомства ВСНХ", для промышленности. О Е.С. Каратыгине многие ему шептали: "Это действительный статский советник, реакционер, вспомните, какие речи он держал во время своей командировки за границей?" Дзержинский все это превосходно знал, за антисоветские речи Каратыгина за границей он и убрал его из редакции "Торгово-промышленной газеты". Но дальше этого репрессии не пошли, и, так как тот был знающим и полезный человеком..."[6].

Результаты такого отношения к "спецам" оказались весомыми. Достаточно сказать, что в составлении первых проектов пятилетнего плана по отраслям промышленности приняло участие около двух тысяч специалистов[7], большинство из которых не были коммунистами. Такого рода примеры можно продолжить. Главный же вывод очевиден: отмеренный Лениным компромисс оказался жизнеспособным. Уже к 1926 году некоторые высокопоставленные "спецы" и часть лидеров большевистской партии смогли сработаться. Такой альянс вполне мог дать в дальнейшем еще более серьезные результаты. Тем более что, по словам того же Валентинова, в психологии лидеров правого крыла большевистской партии произошла серьезная перемена — они прониклись реформизмом[8].

Своего рода итоговым документом, отразившим отношение советской власти к "спецам" в середине 20-х гг., стало сентябрьское 1925 г. постановление ЦК РКП(б) "О работе специалистов". Документ ориентировал печать на необходимость освещения положительного эффекта деятельности технической интеллигенции. Предполагалось улучшить жизненные условия "спецов", облегчить их детям доступ в вузы, ввести систему индивидуальных и коллективных премий, предоставить налоговые льготы. Наконец, что особенно важно, в постановлении указывалась необходимость при оценке специалистов принимать во внимание не их классовое происхождение, а производственный стаж и заслуги по специальности.

Однако многое из намеченного в середине 20-х гг. так и осталось благим пожеланием. Причиной тому в очередной раз стали перемены в расстановке сил в большевистских "верхах".

***

В начале 1928 г. И.В. Сталин начал атаку на позиции правых большевиков в руководстве ВКП(б) и на кадры "буржуазных специалистов" по всей стране. 13 марта 1928 г. в газетах было официально опубликовано специальное сообщение прокурора Верховного суда СССР. В нем сообщалось о том, что в Донбассе раскрыта состоявшая из "спецов" вредительская организация. Указывалось, что эта организация действовала "методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижения качества продукции, повышения себестоимости"[9]. В тот же день опросом членов Политбюро принимается решение направить в Донбасс Томского, Молотова и Ярославского[10].

Доклад комиссии Политбюро "О практических мероприятиях по ликвидации недостатков, обнаруженных в связи с шахтинским делом" был поставлен отдельным пунктом повестки дня на апрельском 1928 г. Пленуме ЧК и ПКК ВКП(б). Доклад делал А.И. Рыков.

Он признал следующее: "Полностью подтверждена связь всех этих "деятелей" с польской разведкой, причем интересно, что они рассчитывали создать в результате вредительской работы кризис топливного хозяйства Союза к моменту завершения реорганизации польской армии, приблизительно, к 1929-31 г."[11].

В то же время глава Советского правительства настаивал на сохранении прежнего курса в отношении "буржуазных специалистов". Отметив, что в передовых странах "технический персонал в среднем составляет от 10 до 15% к рабочим, а у нас всего 2%, Рыков сказал: "Далее, нужно ли настаивать на том, чтобы они ("спецы". — *О.Н.*) теперь принципиально признали социалистическое строительство, сделались социалистами или коммунистами? Поверит ли кто-нибудь этому? И незачем провоцировать их на это, обманывая их самих и заставляя обманывать нас..."[12].

В прениях по рыковскому докладу изъявили желание выступить 60 человек, что свидетельствует об интересе к данной проблеме. А.А. Жданов сообщил, что в связи с шахтинскими событиями среди части рабочих появилось желание поискать "экономическую контрреволюцию" на собственном предприятии. Ошвинцев к этому добавил, что теперь перепуганные "спецы" по любому поводу стремятся запастись таким документом, при помощи которого они в случае необходимости могли бы оправдать принятое решение и сделанный поступок[13].

Добавим, что в сводке Информотдела ЦК ВКП(б) по вопросу о реакции на местах на шахтинские события говорилось о том, что в целом по стране весной 1928 г. резкого усиления спецеедства не наблюдалось. В то же время сталинская фальсификация дала свой результат. В том же докладе сказано: "В большинстве случаев рабочие в выступлениях требовали применения высшей меры наказания к заговорщикам и привлечения к ответственности тех, кто сложа руки смотрел на контрреволюцию"[14].

Но локализация событий районом шахт в план генсека и его сторонников явно не входила.

На том же апрельском Пленуме А.А.Андреев, напомнив о том, что "мы до сих пор находимся в окружении врагов", сообщил новость: на Северном Кавказе в одной из мастерских "открыт прямо шпионаж и вредительство". Призвав ГПУ больше работать "по проверке наших командных высот в области экономики", Андреев заявил: "Может быть, ГПУ будет иногда ошибаться в этом отношении, но пусть оно тогда ошибается, но пусть больше работает"[15]. Сталину осталось только резюмировать, что "мы имеем здесь дело с экономической интервенцией западноевропейских антисоветских капиталистических организаций в деле нашей промышленности"[16].

Однако Сталин опирался не только на карательные органы. Американский историк Т.Э. О'Коннор назвал другое немаловажное обстоятельство:

"Шахтинское дело придало спецеедству законный характер. По своей сути оно стало катализатором идущего снизу противодействия интеллигенции, противодействия, которое сдерживалось после введения в 1921 году нэпа. Враждебность к интеллигенции породил не Сталин, но он разделял ее и сумел использовать в своих целях...

Сталин подчеркивал, что промышленность нуждается в увеличении числа управленцев из рабочих... Стремясь нажить политический капитал, Сталин играл на требованиях рабочих и рядовых коммунистов, желавших сделать карьеру"[17].

На наш взгляд, Сталин относился к прежней интеллигенции не просто враждебно. Он ее ненавидел. И не удивительно, что одной из главных задач "великого перелома" было стремление поставить интеллигенцию под жесткий и всесторонний контроль властей. Разгромив правое крыло в руководстве ВКП(б), Сталин окончательно развязал себе руки и по части политики в отношении "спецов". Последние же разницу между сталинцами и бухаринцами уяснили быстро.

В итоге сфальсифицированные процессы превратились в СССР чуть ли не в обыденное явление, а избиение кадров "буржуазных специалистов" приняло массовый характер. На пути сталинизации страны была отброшена очередная помеха.

Примечания

1. См., например: Большевистское руководство: Переписка. 1912-1927. М., 1996. С. 204
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 353
3. Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917-1922 гг. М., 1997. С. 292
4. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории /РЦХИДНИ/. Ф. 17. Оп. 60. Д. 813. Л. 21-22.
5. Там же. Оп. 68. Д. 484. Л. 231.
6. Валентинов Н.В. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП: Воспоминания. М., 1991. С. 200.
7. Сабсович Л. Планирование промышленности и планирование народного хозяйства // Промышленность и народное хозяйство: Сборник статей под ред. А.М. Гинзбурга, Э.И. Квиринга и С.П. Середы. М., 1927. С. 157.
8. Валентинов Н.Б. Наследники Ленина. М., 1991. С. 85-86.
9. Старков Б.А. Переход к "политике разгрома" ("Шахтинское дело") // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. С. 254.
10. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 677. Д. 5.
11. Там же. Оп. 2. Д. 354. Вып. 2. Л. 4.
12. Там же. Л. 9, 8.
13. Там же. Л. 10, 17.
14. Там же. Оп. 32. Д. 124. Л. 5-6.
15. Там же. Оп. 2. Д. 354. Вып. 2. Л. 19.
16. Там же. Л. 43.
17. О'Коннор Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М., 1992. С. 110.

А.В. Борков

УЧАСТИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАБОТЕ СОВЕТСКОГО ИНОВЕЩАНИЯ В 30-е—НАЧАЛЕ 40-Х ГОДОВ

Культурная тематика была широко представлена в вещании СССР на зарубежные страны с момента начала передач. Первыми начали выходить в эфир с 1930 г. литературные программы. Они включали в себя постановку радиоинсценировок и чтение отрывков из произведений русских, советских и западных писателей. Освещение литературной жизни облегчалось тем, что в 30-е годы в Москве проживало много эмигрантов из разных стран, выехавших из своих государств по политическим мотивам. Среди них было немало представителей творческой интеллигенции. Они выступали и в качестве поставщиков литературной продукции и в качестве дикторов в радиопередачах. Однако никакого центра, который руководил бы подготовкой художественных программ в этот период не было, и это часто сказывалось на их содержании.

Осуществлялась трансляция концертов артистов и музыкальных коллективов для иностранных слушателей. Причем в 30-е годы это делалось в "живом эфире", так как сотрудники иновещания не обладали необходимой звукозаписывающей аппаратурой. В их распоряжении был лишь шорифон, сильно искажавший звук. Поэтому артисты приглашались в студии для выступления непосредственно перед микрофоном. Так, в юбилейной передаче для Франции по случаю дня рождения А.П. Чехова принимала участие О.Л. Книппер-Чехова, в радиопередачах для США выступал композитор С.С. Прокофьев, для Италии — артист Государственного академического Большого театра СССР М.С. Рейзен. Как вспоминает один из ветеранов советского иновещания, С.Я. Колмыков в ходе таких трансляций порой возникали непредвиденные ситуации.

Так, в ожидании солиста Большого театра М.С. Рейзена дирижер Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио разложил на пюпитре партитуру одного из произведений Верди. Однако появившейся Рейзен пришел в ярость, так как он хотел начинать концерт с другого произведения. Разъяренный артист направился к выходу. Колмыкову стоило больших трудов уговорить его остаться. Он сказал ему, что его знает вся Италия (он там учился) . "Что же скажут итальянцы, когда узнают, что он отказался петь для них?" — задал вопрос Колмыков. Ни говоря ни слова Марк Рейзен вернулся в студию[1].

Перед микрофоном выступали большие музыкальные коллективы (например, хор под управлением А.В. Свешникова, Краснознаменный ансамбль песни и пляски Красной армии под управлением А.В. Александрова[2], а также устраивались обменные концерты. Серия таких концертов в 1933-1934 гг. была проведена с США. Как правило, в 17.00 начиналась трансляция первого концерта из одной страны (США или СССР), а через 30 мин. наступал черед другого. Первая передача такого рода состоялась в ноябре 1933 г. Однако музыкальное исполнение из Америки транслировать не удалось. Но эта неудача не остановила работы в данном направлении, и через некоторое время начинается более или менее регулярный выход в эфир музыкантов, каждую субботу, по полчаса. В апреле и мае 1934 г. вещание осуществлялось 8 раз, как для США, так и из США. После летнего перерыва выход в эфир концертов возобновился в сентябре и октябре. Правда, слышимость программ была довольно низкой.

Для Америки передавалась музыка советских композиторов и музыкальные произведения народов Советского Союза. Звучали в эфире, по просьбе американской стороны, и красноармейские песни. Что касается Соединенных Штатов, то, как следует из программы вещания на ноябрь 1934 г., предполагалась трансляция выступления джаз-оркестра Поуля Уайтмена, негритянских и народных песен в исполнении Фиск-хора, одного из известных университетских американских хоров. Сначала Московское радио сотрудничало с Национальной радиовещательной компанией США, а потом к ней присоединилась и компания "Колумбия" (Нью-Йорк)[3]. Для Америки и других стран осуществлялась прямая передача опер Большого театра. Пояснения давались в микрофон, установленный в радиоложе театра[4].

Продолжался выход в эфир радиоинсценировок музыкальных опер и литературных пьес. Так, в 1939 г. немецким отделом была подготовлена такая сложная постановка, как "Снегурочка" А.Н. Островского, а английской и французской редакциями — "Сказка" М.Светлова[5]. Очень часто в литературных и художественных передачах немецкой редакции выступали драматург Фридрих Вольф и кинематографист Эрвин Пискатор.

Подготовка художественных программ являлась целью деятельности отдельной группы, которая сначала находилась в штате "Русской редакции", образованной в начале 1940 г. В нее, помимо редакторов, входило также и небольшое число режиссеров (3 штатных и 5 привлекавшихся на общественных началах). Вместе они занимались подготовкой художественных передач — монтажом радиопьес, радиофильмов, литера-

турных программ и т.д. Во второй половине 1940 г. художественное вещание было выведено из состава прежней редакции и преобразовано в самостоятельную литературно-художественную группу[6].

Результаты работы литературно-художественного подразделения были заметными. Только в период с июля 1940 по февраль 1941 г. им было организовано 240 радиофильмов (76 названий), 33 композиции из кинофильмов (6 названий), 20 радиопьес (20 названий). В основных редакциях Инорадио были созданы труппы, в которых оказались занятыми более 100 человек, выступавших на английском, немецком, французском и других языках[7]. В основном в игровых передачах использовались советские актеры, знавшие иностранные языки, но иногда в постановке участвовали и иностранцы. В частности, немецкие дикторы, которые на родине были профессиональными актерами.

Обязанности по музыкальному оформлению радиопередач и подготовке концертов для зарубежных стран до Великой Отечественной войны были возложены на трех музыкальных редакторов. В конце 30-х годов это были Миркина, Петерсон и Коттон. По воскресеньям в 15.00 они готовили еженедельные часовые концерты на Западную Европу, в которых были заняты лучшие исполнители. В административном отношении редакторы также непосредственно подчинялись руководителю советского иновещания.

Таким образом, творческая интеллигенция принимала активное участие в радиопропаганде СССР на зарубежные страны. Причем речь идет как о советской ее части, так и заграничной. С помощью представителей искусства готовились и выходили в эфир литературные постановки и музыкальные концерты. Тем самым Советский Союз вносил свой вклад в распространение информации о культурных достижениях советских народов и народов других стран.

Примечания

1. Колмыков С.Я. "Вавилонская башня"//К истории советского радио и телевидения: Воспоминания ветеранов Гостелерадио. М., 1990.
2. Гуревич П.С., Ружников В.Н. Советское радиовещание. Страницы истории. М., 1976. С. 164-165.
3. Радиогазета. 1934. 6 ноября.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6309. Оп. 3. Д. 119а. Л. 32-33.
5. Панфилов А.Ф. Теория и практика радиожурналистики. Международное радиовещание. М., 1981. С. 18.
6. ГАРФ. Ф. 6309. Оп. 3. Д. 119а. Л. 43.
7. Российский центр хранения и изучения документации новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 32. Л. 158.

Н.Ю. Кулешова

МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ КОМАНДНОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ В КОНЦЕ 1930-Х ГОДОВ

(На основе анализа письма лейтенанта Е.Ф. Саулина)

В конце 30-х годов в официальной пропаганде по отношению к Красной Армии применялись такие эпитеты, как "доблестная", "великая и непобедимая", "всесокрушающая сила", "самая созидающая, дисциплинированная армия героев"[1] и т.д. Однако подобные оценки были далеки от объективного анализа дел в армейской среде и, главное, не отражали реальной картины сложившегося в ней морально-психологического климата. Между тем от морального состояния личного состава и, прежде всего, командного зависели такие качественные характеристики вооруженных сил, как дисциплина, отношение к службе, забота о подчиненных, стремление к повышению уровня специальных знаний, способность и готовность переносить все тяготы военной жизни. В свою очередь, моральный дух бойцов и командиров зависел от многих факторов — политического, социально-бытового, культурно-просветительного, семейно-личного. В 30-е годы решению этой проблемы отводилось второстепенное и даже третьестепенное значение, поскольку на первом месте стояли вопросы вооружения и техники. За таким отношением, безусловно, скрывалось нечто большее, чем обычная нехватка средств: невнимание к человеку и его духовному миру, использование военных кадров лишь в качестве людского "материала" для реализации поставленных высшим руководством военно-политических целей. Последнее обстоятельство отразилось и на состоянии научной разработанности проблемы, до сих пор она фактически остается не изученной. Однако сейчас в распоряжении историков находится много рассекреченных документов, позволяющих раскрыть моральное состояние командного состава Красной Армии в конце 30-х годов. Безусловный интерес среди них представляет письмо лейтенанта Е.Ф. Саулина, командира технической роты саперного батальона 56- стрелковой дивизии Ленинградского военного округа, написанное 16 декабря 1938 года и направленное в Политуправление РККА.

В присланной по требованию ПУРККА служебно-политической характеристике Саулина отмечалось, что он 1915 года рождения, русский, по происхождению рабочий, беспартийный, в РККА с 1935 года, в 1938 году окончил Ленинградское военно-инженерное училище, не судился,

политически развит, но над "повышением военного и политического образования работает мало. Личная дисциплина неудовлетворительна..."[2]. Что же повлияло на далеко не лучшее отношение к службе молодого лейтенанта? Именно об этом он и рассказал в своем письме.

Прежде всего, он обратил внимание на огромную разницу между официальными газетными статьями и речами высокопоставленных лиц по поводу высокого морального духа вооруженных сил страны и действительным низким уровнем нравственности военных кадров. "Все наши газеты полны патриотического духа, все доклады в общественных местах и все выступления напыщены подобным духом, но факты остаются фактами... Вы посмотрите только, какой разврат, пьянство процветает в быту командиров... и едва ли это может говорить о высокой морали наших рядов". При этом Саулин отметил резкое несоответствие между внешним, официальным отношением к данным негативным явлениям и внутренними установками людей, их реальными поступками. Он привел в пример факты из жизни военного училища: "... помню выступление нашего комиссара перед нашим убытием в отпуск, что "чарка водки — это политика". Все мы внешне были согласны, его выступление покрыли громом аплодисментов, ряд товарищей, выступая, клеймили позором тех, кто становится на такой путь, а вечером преспокойно шумной ватагой шли в ресторан, к соответствующим девушкам и т.д."

Причину такой раздвоенности личности он увидел в самой обстановке и тех условиях, в которых вынуждены были находиться военные кадры. "Возьму пример с себя. Я до армии не знал вкуса вина, а здесь с товарищами стал выпивать, и очень изрядно, и в этом нет ничего удивительного. Так, сидишь, сидишь где-то в захолустье, вырвешься на два-три дня в месяц ... ну и давай гулять ... а размах пьянства такой, что приходится издавать об этом приказы по целому округу"[3].

Последнее было сказано не для красного словца. В связи с угрожающими размерами, которые приняло пьянство в армии, особенно среди начальствующего состава, 28 декабря 1938 года Нарком обороны издал специальный приказ "О борьбе с пьянством в РККА". В нем отмечались случаи тягчайших преступлений, совершенных военнослужащими в пьяном виде, а также снижение дисциплины, отмена занятий, невыполнение плана боевой подготовки, увеличение чрезвычайных происшествий, в том числе аварий и катастроф, как прямое следствие пьянства[4]. В результате чрезвычайных происшествий только в 1938 г. в ходе плановой боевой учебы в РККА погибло и пострадало свыше 4

тыс. бойцов и командиров[5]. В приказе требовалось "применять к злостным пьяницам самые суровые дисциплинарные меры"[6].

Однако, как отмечал Саулин, никакие меры административного воздействия, вплоть до суда, положение дел с пьянством не меняли. И здесь он называл различные мотивы у военнослужащих, напрямую связанные с бытовыми, материальными условиями их жизни, а также неудовлетворенностью духовных запросов многих представителей командного состава. "Вы посмотрите только, в каких условиях живет и работает средний командир? Где его свободное время, где его минутные развлечения, где его "я"? ... по 18 часов в сутки работаешь, вся жизнь на дорогах, вечно в пыли, вечно в грязи, в дождь, в непогоду, без домашнего уюта, вдали от родных, не знаешь, что будешь делать завтра, где будешь завтра ..."[7]

Затронутые здесь бытовые условия, действительно, в предвоенные годы были очень тяжелы как для рядового и младшего командного, так и среднего командного состава. При распределении материальных и финансовых средств в системе военного строительства первое место отводилось вооружению и технике, а расходы на социально-бытовые нужды составляли незначительный процент. Очень остро стоял квартирный вопрос. Обеспечение армии продовольствием, фуражом и вещевым имуществом находилось на низком уровне[8].

Но и эти общие трудности, в том числе и квартирный кризис, по мнению Саулина, усугублялись непродуманными действиями начальства и полным отсутствием внимания его к личным нуждам военных кадров. Будучи коренным ленинградцем, лейтенант был послан в Псков, где "ни одного знакомого, ни друзей, ни квартиры, ничего нет... В Ленинграде же были оставлены те, кто не желал там оставаться: люди о Волги, Урала и т.д." Кроме того, как отмечал Саулин, офицеры страдали от нерационального использования их рабочего дня, и при этом они были лишены права принятия самостоятельных решений. "Возьмите загрузку рабочего дня командира. Все, по Конституции, должны работать 6-8 часов, а у нас военных 10-часовой рабочий день. Почему? Согласен с этим, пусть бы только все это выдерживалось, а то с утра до темной — иной раз ходишь, как дурак, не зная что делать, а с части уйти не имеешь права. ... Став командиром, ты, оказывается, ничем не отличаешься от бойца, ни внешним видом, ни своим положением. Так же без разрешения не можешь никуда пойти, даже выходной не можешь использовать по своему усмотрению".

В сопоставлении положения офицера и рядового бойца видна неудовлетворенность лейтенанта своим социальным статусом, явным падением авторитета командного состава в армейской среде. Он даже сослался на старое офицерство и привел в пример его внешний вид, манеры, авторитет в общественных местах. Внешний же вид советского командира вызывал у него явное отвращение. "Где его выправка? Где его воинское достоинство? Идет иногда этакий дядя, в петлицах солидные знаки, а ... фуражка вся помятая, шинель тоже не лучше — не что иное, как жалкое зрелище". Саулин с болью отмечал, что такому внешнему виду советского командира вполне соответствовал его общий культурный и образовательный уровень. "Хоть наши газеты и пишут о культурности наших рядов, но позвольте не согласиться. Сколько в армейской среде сидит темных, безграмотных невежд, что порой от этого за голову приходится хвататься — как мы будем с такими чудаками в военной обстановке? ... Возьму примеры нашей части, где больше половины командного состава не кончили военных училищ, а ... одногодичники, ... просто службисты и младшие лейтенанты. А возьмите командование части. Люди, сидящие на командной работе, не умеют по-русски правильно выражаться... кроме: "А ну, давай, а ну, пущай" и т.д. в этом роде"[9].

Столь неприглядная картина качественного состояния офицерского корпуса являлась прямым следствием мощной репрессивной кампании, пик которой пришелся на 1937-1938 гг., когда из армии было уволено почти 43 тысячи командиров и политработников, из них подвергнуты арестам более 40 тыс. человек, а физически истреблены 35,2 тыс. человек[10]. В результате истребления и увольнения десятков тысяч кадровых командиров, начиная с 1926 года, в армии сложился хронический дефицит и некомплект комсостава, выразившийся уже в 1937 г. в 84,5 тыс. человек. В связи о этим только в 1938 г. были назначены на новые должности почти 70% командиров либо из числа одногодичников (в 1938-1940 гг. таким образом было подготовлено 38 тыс. командиров), либо из числа выпускников краткосрочных курсов усовершенствования комсостава, учеба на которых продолжалась всего несколько месяцев (в 1938-1939 гг. их окончило около 80 тыс. чел.), либо из числа выпускников военных училищ[11].

Обычно с репрессиями связывают формирование у людей чувства страха и подозрительности. Однако письмо лейтенанта интересно тем, что в нем не ощущается ни того, ни другого. Он открыто говорил о своем несогласии с существовавшими в армии правилами и законами, тем

самым отстаивая свое право на независимость суждений и чувство собственного достоинства. Проявленные им критичность мышления, смелость, чувство творческого "я", а также общий кругозор и приоритет "пищи" духовной по сравнению о физической (до поступления в военное училище он занимался в музыкальном техникуме, хорошо знал математику) сближали Саулина с лучшими представителями российской, в том числе, и военной интеллигенции. Поэтому не случайно причину падения нравственности среди командного состава армии он увидел в отсутствии условий, соответствовавших хотя бы минимальным запросам нравственно-интеллектуальной личности: "Мне хочется жить, любить, хочется учиться, слушать музыку, читать литературу, а я почти лишен этой возможности". Без удовлетворения такого рода потребностей Саулин не мыслил для себя будущей жизни. В связи с этим он не соглашался с главным военным законом — служить до 45 лет, и даже возможность в будущем поступить в военную академию представлялась ему слишком безрадостной перспективой. В своем стремлении уйти из армии Саулин был далеко не одинок. Многие его сокурсники осознавали ошибку профессионального выбора еще в годы военного обучения, но для них это заканчивалось судом и зачислением в ряды "врагов народа". Поэтому свое желание жить полнокровной, духовно богатой жизнью двадцатидвухлетний лейтенант пытался реализовать, отстаивая право на образование, на поступление в любой вуз страны, помимо военной академии: "В какое гражданское учебное заведение военная молодежь в состоянии поступить, почему я лишен возможности окончить университет, институт, консерваторию? Т.е. формально я имею право, а практически положение дел говорит за другое, а сколько знал я молодых людей — музыкантов, поэтов, художников, которые были предоставлены сами себе, не выходя за рамки самодеятельности и не имея возможности совершенствовать свое призвание"[12].

Написанное им в адрес Политуправления РККА письмо — это выражение протеста против существовавших военных порядков, но, кроме того, и шаг отчаяния, смешанного с чувством смутной надежды на то, что оно поможет обратить внимание военно-политического руководства на необходимость обеспечения в армии условий, отвечающих запросам образованной части командного состава.

Однако власти истолковали это письмо по-своему. По оценке начальника Политуправления Л.З. Мехлиса, оно было "с ярко выраженными настроениями упадничества, есенинщины и дозой клеветы на РККА"[13], а потому было направлено им в Главную Военную прокурату-

ру для проведения следствия. После его окончания в прокурорском заключении отмечалось, что ни одного факта антисоветских высказываний со стороны лейтенанта выявлено не было, в связи с чем предлагалось дело Саулина прекратить. Письмо же оценивалось им как результат неумения лейтенанта справиться "с личными трудностями"[14].

Таким образом, власти так и не признали факта крайне неблагополучного состояния морально-психологического климата среди командного состава Красной Армии и существования объективной потребности его улучшения. Они привыкли решать проблемы с помощью методов насилия и полного подчинения личности. А тяжелое моральное состояние офицерского корпуса как раз и было обусловлено такими факторами, как репрессии, отсутствие права принятия самостоятельных решений, низкий авторитет командира и уровень его социального статуса, невозможность реализации творческого потенциала. Для снятия всех этих проблем властям было гораздо легче пойти по линии травли людей с достаточно высоким культурно-образовательным уровнем и "выравнивания" их с основной малограмотной массой. Однако моральное состояние командного состава непосредственным образом отражалось на боеспособности вооруженных сил. Низкий качественный уровень офицерского корпуса явился одной из важнейших причин поражений Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны.

Примечания

1. Исторический архив. 1997. № 5-6. С. 87, 89-90, 98; Армия и общество. 1900-1941 годы. Статьи, документы. М., 1999. С. 177.
2. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 29. Д. 410. Л. 108.
3. Там же. Л. 120.
4. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2-1). М., 1994. С. 84.
5. Армия и общество. 1900-1941 годы. С. 172.
6. Русский архив. Т. 13 (2-1), С. 85.
7. РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 410. Л. 121, 122.
8. Армия и общество. 1900-1941 годы. С. 170-171, 233-235, 246.
9. РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 410. Л. 127, 124, 125.
10. Армия и общество. 1900-1941 годы. С. 161.
11. Там же. С. 163, 165.
12. РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 410. Л. 122-123.
13. Там же. Л. 106.
14. Там же. Л. 128.

Ю.А. Перчиков

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ 1941-1945 ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОВОЛЖСКОГО КРАЯ)

Указанная тема в советской и постсоветской историографии получила довольно обстоятельное изучение[1]. Она подвергалась исследованию и в региональном аспекте, включая и Поволжский регион[2]. Однако многие ее стороны и сюжеты требуют дальнейшего изучения, обращая внимание на ее государственно-патриотические позиции и в разные периоды российской истории, включая и такую трагическую страницу, как Великая Отечественная война.

В середине 90-х годов эта проблема была предметом исследований на международных, межвузовских научных конференциях[3]. Кроме этого в эти же годы был опубликован ряд тезисов и статей источниковедческого характера[4]. В работе Е.Л. Храмковой дается историко-источниковедческий анализ литературы и документов о войне и здесь же имеется глава «Наука и культура», в которой рассмотрена роль интеллигенции Поволжья в годы войны[5]. В исследовании Н.П. Храмковой[6] показан вклад в победу учителей и преподавателей общеобразовательной и высшей школы Среднего Поволжья. Исходя из вышесказанного считаем, что в настоящее время имеется острая необходимость создания труда о всех слоях российской интеллигенции периода Великой Отечественной войны.

Цель данной статьи — показать вклад вузовской и академической интеллигенции в победу в годы борьбы с фашизмом.

С первых же дней войны интеллигенция активно включилась в выполнение задач, вставших перед государством и обществом. Советская наука определила свое место в рядах воюющего народа. В первые дни войны было принято обращение АН СССР к ученым всех стран о борьбе с фашизмом. Это обращение подписали 42 академика[7]. Главная мысль ученых состояла в том, чтобы сплотить все силы для защиты культуры от фашистских поработителей. При ГКО был создан научно-технический совет во главе с профессором С.В. Кафтановым.

По заданиям Наркомата обороны и военно-морского флота в научных учреждениях АН СССР разрабатывалось около 200 тем оборонного характера[8]. Конструкторское бюро в составе А.С. Бокаева, А.Д. Артющенко, А.Э. Скориуса, Д.М. Равича и других работало над новыми сортами пороха. Велись работы в области радиолокации и связи. В годы войны была организована группа ученых во главе с И.В. Курчатовым по

созданию атомного оружия. К исследованию привлекались крупные научно-исследовательские институты и крупные физики — Ю.Б. Харитон, А.П. Александров, Я.Б. Зельдович и другие. В 1943 г. на развитие науки государство выделило из госбюджетных ассигнований свыше одного миллиарда рублей. Увеличились расходы на научные изыскания Наркомата обороны и промышленных наркоматов. Выросла и численность сотрудников АН СССР[9]. В целом же научные работники оказали неоценимую помощь промышленности многочисленными экспертизами и консультациями.

Всю научную работу применительно к войне перестроили и вузовские учреждения. Осенью 1941 г. более ста научных работников Горьковского индустриального института выполняли задания по оборонной тематике[10]. Сотрудники Куйбышевского инженерно-строительного института проектировали строительство объектов ПВО и непосредственно руководили их сооружением. Оборонная тематика занимала ведущее место в научной работе экспериментальных кафедр и педагогических институтов г. Куйбышева[11].

Ученые вузов поддерживали тесную связь с производством. Так, при содействии кафедры физической химии Горьковского университета в 1941-1942 гг. на пяти заводах области были организованы лаборатории спектрального анализа, а это в пять-шесть раз сокращало время на производство анализа, сводило к минимуму расходы реактивов[12]. Объем исследований по заявкам заводов в Куйбышевском индустриальном институте возрос в 1945 г. по сравнению с довоенным периодом в пять раз. Институт обслуживал свыше 50 заводов не только Куйбышевской, но и других областей. В его лабораториях за годы войны было выполнено более десяти тысяч научно-технических анализов и испытаний[13].

Крупным центром научных исследований в годы войны являлся Горьковский медицинский институт[14]. Научная работа проводилась по профилактике инфекционных заболеваний, микробиологии, по внедрению новых способов переливания плазмы и крови, по предупреждению осложнений военной травмы и др. Ведущие профессора и доценты вуза непосредственно участвовали и в работе госпиталей. Среди них следует назвать такие имена, как А.А. Ожерельев, А.И. Гефтер, Х.И. Гаркави, А.А. Дикова, Н.И. Морозкин, Н.К. Никулитн, Н.М. Рыбаков, Б.А. Протопопов и другие.

Ученые-медики Поволжья выполнили сотни научных работ по актуальным вопросам медицины того времени. Например, в Куйбышевской военно-медицинской академии в 1941-1942 гг. медики занимались во-

просами военно-полевой хирургии и терапии, эффективного проведения операций при ранениях. Под руководством профессора М.В. Сергиевского Куйбышевский научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии организовал бесперебойное обеспечение армии противогангренными сыворотками и бакпрепаратами[15].

Большую работу проводили ученые Горьковского университета – профессора С.С. Станков, С.С. Четвериков, Н.П. Красинский. Из 46 человек профессорско-преподавательского состава ГГУ свыше 30 человек вели непосредственную оборонную тематику[16]. Научные работники ГГУ, в том числе профессора — Коренман, Грехова, Самойлович, доценты — Новосельцев, Котов, в годы войны осуществляли разработку новых технологических процессов на оборонных заводах и в лабораториях[17]. В 1943 году профессора Красинский, Андронов, Грехова получили премии Наркомпроса, а профессору Красинскому и членам его кафедры были объявлены благодарности председателем ВКВШ Кафтановым. Особым приказом по НКП был премирован профессор Нейман с группой сотрудников кафедры физической химии[18]. Сотрудники кафедры органической химии ГГУ разработали методику получения наркозного эфира из отходов производства одного из заводов. Этим была оказана помощь госпиталям. Первая партия эфира была получена в начале 1942 г. Затем он был испытан на кафедре фармакологии Горьковского мединститута и в ряде клиник и госпиталей г. Горького и в области, найдя практическое применение[19]. Многое было сделано коллективом кафедры физиологии растений ГГУ под руководством профессора Н.П. Красинского. По рекомендации кафедры вырабатывались можжевеловые экстракты, шедшие на приготовление сиропов, пряников, киселей, варенья, а также напитков: кваса, браги, портвейна, коньяка. В 1942 г. последнее название получило весьма высокую оценку на общественных дегустациях, а также в Наркомате пищевой промышленности, в Главспирте и в Главном управлении продснабжении РККА. Образцы можжевелового коньяка по самой высокой шкале оценил деятель науки по виноделию профессор Фролов-Багреев[20]. Таким образом труд ученых не пропал даром. Общественность и государство по достоинству ценило их усилия по укреплению единства фронта и тыла.

В период с 1942 по 1945 г. Горьковский институт эпидемиологии и микробиологии выполнил 45 научных работ, связанных с такими болезнями, как дизентерия, сыпной тиф, дифтерия и др. Число научных работников с 1941 по 1945 г. увеличилось с 13 до 28. За качественную ра-

боту врачу-эпидемиологу Горьковской областной малярийной станции Елисеевой было присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР»[21].

Ученые разных профилей и направлений, эвакуированные в г. Йошкар-Олу, осенью 1941 г. многое сделали в области научных изысканий. В Марийской республике находились такие видные ученые как академики: С.И. Вавилов, И.В. Гребенщиков, А.Н. Теренин. Многие из них за научные разработки стали лауреатами госпремий, а действительный член Всесоюзной академии сельхознаук им. В.И. Ленина мариец В.П. Мосолов получил такую же награду за внедрение в сельское хозяйство посадки картофеля верхушками клубней[22].

Немало новых идей и практических разработок сделали ученые сельскохозяйственных вузов по выращиванию сахарной свеклы, коксагыза, лекарственных растений[23]. Коллектив Горьковского сельхозинститута в течение всей войны удерживал переходящее Красное знамя Главвуза Наркомзема СССР и ЦК союза высшей школы и научных учреждений, а также среди десяти вузов г. Горького[24].

В 1943 г. комиссия АН СССР по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья на нужды обороны страны установила, что в пределах Татарии, Чувашии и Марийской АССР имеются все необходимые условия для дальнейшего увеличения урожайности сельхозкультур и роста поголовья животноводства. Причины снижения урожайности, по мнению комиссии, заключались в организационно-хозяйственных неполадках, которые были связаны с недостаточным вниманием советско-партийных властей и хозяйственников[25]. Но, думается, причины были гораздо сложнее, многие из которых лежали на поверхности.

К сожалению, в отечественной историографии, за некоторым исключением, почти совсем нее раскрыта проблема, связанная с жизнью, бытом интеллигенции[26]. Трудностей хватало, и с избытком, но государство делало немало практических шагов по улучшению их бытовых условий. Архивные источники это подтверждают. Так, бюро Горьковского обкома ВКП(б) 30 октября 1944 г. приняло постановление об укреплении материальной базы и улучшении материально-бытовых условий студентов и научных работников вузов и техникумов г. Горького. Это постановление обязало горисполком выделить в 1944/45 учебном году для профессорского состава и научных работников города шесть квартир[27]. В условиях жесткого финансирования государство не забывало и о высшей школе. Если в 1942 г. расходы по госбюджету страны на ее содержание сократились по сравнению с 1940 г. более чем в три раза, то

начиная с 1943 г. появилась возможность увеличения их с 2,4 млн. руб. в 1943 г. до 4,4 млн. руб. в 1944 году[28].

Необходимо отметить, что работники академических и вузовских учреждений внесли немалый вклад в виде материальных средств в разные фонды, на строительство военной техники. В годы войны прослеживалась тесная связь интеллигенции с производством, с широкими слоями народа. А последнее выражалось в том, что представители гуманитарной интеллигенции, а особенно историки, филологи, философы выступали в качестве лекторов и публикаторов материалов, раскрывающих героические и трагические страницы Российской истории.

Примечания

1. Савельев В.М., Саввин В.П. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1974; и др.
2. Баринов Д.Б. Проблемы изучения деятельности творческой интеллигенции России военного времени в отечественной историографии // Россия в 1941-1945 гг.: Проблемы истории и историографии. Межвуз. сб. науч. статей. Самара, 1995; Ежов В.А. Об изучении роли интеллигенции в Великой Отечественной войне; Маин В.Н. Эвакуированная интеллигенция – труженикам тыла; Гончар А.Н. Научный потенциал Ленинграда и его вклад в победу // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне. Сб. материалов науч. конф. СПб, 1995.
3. Маин В.Н. Общественно-политическая деятельность российской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны как историографическая проблема (на материалах изданий первой половины 90-х годов) // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Проблемы историографии. Сб. мат-ов международной науч. конф. СПб, 1996; Лебединский Г.Ф. Ученые г. Горького – фронту; Шальнов М.Ю. Деятельность художественной интеллигенции в военную пору // Горьковская область в Великой Отечественной войне: взгляд через 50 лет: Материалы науч.-практ. конф. Н. Новгород, 1995; Маин В.Н. Российская интеллигенция на защите отечества // Вторая мировая и Великая Отечественная война и современность / Российская науч.-практ. конф. Ч. 1. Уфа, 1996; Белозеров Б.П. Роль интеллигенции в развитии военной экономики // Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны: Материалы международн. науч. конф. Ч. 2. СПб, 1997.
4. Баринов Д.Б. Патриотическая деятельность художественной интеллигенции Поволжья в военный период — основные источники; Кузнецова О.В. Обзор архивных источников по теме: «Интеллигенция вузов Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны // Проблемы истории Великой Отечественной войны: Материалы межвуз. науч. конф. Вып. 3. Самара, 1996.
5. Храмкова Е.Л. Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): историография и источниковедение — проблемы. Самара, 1993. Кроме

этого проблемы науки (гл. 5), образования (гл. 6) рассмотрены этим же автором в докторской диссертации, защищенной в начале 1999 года. См.: Храмкова Е.Л. Россия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: проблемы историографии тыла. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999.

6. Храмкова Н.П. Культура Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Самара, 1993.
7. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. М., 1986. с. 116.
8. Савельев В.М. Саввин В.П. Указ. соч. С. 65
9. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 335; Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне. Нояб. 1942-1943. М., 1989. С. 272-273; Смена. 1991. № 3. С. 49-60
10. Горьковская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов и материалов. Горький, 1975. С. 69; Заметим, что ученые этого вуза иногда вкладывали часть своей зарплаты для осуществления научных экспериментов / Высшее образование в России: история, проблему, перспективы. Международ. науч. конф.: Тез. докл. Вып. 1. Ярославль, 1994. С. 192.
11. Храмкова Н.П. Указ. соч. С. 25-26.
12. Университет, рожденный октябрем. 1918-1978. Горький, 1978. С. 55.
13. Храмкова Н.П. Указ. соч. С. 25-26.
14. Госархив РФ (ГАРФ), ф. 8080, оп. 1, д. 1365, л. 2.
15. Храмкова Н.П. Указ. соч. с. 27.
16. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО), ф.3, оп. 52, д. 15, л. 69 об.
17. Там же, оп. 79, д. 29, л. 18.
18. ГА РФ, ф. 8080, оп. 1, д. 470, л. 87.
19. Университет, рожденный октябрем. С. 57.
20. Госархив Нижегородской области (ГАНО), ф. 1968, оп. 3, д. 34, л. 20 об., 21.
21. ГА РФ, ф. 428, оп. 47, д. 3717, лл. 15-17, 19-22, 24-25; д. 3481, л. 15.
22. Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. и материалов. Йошкар-Ола, 1967. С. 14-15.
23. Храмкова Н.П. Указ. соч. с. 27; Университет, рожденный октябрем. с. 57; Семенова И.Ю. Во имя жизни и победы. Горький, 1990. С. 9.
24. ГА РФ. ф. 8080, оп. 1, д. 1042, л. 1.
25. Савельев В.М., Саввин В.П. Указ. соч. С. 97-98
26. Дружинин Н.М. Труд и быт эвакуированных историков в 1941-1943 гг. // В годы войны. Статьи и очерки. М. 1985
27. ГОПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 368, л. 227
28. Храмкова Н.П. Указ. соч. с. 28-29; Перчиков Ю.А. Высшая школа Горьковской области в 1941-1945 гг. // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы. Международ. науч. конф.: Тез. докл. Вып. 1. Ярославль, 1994. С. 190

М.Ю. Шальнов

ВКЛАД ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УКРЕПЛЕНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(На материалах Волго-Вятского региона и Среднего Поволжья)

Художественная интеллигенция областей и автономий Волго-Вятского региона и Среднего Поволжья с первых же дней войны выразила горячую солидарность с братьями по оружию, со всеми, кто оказался жертвой фашистской агрессии. Так, народный поэт Мордовии Н. Эркай, посвятил братской Украине целый цикл своих военных стихов: "Встал Тарас", "Днепр", "Ночью на Днепре" и другие. Свою моральную поддержку украинскому народу оказал и татарский драматург Т. Гиззат, создав в начале войны пьесу "Ночной сигнал" о развертывании партизанской войны в республике. В целом в годы фашистского нашествия большинство литераторов, известных и менее известных, с большим уважением и особой гордостью писали о героизме и мужестве на фронте представителей иных национальностей. Так, И. Эренбург свой очерк "Татары" посвятил одной из татарских дивизий. Ратные дела башкирских фронтовиков стоят в центре внимания очерков К. Симонова "В башкирской дивизии". Наиболее понятным и убедительным способом активизации интернационального сознания, особенно в первые месяцы войны, явилось обращение к историческим корням дружбы и сотрудничества народов России, Советского Союза, их совместной борьбе против чужеземных завоевателей на протяжении многих веков. История русского населения Среднего Поволжья, а также история чувашей, марийцев, мордвы, татар давала немало примеров такого боевого братства.

Героико-историческая тема заняла ведущее место уже на первых военных выставках. Так, в Мордовии экспонировались картины "Мордва в войсках Степана Разина" М. Зернита, "Торговля мордвы с волжскими булгарами" М. Солдатова, "Въезд Пугачева в Саранск" Б. Рослонко. Тема участия народов Поволжья в крестьянских войнах в наибольшей степени отвечала пропагандистским задачам военного времени, поскольку учитывала национально-героические и интернациональные аспекты.

Образы предводителей крестьянских войн были широко представлены в фольклоре, литературе и искусстве. В марийской публицистике и драматургии первых лет войны широко освещались имена Мирона,

Мумарина, Байкея Тойкеева, Юкея Егорова и других национальных героев. Первая марийская патриотическая пьеса "Иван Шуст" И. Устинова и чувашская "Тудемер" Я. Усхая о героях крестьянских войн XVII-XVIII веков ставились национальными театрами уже в июле-октябре 1941 года.

Литература и искусство, несомненно, являлись наилучшим средством воспитания национально-патриотических чувств и настроений. Обращение к истокам народных традиций, фольклору, национальному колориту и национальным характерам усиливало патриотическую и интернациональную пропаганду и агитацию. Отлично понимали это и многие руководящие политические работники в армии. Начальник Главного политического управления Советской Армии А.С. Щербаков в августе 1943 года на митинге агитаторов нерусской национальности подчеркнул особую важность в воспитании патриотических чувств бойцов постоянного обращения к художественным произведениям о героическом прошлом каждого народа[1]. К этому времени под редакцией ГЛАВПУРа была издана массовым тиражом в портативной форме библиотека национального героического эпоса народов СССР.

Партийные и советские органы в тылу также стремились активизировать работу по созданию актуальных патриотических произведений на материалах национальной истории. Так, в Мордовии местные власти приняли самое деятельнее участие в создании двух музыкально-фольклорных патриотических спектаклей "Литова" и "Несмеян и Ламзурь". Для этого были задействованы все лучшие художественные силы автономной республики.

Активно пропагандировались исторические сюжеты и об участии татар, марийцев, мордвы, чувашей в борьбе русского народа с иноземными завоевателями России, они нашли отражение, в частности, в пьесе горьковского писателя В. Костылева "Козьма Минин", в многочисленных очерках и рассказах татарского литератора К. Наджми.

В годы Великой Отечественной войны, особенно на фронте, было не принято проводить грань между национальным и интернациональным. Одно естественно дополняло и даже подразумевало другое. Вместе с тем было бы крайне неверно утверждать, что проблемы межнациональных взаимоотношений тогда отсутствовали или решались всегда правильно и справедливо. Разумеется, это не так. Были в то время и лакейски служившие оккупантам и националистические воинские формирования, были (во многом как следствие этого) несправедливые и жестокие сталинские репрессии против целых народов.

И все же упомянутые негативные явления не были в войну доминирующими, определяющими межнациональные отношения. Более распространенным, характерным в 1941-1945 годах было взаимное уважение людей различных национальностей, их постоянное прочное сотрудничество и содружество в тылу и на фронте в смертельной схватке с общим врагом — фашизмом.

Это естественно вошло и в художественное творчество той поры. Исследователи литературы военных лет справедливо установили большую тематическую и эмоциональную общность между произведениями писателей различных республик. Так, в рассказе "Семья" чувашской журналистки и писательницы М. Трубиной и очерке мордовского литератора Р. Радаева "Озверелой собаке — смерть" оказалось немало общего в сюжете, в особенностях повествования, судьбах героев. В одинаковой эмоциональной манере создавались и многие военные стихи

Руководитель фронтовой бригады марийской государственной филармонии П. Тойдемар отмечал еще одну важную особенность интернациональной жизни во время войны: национальные песни, танцы народов СССР на фронте и в тылу воспринимались всеми одинаково тепло, независимо от того, какой национальности были слушатели или зрители. "После концертов нас, артистов, — вспоминал он, — окружали по нескольку человек и говорили с нами по-марийски, по-чувашски, по-башкирски, по-русски и выражали свою беспредельную радость каждый по-своему"[2].

Совместная работа сблизила деятелей литературы и искусства различных национальностей. В армейской газете "На разгром врага" длительное время бок о бок трудились мордовский поэт П. Гайни и чувашский поэт П. Ильбеков. Одновременно под Сталинградом военными корреспондентами начали боевой путь горьковский поэт М. Шестериков и его коллега по перу из Чувашии Я. Ухсай.

В Кирове активно сотрудничали русские и латышские писатели. Кировский поэт и журналист В. Заболотский вспоминал, что неоднократно бывал в гостях у А. Упита, А. Саксе, подолгу беседовал с ними, вместе готовил литературное вечера в областной библиотеке им. А.И. Герцена[3]. Редактором чувашского книжного издательства в годы войны работал активный участник революционного движения в буржуазной Латвии поэт Л. Закс, там вышел его сборник патриотических стихов "Счет мести". В Горьком некоторое время находился другой латвийский писатель — Я. Грант, кроме того, туда неоднократно приезжали и литовские писатели, в мае 1942 года в Балахне (Горьковская область) начало выхо-

дить литературное приложение к газете "Тевине шаукля" ("Родина зовет") — органа литовского соединения Красной Армии[4].

Эвакуация в Среднее Поволжье многих видных деятелей литературы и искусства заметно обогатила культурную жизнь этого региона.

Перед трудящимися Татарии выступали Л. Леонов, П. Антакольский, Д. Бедный, зарубежные писатели-антифашисты Джованни Джерманетто, Леон Пастернак, Жан Ришар Блок[5].

В областях и автономных республиках Поволжья бок о бок работали различные национальные театры. Украинский музыкально-драматический театр, длительное время находившийся в Чувашской АССР, показал такие пьесы, как "Назар Стодоля" Т. Шевченко, "Наталка Полтавка" И. Котляревского, "Партизаны в степях Украины" А. Корнейчука. Актер чувашского драматического театра Н. Виноградов свидетельствовал, что образы и характеры украинских людей, воплощенные на сцене его коллегами с Украины, помогли ему в создании образа Платона Кречета[6].

Заметно обогащала профессиональный уровень артистов белорусского и горьковского театров оперы и балета их совместная работа в, Горьком в 1942-1943 годах. Впервые на горьковской сцене были показаны "Белоруссиана" — сценический монтаж из национальных хоров и плясок, "Купальная ночь" — музыкальное народное представление, опера "Алеся" — о борьбе белорусских партизан с фашистскими оккупантами[7].

Эвакуированные писатели, художники, композиторы, актеры и режиссеры сами нередко с большим интересом изучали национальную культуру той республики, где им приходилось работать. Известный эстонский писатель Оскар Ургарт, проживавший в эвакуации в Татарии, в одном из писем татарским друзьям сообщал, что все свободное время с удовольствием отдает изучению татарского языка и литературы, намерен ознакомить с произведениями татарских авторов и своих земляков[8].

Межнациональные культурные связи в годы войны устанавливались не только в результате эвакуации. Во многих творческих коллективах, как-то в марийском и чувашском драматических театрах, в союзе писателей Татарии, пристальное внимание уделялось переписке и другим формам культурного сотрудничества. Татарские литераторы имели обширные связи с башкирскими, узбекскими, азербайджанскими коллегами по перу, прежде всего их роднила близость языков, народных традиций.

Управления по делам искусств всех областей и автономий Поволжья, несмотря на все трудности организации гастрольных поездок, посылали свод художественные коллективы в различные тыловые районы страны, принимали на гастроли актеров других областей и республик. Концертными бригадами обменивались Чувашия и Мордовия, Горьковская область и Марийская АССР, Татария и Пензенская область. Во время войны только в Горьком побывали десятки национальных концертных бригад, среди них джаз "Молдавия", хоровая академическая капелла Латвийской ССР и многие другие. Куйбышевская филармония в 1943-1944 годах провела несколько вечеров, посвященных искусству союзных республик Средней Азии.

В военную пору не прекращалась работа по переводу лучших произведений литературы с одного языка народов СССР на другой. Немалый вклад в это первоочередное дело межнационального культурного обмена внесла и художественная интеллигенция. Так, русский писатель Чувашии В. Алатырцев удачно перевел стихи классиков чувашской советской поэзии М. Сеспеля, К. Иванова, С. Макарова, М. Мухина, поэму Я. Ухсая "Тудемер" и многое другое. Поэт Д. Лесь из Йошкар-Олы перевел немало произведений марийских авторов. В свою очередь многие литераторы коренной национальности автономных республик Среднего Поволжья занижались переводом о русского. Чувашский поэт С. Шавлы за два первых года перевел на родной язык четырнадцать былин о русских богатырях[9]. Способствовали организации перевода и многие сотрудники местных издательств. На марийском языке в художественном переводе сотрудников Маргосиздата только в 1943 году вышли "Радуга" В. Василевской, стихи М. Исаковского, И. Уткина, песни В. Лебедева-Кумача.

Между тем с переводами далеко не все обстояло благополучно. Большая часть художественных произведений национальных авторов из автономных республик не была знакома русскому читателю, недостаточно переводилось и с русского. Большинство авторских переводов выполнялось некачественно, на что постоянно обращала внимание комиссия по делам национальных литератур при правлении Союза советских писателей, занимавшаяся их анализом.

Проблема переводов волновала многих как в самих автономных республиках, так и в Москве. В марте 1942 г. газета "Литература и искусство", заменившая в войну "Литературную газету", указала на то, что произведения национальных авторов «являются художественным достоянием того народа, на языке которого они написаны", но "они должны

быть переведены на языки других народов и прежде всего на русский язык. Такая книга на фронте имела бы огромное значение, крепила бы братскую дружбу народов Советского Союза"[10].

Помимо переводов в развитии межнациональных культурных связей важное место занимали и задачи распространения художественной и иной литературы за пределами своих республик, в том числе и на родных языках. Особо остро эти проблема стояла для татар и мордвы, большинство которых проживало вне своих автономий. Однако для ее решения требовалось резко увеличить тиражи выпускаемых книг, журналов, что в условиях войны не представлялось возможным.

Большая часть выделяемых на культуру средств с 1943 года шла на восстановление театров, других учреждений искусства в освобожденных районах. Все художественные коллективы тыловых районов страны принимали активное участие в этом важнейшем деле.

Артисты Куйбышевского театра оперы и балета и начале 1943 года обратились ко всем работникам искусств страны с призывом открыть при Всесоюзном комитете по делам искусств текущий счет на восстановление учреждений культуры освобожденных районов. Сами куйбышевцы обязались к 1 мая текущего года внести на этот счет 100 тыс. руб. Они не только выполнили свое обязательство, но и передали своим коллегам обширный нотный материал[11].

Коллективы театров, филармоний выделяли агитаторов и пропагандистов для разъяснения положения в освобожденных районах, ими приводились данные об ущербе, нанесенном советской культуре фашистскими варварами. На собрании коммунистов Чувашского драматического театра 20 мая было принято решение поставить несколько спектаклей, сбор от которых направлялся пострадавшим театрам Украины. Собрание призвало весь коллектив активно включиться в это мероприятие, а ход поступлений в этот фонд отражать в стенной печати[12]. Партийная организация кировского театра драмы в конце ноября 1943 года мобилизовала всех творческих работников и обслуживающий персонал на активную помощь культурно-просветительным учреждениям Донбасса. На вырученные от спектаклей средства было решено закупить музыкальные инструменты и послать их в подарок горнякам[13]. Многие деятели литературы и искусства помогали областным и республиканским библиотекам в комплектовании книжного фонда, направляемого для библиотек освобожденных районов.

Таким образом, приведенный выше анализ основных направлений межнационального сотрудничества в области литературы и искусства в

1941-1945 годах позволяет сделать вывод, что деятели художественной культуры творческой и общественной работой всемерно помогали укреплению дружбы и взаимопонимания между советскими народами.

Примечания

1. РЦХИДНИ, ф. 88, оп. 1, д. 88, л. 8-14.
2. Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. Йошкар-Ола, 1967. С. 217.
3. Материал взят из личных бесед автора с поэтом В. Заболотским.
4. Культурная жизнь в СССР (1941-1945). Хроника. М., 1977. С. 53.
5. Красная Татария, 1941 9 ноября; 26 декабря.
6. Ванюшкин К.И. Художественное освоение русской культуры в театральном искусстве Чувашии и проблема взаимодействия национальных театров.: Дис... канд. искусств. наук. М., 1968. С. 184.
7. ЦДНИНО, ф. 130, оп. 1, д. 12, л. 6.
8. ЦГА ТР, ф. 7013, оп. 1, д. 138, л. 113.
9. Красная Чувашия, 1943, 25 декабря.
10. Литература и искусство, 1942, 12 января.
11. Сабирзянов Г. По законам дружбы и братства. Казань, 1974. С. 16.
12. ЦДНИЧР, ф. 609, оп. 7, д. 8, л. 21.
13. ЦДНИ КО, ф. 5195, оп. 1, д. 1, л. 32.

И.В. Макаров

ГОРЬКОВСКАЯ ЕПАРХИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В предвоенные годы положение Русской Православной Церкви на территории Горьковской области было достаточно трагичным. В архивных документах есть переписка с райисполкомами по вопросу открытия церквей и сведений о наличии их. Например, из статистики по Семеновскому району следует, что большинство сельских церквей было закрыто в 1938 году. Решение было принято самим облисполкомом, так как положительного мнения общего собрания в 80% случаев не было. Собственно, и до конца войны большинство церквей продолжало использоваться под школу, клуб, склад, контору, водонапорную башню и т.д.[1]

В канун войны усилился поток жалоб верующих и служителей культов по Горьковской области. Например, жалобы Бачихинского церковного совета на незаконное отобрание ключей от церкви председателем

сельсовета[2]. В селе Палец, несмотря на то что верующими была полностью оплачена аренда за церковь, квартиры и ограду, их выгнали с церковной территории. Также колхоз присвоил себе квартиры церковной общины[3].

Жалобы верующих на местный произвол практически никогда не удовлетворялись, однако еще большему насилию подвергались сами священники. Перед началом войны волна репрессий против духовенства снова начала возрастать. Священнослужителям, желавшим стать во главе прихода, угрожали тюрьмой. Если все же духовное лицо добивалось от властей разрешения на регистрацию, то тем не менее оно должно было пройти через всеохватывающее и унизительное анкетирование[4].

Рассматривая блок церковных документов за те годы, можно констатировать высокую степень религиозности сельского населения. В годы жесточайших преследований религии, как в столичные, так и в местные инстанции поступало огромное количество писем, заявлений, ходатайств, проникнутых искренней верой, написанных часто неграмотным неразборчивым подчерком. Власть, особенно на местах, небезосновательно боялась, что информация о большой религиозности населения станет известна центральным властям. Советская система использовала различные приемы борьбы с религией. Вера наших предков искоренялась взрывами храмов, истреблением священников, атеистической пропагандой. Местные власти прибегали к своим методам: ко всеместному закрытию храмов якобы "по просьбе верующих". В ряде случаев они давали заведомо ложную информацию в центр. К так называемым "ходатайствам о закрытии храмов" порою прилагали списки лиц, находившихся в армии и даже несовершеннолетних детей. Таких фальшивок в нижегородском архиве встречается немало, хотя документов, подтверждающих "ходатайства" верующих о закрытии храмов, в архиве не обнаружено. Подобная фальсификация документов была отлично известна чиновникам облисполкомов. Они сами стремились закрывать церкви в Горьковской области любыми средствами, но часто подлог был столь очевиден, что вышестоящие чиновники вынуждены были обращать на это внимание.

В годы войны подобная политика по отношению к Русской Православной Церкви продолжалась. В Горьковской области закрывались культовые здания, вопреки многочисленным заявлениям верующих с просьбой сохранить хотя бы оставшиеся действующие храмы. Верующие Троицкой церкви Холязинского сельсовета Большемурашкинского района Горьковской области писали в облисполком о том, что церковь

нужна им "для богослужения выполнения треб". Власть не разрешала проводить им службу в церкви, несмотря на то, что, как указывали верующие, все налоги и страховки были уплачены вовремя[5].

В феврале 1944 года исполком облсовета отклонил ходатайство верующих об открытии церкви в селе Богоявленском Ветлужского района Горьковской области "в связи с тем, что в Ветлужском районе уже имеется функционирующая церковь"[6]. По официальным данным в Горьковской области общее число действующих церквей к 1945 году составило 23. За 1944 год в местные советские органы поступило 350 ходатайств. Однако чаще всего они не удовлетворялись властями.

Несмотря на подобное отношение к себе, верующие Горьковской области с воодушевлением откликнулись на воззвание Патриаршего Местоблюстителя от 22 июня 1941 года, призвавшего все духовенство и верующих все возможные материальные средства направить на помощь Родине.

Горьковчане по примеру своих патриотов-предков приступили к сбору средств, но на этот раз уже от фашистских захватчиков. Верующие несли деньги и облигации, сдавали лом металлов: серебра, меди и т.п. Более чем на шесть тысяч рублей было сдано обуви, белья и полотна[7].

Организованный сбор средств на подарки для бойцов ко дню Красной Армии 1942 года дал более тридцати тысяч рублей. На выпуск денежно-вещевой лотереи церковный совет внес в том же году тридцать пять тысяч рублей.

Тяжкие испытания войны лишь укрепляли религиозные чувства и патриотический порыв верующих горьковчан. Только за одну Пасхальную неделю 1942 года было собрано сто тысяч рублей.

С начала Великой Отечественной войны в среде горьковского духовенства выдвинулись священнослужители-патриоты, немало способствовавшие сбору средств для обороны страны. Это прежде всего протоиерей Александр Архангельский, часто выступавший с речами, направленными к разным местным приходам, целью которых было увеличение посильной помощи, которую мог оказать клир г. Горького. Лично от себя он внес в 1942 году сто тысяч рублей. А в 1943 году он внес на постройку эскадрильи им. Александра Невского еще двести тысяч рублей. Нам также известны имена членов церковного совета Троицкой церкви г. Горького, немало потрудившихся по сбору средств на увеличение мощи Советской Армии. Это Сергей Яблоков, Анна Клячина, Димитрий Высоков[8].

Средства в фонд обороны шли также и из области. Так, 24 августа 1942 года церковно-приходской совет верующих общины Смолинского храма села Выездного Арзамасского района Горьковской области постановил внести в фонд обороны единовременно пятьдесят тысяч рублей[9]. А 4 ноября приняли решение весь доход, который окажется в церкви в день 25-летия Октября, также перечислить на нужды фронта. И кроме этого приступить к сбору теплых вещей для Красной Армии[10].

К декабрю 1942 года общинами верующих в г. Горьком было собрано уже свыше 2,5 млн. руб.[11]. Из отчета епископа Зиновия, викария Горьковской епархии, нам известно, что верующими и духовенством Горьковской области на нужды, связанные с войной, было внесено за первое полугодие 1944 года около 2 млн. руб.

К марту 1943 года верующими горьковчанами было внесено на оборону страны 3 млн. рублей. Одновременно к этой сумме на постройку эскадрильи им. Александра Невского довнесено 500 тыс. руб. На это была получена телеграмма с благодарностью от Сталина[12].

Таким образом, пожертвования по Горьковской области на военные нужды поступали чрезвычайно регулярно и только за первые три года войны составили 9,5 млн. руб.[13]

Примечания

1. Государственный архив Нижегородской области (далее ГАНО). Ф. 3074, оп. 1, д. 3065, лл. 11-14.
2. Там же. Д. 1772, л. 1.
3. Таж же. Л. 12.
4. Таж же, д. 2418, л. 12.
5. Перчиков Ю.А. Из истории Русской Православной Церкви накануне и в годы Великой Отечественной войны // Религия и церковь в культурно-историческом развитии русского севера. Материалы международной научной конференции. Т.1, Киров, 1996. С. 384.
6. ГАНО. Ф. 3074, оп. 1, д. 3065, л. 4.
7. ГАНО. Ф. 3074, оп. 1, д. 2922, л. 88.
8. Там же. Ф. 3112, оп. 2, д. 54, л. 115.
9. Там же. Ф. 3074, оп. 1, д. 2922, л. 87.
10. Там же. Д. 2922, л. 108.
11. Там же. Д. 2922, л. 87.
12. Там же. Ф. 3112, оп. 2, д. 54, л. 110.
13. Якунин В.Н. За веру и Отечество. Самара, 1995. С. 53.

Т.А. Медведева

ДИССИДЕНТЫ 60—80-Х ГОДОВ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Правозащитное движение, его смысл и последствия за последние годы оцениваются в режиме маятника: от восторженного восхваления до резкой критики и обвинений в "развале СССР и потере реальных достижений социализма". Упрекают бывших диссидентов и в том, что их голос не слышен сегодня.

Как известно, диссиденты (от *лат.* dissidens — инакомыслящий, несогласный) — термин, который сначала западная, а затем и советская печать с середины 70-х годов применяла к лицам, открыто выражавшим свое несогласие с официальной идеологией и политикой. В литературе их также называют правозащитниками, инакомыслящими. Однако существует определенное различие между инакомыслием и диссидентством. Первое — это образ мыслей, второе — тип социального поведения. Диссидент — это не только инакомыслящий человек, но и активно заявляющий о своем несогласии, открыто критикующий официальную политику в тех или иных сферах общественной жизни.

Общеизвестно и другое, что диссидентство не стремилось стать ни политической оппозицией, ни тем более политической партией. Попытки поставить вопрос о политических перспективах движения успеха не имели. У диссидентов никогда не было общей программы. Политические взгляды каждого были его личным делом.

Среди диссидентов были марксисты (Р. и Ж. Медведевы, П. Григоренко, А. Костерин, С. Писарев). Трое последних, например, всегда подчеркивали свою преданность не просто идеям социализма, но и более конкретно — идеям ленинизма. Они боролись, как утверждали, против его извращения и деформации. Не случайно организация, созданная П. Григоренко еще в период хрущевской "оттепели", называлась "Союз борьбы за возрождение ленинизма".

Другие, например В. Буковский, В. Чалидзе, А. Краснов-Левитин, критиковали не только марксизм-ленинизм, но и вообще идею социализма. Это — открытые антикоммунисты. Сторонники либеральной идеологии (А. Сахаров, Ю. Орлов, П. Литвинов и др.) выступали за демократическое общество западного типа. Приверженцы христианской идеологии (И. Огурцов, Е. Вагин) вынашивали идеи национально-религиозного возрождения России, возвращения к христианским нравственным принципам. Существовали и другие группы: "националистов" — людей, боровшихся за права своих народов (крымско-татарское дви-

жение за возвращение в Крым, еврейское движение за выезд в Израиль, украинское, грузинское, литовское и т.д.) появились религиозные диссиденты — православные, адвентисты, пятидесятники и др.[1]

При всех идейных различиях общей была их гражданская и нравственная позиция — "жить не по лжи". Поначалу движение так и называлось — "движение нравственного сопротивления". Но прижилось более простое и конкретное название — "правозащитное движение". Диссидентов всех направлений объединяли идеи нетерпимости к тоталитаризму и всем его проявлениям, борьба за гражданское общество, в котором человеку гарантированы все его права и свободы. Не случайно их общим лозунгом было обращение к властям с требованием соблюдать собственную Конституцию, где все эти права были прописаны.

Диссиденты 60-70-х годов не разработали подробных программ перехода от тоталитаризма к демократическому обществу. Они не боролись за власть и не собирались брать эту власть впоследствии. Поэтому-то бывших диссидентов так мало на сегодняшней политической арене.

Они просто не молчали, видя преступления и злоупотребления режима. Определение Сахарова — "узники совести" объясняет, почему эти люди вступили на опасный путь правозащиты. Это была попытка свободного существования в несвободной стране, бунт индивидуализма. Поэтому и сажали их в лагеря и психушки, не разбирая, кто — либерал, кто — социалист, кто — националист, не столько за их политические идеи и убеждения (о которых огромная страна мало что знала), сколько за то, что они отказывались молчать.

По сути, в те годы инакомыслящими были практически все. Но у себя на кухне. Интеллигенция, страдая от несвободы, критиковала бездарность и злоупотребления властей, читала "самиздат", а простой народ рассказывал антисоветские анекдоты. По образному выражению И. Мильштейна, диссиденты первыми шагнули из кухни на площадь[2]. Иногда всего на три минуты. Как это было 25 августа 1968 года на Красной площади, когда семеро диссидентов в знак протеста против ввода войск Варшавского договора в Чехословакию подняли плакаты: "За вашу и нашу свободу". Затем были годы ссылки, но те семь правозащитников понимали: за свободу надо платить.

Что это — донкихотство? Не случайно Дон-Кихотами XX века называют и А. Сахарова, и П. Григоренко. Как объяснить, что заставило этих людей, имевших практически все: деньги, почет, уважение, любимую работу, бросить все и встать на путь противостояния с тоталитарным режимом? Раньше это объяснялось просто. Диссидентов объявляли

психически ненормальными людьми, неудачниками, отщепенцами и прочее. "Жадные, корыстные, подлые, лицемерные" — вот далеко не полный перечень эпитетов, которыми наградил Н.Н. Яковлев советских диссидентов[3].

Диссиденты раздражали и до сих пор раздражают многих. Так, А. Коцюбинский в статье "Стоит ли канонизировать разрушителя?", задавшись вопросом, "почему недавнее крушение социалистической империи не привело ни к торжеству большинства диссидентских идей, ни к политическому успеху самих диссидентов", предлагает следующий ответ: "Психологический склад этих людей не позволил им проявить ту меру идеологической гибкости, которая необходима для успешной политической борьбы. Кроме того, отгороженные на протяжении долгих лет андроповской решеткой от остального общества, диссиденты оказались неспособными в критический момент отыскать ни одной по-настоящему конструктивной и привлекательной программной разработки". И далее: "Движение правозащитников явилось кислотой, которая по мере возможности разъедала великую коммунистическую государственность, отнюдь не создавая при этом никаких по-настоящему прочных основ для нового, идущего ей на смену миропорядка". Поэтому-де нам и не стоит "в очередной раз канонизировать тех, кто фанатично разрушал, не имя способности ничего строить взамен"[4].

Конечно, канонизировать диссидентов не стоит, как не стоит оценивать все это движение в черно-белых тонах. Оно было слишком разнолико, объединяло очень разных людей, движимых разными побуждениями. Среди диссидентов были яркие и талантливые люди, осознавшие губительность существовавшей системы для страны, но были и такие, кто будет всегда воевать против любой власти и любой системы, были озлобленные люди с изломанной судьбой и неустойчивой психикой.

Д.И. Каминская, известный московский адвокат, защищавшая В. Буковского, Ю. Галанскова, А. Марченко, Л. Богораз, П. Литвинова, М. Джемилева, И. Габая, разделявшая их взгляды и убеждения (за что в конце концов была исключена из коллегии адвокатов и вынуждена эмигрировать), пишет: "Иногда мне казалось, что некоторых из них слишком увлекает сам азарт политической борьбы. Разговаривая с ними, я явно ощущала, что, борясь за свободу высказывания своих мнений, они в то же время недостаточно терпимы к мнениям и убеждениям других людей. Недостаточно бережно, без необходимой щепетильности распоряжаются судьбами тех, кто им сочувствует.

Помню, как-то после одной такой беседы я, вернувшись домой, сказала мужу: "Знаешь, они, конечно, очень достойные и мужественные люди, но когда я подумала, что вдруг случится так, что они окажутся у власти, — мне этого не захотелось"[5].

Более важен другой вопрос: насколько было опасно и разрушительно для тоталитарного режима диссидентское движение? Предопределило ли оно крах существовавшей системы?

Прежде всего, необходимо выяснить, каков количественный состав участников правозащитного движения. Данные приводятся очень различные. Р. Медведев, например, предполагает, что счет шел на тысячи человек. По его подсчетам, в 1967-1982 гг. по "чисто" политическим статьям УК РСФСР и других республик было арестовано около 10 тыс. человек[6]. В. Буковский также считает, что диссидентов на весь Советский Союз было не больше 10 тысяч человек, и то с большим преувеличением[7].

Однако на конференции "Диссидентское движение в СССР 50-80-х годов", которая проходила в 1992 году, прозвучали иные цифры: с 1967 по 1974 год получили профилактическое предупреждение прокуратуры 121 406 человек, "которые либо вынашивали вредные настроения, либо допускали политически вредные проявления"[8]. Думается, что вряд ли всех их можно считать диссидентами и первая цифра более достоверна. На многомиллионный Советский Союз эта группа людей, работавшая в подполье, вряд ли могла оказать решающее влияние. Говоря словами классика, "узок круг этих революционеров и страшно далеки они от народа".

Вряд ли можно прямо сказать, что так же, как декабристы разбудили Герцена, так диссиденты — Горбачева. Но косвенная связь, безусловно, есть. А. Зиновьев считает, что "диссидентское движение не имело большого влияния на массы населения, но имело огромное влияние на партийно-государственную верхушку, на привилегированные слои. Это факт, что в те годы дети высших чиновников имели дома коллекцию книг Солженицына, могли позволить себе читать все, что угодно. Советское общество разлагалось сверху, прежде всего в лице тех, кто делал карьеру за счет пропущенного поколения, убитого на войне, поколения, успевшего захватить кусочек революционной романтики, идеализма. Самую значительную роль сыграла либеральная интеллигентская фронда. Авторитеты были выбраны на Западе, выбраны очень умело и толково. Солженицын, Сахаров, Шафаревич..."[9]

И все же, как справедливо отмечает Э. Клямко, диссидентский фактор не был главным в разрушении существовавшей системы. Политические события 1985-1993 годов произошли бы и без правозащитного движения. Наивно думать, что идейное наследие правозащитничества (а как движение оно было практически ликвидировано уже к 1980 году) могло стать причиной того, что разветвленная, хорошо организованная властвующая номенклатура страны не оказала никакого сопротивления митингующим политикам и публицистам. В обществе после 1985 года параллельно шли два процесса: публицистический бум — для народа и дележ государственной собственности — для номенклатуры.

Поэтому танки уползли из Москвы в августе 1991 года не под давлением митингующей толпы, не из-за страха перед автоматом в руках М. Ростроповича. Танки увели толковые люди власти, уже знающие всю личную выгоду от происходящего. Материальные интересы сыграли главную роль, а не подрывная деятельность всяких разных диссидентов-отщепенцев. Иначе говоря, буржуазную революцию 1991 года совершила современная коммунистическая элита, прикинувшись побежденной демократическим движением с лозунгами тех же правозащитников[10].

Однажды мудрый В. Шкловский сравнил русскую интеллигенцию с жеребцом-пробником. Он, молодой и полный энергии и задора, охмуряет кобылу, а затем к ней подпускают деловитого производителя. Вот так же использовали и диссидентскую интеллигенцию после 1985 года.

И теперь, вполне логично, бывшие диссиденты опять стали диссидентами и в современной России. За редким исключением, они не вошли в состав новой номенклатуры и разделились на множество оппозиционных политических партий и движений. Но подавляющая их часть выступают на политической сцене (у нас и из-за границы) в качестве беспартийных интеллектуалов, критически оценивающих происходящее. Примеров масса: достаточно взять проникнутые болью за судьбу постсоветской России публикации А. Зиновьева, В. Максимова, П. Абовин-Егидеса, П. Литвинова, Ю. Вишневской, А. Синявского и др.[11]

Что же их не устраивает в режиме нынешнем? Разрушение страны, ее экономики, культуры, все то, что В. Максимов определил одним словом — растление. Растление на всех уровнях и во всех сферах[12]. Максимов и Абовин-Егидес даже открыто в печати предложили президенту Ельцину после кровавых событий 1993 года у Белого дома благочестивый выход — уйти в монастырь замаливать свои грехи перед народом[13].

За прошедшие пять лет поводов для пострижения в монахи у президента стало гораздо больше. Но вот только возможности у бывших диссидентов открыто сказать об этом становится все меньше.

Практически в информационной блокаде находится Солженицын. В статье "К нынешнему состоянию России" Солженицын пишет: "Создалась устойчивая и замкнутая олигархия на 150-200 человек, управляющая судьбами страны. Таково точное название нынешнего российского государственного строя. Это — не выросшее из корней государственное дерево, а насильственно воткнутая сухая палка или, теперь уже, железный стержень. Членов этой олигархии объединяет жажда власти и корыстные расчеты — никаких высоких целей служения Отечеству и народу они не проявляют"[14].

Вот эти-то 150-200 человек плюс их идеологическая обслуга и блокируют не только Солженицына, но других критиков политики нынешних властей.

В 1998 году тиражом всего в 15 тысяч экземпляров вышла брошюра А. Солженицына "Россия в обвале". И сразу в правительственной "Российской газете" тиражом свыше 440 тысяч экземпляров появилось на всю полосу открытое письмо А. Афанасьева "Пророк и Отечество: В чем трудно согласиться с Александром Солженицыным". Можно по-разному оценивать позицию и деятельность писателя, но нельзя не понять и другого: столь резкая критика Солженицына вызвана прежде всего его крайне негативными оценками нынешнего состояния России и деятельности властей[15].

Но и сегодня бывшие диссиденты остаются разными людьми, как и в начале становления правозащитного движения. Кто-то из них считает, что нынешняя российская действительность уже в значительной степени реализовала идеи правозащитников 70-80-х годов. Часть бывших участников диссидентского движения, давно живущих за рубежом, вообще очень отстраненно относится к ситуации в современной России. Достаточно привести красноречивое высказывание в одном из интервью В. Аксенова: "Я уверен, что гайдаровский пинок в задницу матушке России очень полезен"[16]. Может быть из-за сытого "бугра" так оно и выглядит, тем более что пинок-то миновал свой собственный зад.

В последние годы в адрес российских правозащитников высказывается целый ряд обоснованных претензий. Как образно подметил А. Кива, многие диссиденты повели себя подобно тем японским самураям, которые десятилетия спустя после окончания второй мировой войны

продолжали оставаться в джунглях на Филиппинах, полагая, что война с американцами все еще продолжается.

Уже нет СССР, а они все еще говорят об "имперском центре", "русском империализме", отстаивая, скорее, интересы чеченских или иных сепаратистов, белорусских или украинских националистов, нежели национально-государственные интересы России. Видный правозащитник С. Ковалев все еще воюет с Советским Союзом. А другой диссидент, В. Абрамкин, уже после развала СССР выпустил книгу под названием "Как выжить в советской тюрьме. В помощь узнику"[17]. В то время как больше пользы принесла книга с другим названием: "Как выжить в постсоветской России. В помощь простому россиянину." Можно критиковать солженицынскую программу обустройства России, но нельзя не признать, что нынешние правозащитники, как и диссиденты 60-80-х годов, не предложили никакой иной.

Общий вывод, на наш взгляд, такой: в настоящее время правозащитное движение в том виде, в каком оно существовало в советский период, функционировать не может. Выполнять только роль трибуна и обличителя сейчас уже недостаточно. В переломные исторические периоды роль интеллигенции, в том числе и диссидентской, не должна сводиться к одному лишь отрицанию. Постсоциалистической России требуются прежде всего создатели новых концепций общественного развития, носители свежих прогрессивных идей, стимулирующих социальный прогресс.

Кроме того, в российском обществе, как и в советском, нет диалога между властью и гражданами. Власть живет по-прежнему отгородившись от общества и привычно пренебрегая общественным мнением. В стране нет и сейчас механизма влияния общества на власть, хотя издан президентский указ "О некоторых мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации". Современным правозащитникам предстоит бороться за его реализацию так же, как их предшественники боролись за соблюдение прежними властями гуманитарных статей Хельсинкских соглашений. На наш взгляд, место и роль современного правозащитника — в посредничестве между властью и обществом, в борьбе за подлинную демократию.

В-третьих, спор начала 90-х годов: должны ли правозащитники заниматься социально-экономическими правами сограждан, их социальными гарантиями решен самой жизнью. Эту нишу и должны заполнить правозащитные организации.

Так что, как пишет Абовин-Егидес, ставить подписи "бывший диссидент такой-то" пока рано.

Примечания

1. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс; Москва, 1992.
2. Мильштейн И. Иноверцы//Огонек, 1993. № 19-20. С. 19.
3. Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1985. С. 260.
4. Коцюбинский А. Стоит ли канонизировать разрушителя? // Литературная газета. 1995. 5 июля.
5. Каминская Д. Уголовное дело № 41074-56-68С "О нарушении общественного порядка и клевете на советский государственный и общественный строй". Из записок адвоката.// Знамя. 1990. № 8. С. 100.
6. Медведев Р. Генсек с Лубянки. М., 1993. С. 77.
7. Буковский В. Я вдруг расцвел в удивительно сжатые сроки...//Независимая газета, 1992, 31 января.
8. Лебедева А. Правозащитники считают друг друга.// Независимая газета, 1992, 28 августа.
9. Зиновьев А. Систему разрушили без меня. // Совершенно секретно, 1993. № 9. С. 18.
10. Клямко Э. Блеск и нищета диссидентов. // Литературная газета, 1995, 11 октября.
11. Зиновьев А. Я увидел Россию эпохи исторического предательства. // Российская газета, 1993, 3 июля; Максимов В. Я боролся с коммунизмом, а не с Россией.// Комсомольская правда, 1992. 31 декабря; Максимов В. Оппозиция в оппозиции: Что происходит в среде вчерашних диссидентов.// Совершенно секретно, 1993. № 10. С. 4-5; Абовин-Егидес П. Прощаться рано: Мы снова диссиденты. // Независимая газета, 1993, 4 ноября; Литвинов П. Ельцин подменяет уважение к праву правом сильного. // Известия, 1993, 1 декабря; Вишневская Ю. Послание о деспотизме. //Независимая газета, 1993, 19 июня и др.
12. Максимов В. Нынешняя реальность — растление. Материалы "круглого стола": Судьба России: свет и тени.// Правда, 1993, 10 июля.
13. Абовин-Егидес П. Прощаться рано: Мы снова диссиденты. // Независимая газета, 1993, 4 ноября.
14. Кублановский Ю. Солженицын при демократии. // Труд, 1997, 24 января.
15. Афанасьев А. Пророк и Отечество: В чем трудно согласиться с Александром Солженицыным. // Российская газета, 1998, 25 июля.
16. Шохина В. Василий Аксенов: "Я уверен, что гайдаровский пинок в задницу матушке России очень полезен". // Независимая газета, 1993, 3 февраля.
17. Кива А. Блеск и нищета движения правозащитников.// Российская газета, 1997, 20 февраля.

А.А. Зубков

ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЗАДАЧИ СОЗДАНИЯ НОВОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

В решении вопросов создания новой техники трудно переоценить роль интеллектуального труда научно-технической интеллигенции. Как известно, в мае 1985 года было принято постановление Совета Министров СССР "О техническом перевооружении Горьковского автомобильного завода (производственное объединение ГАЗ)", предусматривающее кардинальное обновление производственной базы автозавода. В связи с этим интересно проследить, насколько изменился под воздействием реконструктивных процессов технический уровень автомобилей, какова роль инженерно-технической интеллигенции, других категорий производственников в решении этой важной проблемы.

В ходе технической реконструкции ГАЗа главный упор был сделан на обновление оборудования, создание собственного станкостроения и опытно-экспериментального производства. Здесь важно проследить насколько успешно осуществлялись эти мероприятия с выходом на конечный результат — создание новой автомобильной техники. Социологические исследования, проведенные на Горьковском автомобильном заводе в 1989 году, показали следующие результаты. Так, на вопрос: "Оказывает ли деятельность ученых и конструкторов действенное влияние на повышение технического уровня выпускаемой продукции?" — подавляющая часть опрошенных инженерно-технических работников ответила, что продукция ученых и конструкторов не отвечает предъявляемым требованиям. А при решении более сложной задачи, такой как разработка и осуществление программ научно-технического развития производств, большинство представителей инженерно-технической интеллигенции констатировало, что в них не предусматривалась необходимость выхода на производство продукции, соответствующей уровню мировых стандартов или превышающие их (подсчитано автором. — *А.З.*).

Здесь со всей очевидностью проявила себя затянувшаяся болезнь, связанная с неэффективностью реконструктивных процессов, проводимых в автомобильной отрасли по старинке, без остановки основного производства, при полной загрузке производственных мощностей, что исключено в западной практике при запуске новых моделей в серийное производство.

В огромной степени освоение новой техники было связано с утверждением оптимальных методов хозяйствования, заменой командно-административного типа управления экономическими методами воздействия на интересы производственников. Причем эффективность такого управления находилась в прямой зависимости от глубины знания интересов различных категорий трудящихся (директоров, рабочих, инженерно-технических работников и т.д.). Такие результаты можно получить только путем проведения социологических исследований. Так, на вопрос: "Как вы оцениваете степень экономической заинтересованности работников разных категорий в выпуске новой автомобильный техники высокого качества?" — инженерно-технические работники ГАЗа ответили следующим образом (подсчитано автором. — *А.З.*).

Таблица 1

	Как высокую (вполне достаточную)	Как среднюю (значительную, но недостаточную)	Как низкую (явно недостаточную)
Рабочие	7,4%	32,4%	51,9%
Рядовые ИТР	8,3%	41,7%	43,5%
Руководители структурных подразделений	11,1%	38,0%	36,1%

Как видно из таблицы, оценка экономической заинтересованности выше перечисленных категорий трудящихся в выпуске новой автомобильной техники высокого качества была весьма низкой. По данному примеру можно судить о преобладании внеэкономических методов управления производством, тормозящих его техническое развитие. В автомобильном производстве еще не утвердила себя система различий в оплате, отражающая конечные результаты труда индивидов и коллективов, налицо была явная недооценка роли интеллектуального труда.

А.Г. Аннин

ПОДГОТОВКА КАДРОВ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ СССР (80-Е ГОДЫ)

Культурный уровень общества прямо и непосредственно связан с его экономическим и социальным состоянием. Высокий общественный и культурный уровень людей способствовал изменению содержания их

труда, делал его более творческим, интеллектуальным, производительным. Жизнь выдвинула задачу создания в стране единой системы непрерывного образования. Дальнейшее развитие и практическую направленность получила она и в постановлениях партийных и советских органов по преобразованию общественной, профессиональной, средней специальной и высшей школы, системы повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов народного хозяйства.

Для эффективного хозяйствования постоянно необходимы высокообразованные, высококвалифицированные, добросовестные работники, способные внедрять в производство новейшие достижения науки и способные внедрить в производство новейшие достижения науки и техники. Страна располагала богатейшими трудовыми ресурсами: 113,5 млн. рабочих и служащих, 12,2 млн. колхозников, 1,5 млн. ученых. На одну тысячу человек занятого населения 889 человек в 1990 году имели документы о высшем и среднем (полном и неполном) образовании. В стране работали 35,6 млн. специалистов. Предпосылкой успеха в развитии экономики могли стать их высокий профессионализм, умение вести дело в сложных условиях, авторитет и социальная защищенность, если бы не анархия, введенная мутантами со второй половины августа 1991 года.

Предметом особой гордости советских людей было возрастание культурных богатств страны. Эту особую гордость воспитывали у учащихся учителя. Советская власть открыла широкий доступ гражданам СССР к знаниям, достижениям культуры. За 1918-1983 гг. среднее (общее и специальное) образование получили 102,9 миллиона человек, из них 79,8 млн. окончили средние общеобразовательные школы, 18,5 миллиона — техникумы и другие средние специальные учебные заведения, 4,6 миллиона — средние ПТУ. В СССР осуществлялось всеобщее среднее образование.

Всеми видами образования в 1985 г. в Советском Союзе было охвачено свыше 106 млн. человек. Для них открывались все учебные заведения, количество которых постоянно росло. С 1922 г. по 1985 г. число средних специальных учебных заведений в СССР увеличилось с 932 до 4438, число вузов возросло с 248 до 896, в том числе 67 университетов. В РСФСР действовал 201 педагогический институт[1].

Непрерывное образование предполагало постоянное всестороннее развитие человека. Предусматривалось освоение людьми новой общественно-политической, экономической, научной, технической информацией, рост их интеллектуального и культурного уровня, развития твор-

ческих способностей. По концепции педагогов непрерывное образование как педагогическая система — это целостная совокупность путей, средств, способов и форм приобретения, углубления и расширения общего образования, социальной зрелости и профессиональной компетенции, воспитания эстетического отношения к деятельности, обогащения культуры советских людей в учебных заведениях и в процессе самообразования.

С целью подготовки высокообразованных, высококвалифицированных с высокой общественной культурой специалистов открывались новые учебные заведения. Только в 1984 г. в СССР введены в действие общеобразовательные школы на 986 тыс. ученических мест, в том числе во Владимирской области — на 5,2 тыс. мест.

В конце 80-х годов молодое поколение советской страны училось в 130 тыс. школ — 44,78 млн. учащихся, в 8 тыс. СПТУ — 4,3 млн. слушателей, в 4508 средних специальных учебных заведениях — 4,5 млн. студентов, в 896 вузах — 5,3 млн. студентов[2]. Кадры высшего класса готовились в аспирантуре и докторантуре вузов и научно-исследовательских институтов.

Иное положение было в США: администрация, наращивая военный бюджет, сокращало ассигнования на обучение молодежи. В результате в этой стране за 1975-1985 г г. было закрыто 3456 школ и более 150 колледжей. По числу студентов на тысячу человек населения СССР занимал одно из ведущих мест в мире. В Советском Союзе на тысячу человек населения приходилось студентов — 19,4, в Англии — 10,5, в Италии — 12,2, в ФРГ — 10,8 человек.

Число учащихся в общеобразовательных школах, средних и высших учебных заведениях соответственно увеличилось с 1940 г. по 1985 г. с 35,6, 1,0 и 0,8 млн. человек до 44,7, 4,5, 5,3 млн. человек в 1985 г.; в школах и группах с продленным днем в 1985 г. было 12,8 млн. детей. В высших учебных заведениях Владимирской области в это же время обучалось 17,2 тыс. студентов, в средних специальных учебных заведениях — 24,2 тыс., в общеобразовательных школах — 217,3 тыс. человек. В 1984 г. в области окончили средние школы и получили аттестаты о среднем образовании 18,8 тыс. человек. В дневных общеобразовательных школах с продленным днем и группах продленного дня находилось 54,3 тыс. учащихся.

Государственные и ведомственные профессионально-технические училища ежегодно выпускали свыше 2 миллионов рабочих 1100 профессий. За десятую пятилетку (1976-1980 гг.) в ПТУ получили специальность свыше 12,5 миллиона человек — две трети молодых рабочих, пришедших на производство. В 1980-1985 гг. выпуск из ПТУ квалифицированных рабочих доведен до 13 миллионов. В 1985 г. в средних ПТУ Владимирской области обучалось 11,8 тыс. человек.

Реформа общеобразовательной и профессиональной школы, начатая с 1984 г. внесла новый крупный вклад в формирование гармонично развитого человека. Реформой предусматривалось дать отличные знания учащимся по основам наук; воспитать в духе идей и идеалов Коммунистической партии, научить трудиться по-коммунистически. Решить эти задачи возможно было при полном единстве действий родителей, школы и общественных организаций. В единстве их действий был залог успеха.

Апологеты капитализма, современные мутанты, лжедемократы России не хотят видеть выдающиеся успехи Советского Союза в народном просвещении. Они умалчивают о пороках буржуазного строя, тормозящих социальный и научный прогресс, не хотят признать того, что ни в одной стране капитала нет единой системы государственных стипендий. В США только 1/6 часть студентов получает стипендии от государства, в Австрии — 10%, во Франции — 14%. В Японии 20 % студентов обеспечены государственной стипендией, составляющей 6% прожиточного минимума. Государственная «помощь» студентам буржуазных стран оказывается путем предоставления займов, подлежащих выплате после завершения учебы.

Чтобы оплатить расходы на образование, молодежь капиталистических стран вынуждена совмещать учебу и работу не только в период летних каникул, но и на протяжении всей учебы. По данным министерства труда США, доля студентов университетов и колледжей, работающих по найму, колеблется от 26 до 43 %. Среди старшекурсников она составляет более половины. Высокая плата за обучение обусловливает большой отсев студентов из вузов: во Франции он достигает 70%, в США во многих вузах — 50%.

Конституционное право советских граждан на образование было гарантированно бесплатностью обучения. На народное образование в СССР направлялась примерно треть общественных фондов потребления. Если в США студенту колледжа приходилось самому платить за обучение 10-12 тыс. долларов в год, то в Советском Союзе все расходы на обучение взяло на себя государство. Расходы эти составляли в вузах — свыше 1100 руб., в средних специальных учебных заведениях —

около 750 руб., в общеобразовательных школах — 200 рублей на каждого учащегося.

За 40 лет после Великой Отечественной войны расходы на стипендии из общественных фондов потребления возросли более чем в 20 раз и составили 2,4 млрд. руб. в год. Новой реформой школы для студентов педагогических институтов было предусмотрено увеличение стипендий. Имелись также именные стипендии: имени К. Маркса, В.И. Ленина, М.В. Ломоносова, Ф.Э. Дзержинского, А.М. Горького. Они составляли от 70 до 100 рублей[3]. Эти стипендии выплачивались юношам и девушкам за отличную учебу и активное участие в общественной жизни. Кроме того, правительство каждой союзной республики утверждало дополнительные именные стипендии.

Для советских студентов было организовано льготное питание со скидкой 50%, установлена почти символическая плата за проживание в общежитии: всего 2-3 рубля в месяц. Причем в эту сумму входила плата за электроэнергию, газ, мебель, постельное белье.

В 1985 г. в СССР было 158 млн. человек с высшим (полным и неполным) образованием. Такое образование имели девять десятых занятого населения. В народном хозяйстве работали 13,5 миллиона специалистов с высшим и 18,1 миллиона — со средним специальным образованием. За годы Советской власти до 1985 г. в 67 раз возросло количество дипломированных специалистов[4].

Социализм вызывал подъем культурной жизни советского общества. На каждые 100 жителей страны в 1985 г. выпущено в среднем 723 экземпляра книг и брошюр, 78 экземпляров журналов и других периодических изданий, 66 экземпляров газет (по разовым тиражам). В годы Советской власти книги и брошюры издавались на 162 языках, в том числе на 89 языках народов СССР. В стране работали более 138,6 тысячи клубов, домов и дворцов культуры, 133,5 тысячи универсальных и массовых библиотек, 151,3 тысячи киноустановок, свыше 2 тысяч профессиональных театров и музеев[5].

В структуре культурного досуга населения нашей страны 42-45% занимали просмотр телевизионных передач, чтение — 35-39%.

В эти же годы укреплялась материально-техническая база учреждений культуры, искусства, кинематографии, печати, телевидения и радиовещания. С целью упорядочения нравственных основ общества, утверждения гуманизма социалистической Родины сохранялось и творчески использовалось богатейшее культурное наследие всех народов нашей страны, плодотворно взаимодействовала советская культура с мировыми цивилизациями.

Примечания

1. Правда. 1985. 26 января; Призыв. 1985. 30 января, 5 февраля.
2. Известия. 1988. 22 января; Политическое образование. 1988. № 18. С.39.
3. Аргументы и факты. 1984. № 39.
4. Правда. 1985. 26 января.
5. Правда. 1984. 5 октября.

Н.И. Фещенко

РЕФОРМЫ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Высшая школа выполняла и выполняет в обществе несколько важных социальных функций. Наряду с основной — подготовкой кадров квалифицированных специалистов, т.е. интеллигенции в узком социологическом смысле этого слова, — она способствует активизации социальных перемещений внутри общества, повышению его социальной мобильности. Поэтому от того, насколько налажено, четко действует механизм высшей школы, насколько он соответствует предъявляемым требованиям, в значительной степени зависит успешное развитие всего общества, и наоборот, — появление сбоев, каких-либо нарушений в ритме жизнедеятельности высшей школы болезненно отражается на функционировании всего общественного организма, вызывает острую необходимость устранения возникших недостатков. Этим во многом объясняется то обстоятельство, что все российские императоры XIX века отметились в истории высшей школы изданием своих университетских уставов (1804, 1835,1863 и 1884 гг.). Подвергалась неоднократным преобразованиям и советская высшая школа, уступая по количеству и частоте их разве что сельскому хозяйству, хотя еще на заре Советской власти основатель Советского государства предупреждал, что здесь "...со всеми реформами нужно быть... очень осторожным. Дело крайне сложное"[1].

Данное предупреждение имеет особое звучание сейчас, в условиях происходящей перестройки высшей школы. В настоящее время мы уже обладаем как позитивным, так и негативным опытом всевозможных преобразований, когда высшую школу то переводили на "модный" бригадно-лабораторный метод, то осуществляли "разукрупнение" вузов и "втузирование" университетов, то, сворачивая дневную, гипертрофировали вечернюю и заочную формы обучения. Особое и научное, и практическое значение приобретает изучение предшествующей реформы, многие положения которой созвучны ныне проводимым преобразованиям.

Учитывая рамки публикации невозможно охватить многочисленные стороны реформы, поэтому основное внимание мы сосредоточили на выяснении ее причин, — ключевого момента в исследовании любого процесса.

Действительно, среди наиболее дискуссионных вопросов, волнующих сегодня экономистов, политологов, историков, публицистов, видное место занимает вопрос о причинах скоротечности так называемой "хрущевской оттепели", другими словами, вопрос о причинах неудачи преобразований, проводимых в стране во второй половине 50-х годов. При этом, как правило, причины эти пытаются найти где-то на стороне — влияние конкретных лиц, "консервативных сил", командно-административной системы и т.д. — уделяя значительно меньше внимания процессу разработки реформ, их реализации на практике. Никоим образом не претендуя на освещение всей проблемы в целом, автор статьи ставит своей целью на конкретном примере реформы народного образования второй половины 50-х годов раскрыть некоторые внутренние противоречия, которые были изначально заложены в ней и не могли не сказаться на результатах.

Успех любого преобразования во многом зависит от глубины проработки таких вопросов, как состояние системы к началу реформы, причины преобразований, цели, которые они преследуют. Как же определялись причины и задачи реформы на различных этапах ее разработки? Впервые они были сформулированы на XIX съезде КПСС, поставившем широкомасштабную задачу перестроить сложившуюся систему народного образования, повернуть школу от односторонней ориентации на вуз к производству при одновременном, что вроде бы плохо состыковывается, значительном увеличение подготовки специалистов с высшим образованием, также с изменением ориентации их в сторону практики,

производства. Таким образом, речь шла о качественно новом уровне развития системы народного образования.

Несколько иначе вопрос о причинах и направлении реформы формулируется в документах XX съезда КПСС: одновременно с конкретизацией задач в материалах съезда происходит постепенная подмена политехнизации школы ранней профессионализацией, а также сведение всех причин реформы к слабой связи с производством, необходимости соединения обучения с производительным трудом.

Данная тенденция еще более ярко прослеживается в документах, непосредственно предшествовавших появлению Закона о школе и знаменовавших новый этап в развитии реформы: в речи Н.С. Хрущева на XIII съезде ВЛКСМ и в его "Записке в Президиум ЦК КПСС "Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР", в которых принцип политехнизации окончательно сводится к обучению учащихся какому-либо ремеслу, приобретению ремесленных производительных навыков, а стремление к соединению обучения с производственным трудом привело к постановке вопроса о ликвидации дневной средней школы и дневных отделений на младших курсах вузов[5]. Обращает на себя внимание и непродуманность многих положений, выражающихся как в несостыковке предложении по средней и высшей школе (если в средней школе после 8 классов все направляются на производство и там продолжают образование, то зачем на младших курсах вузов вновь направлять студентов на рабочие места с целью приобретения производственных навыков), так и внутри каждой из групп (например, замечание о большой загруженности студентов обязательными занятиями, оставляющих мало времени для самостоятельной работы, и перевод младших курсов на вечернюю и заочную форму подготовки без отрыва от производства).

Завершая анализ, можно сделать вывод о том, что реформа осуществлялась без четкого определения причин, ее обусловивших. Интуитивно (что вообще характерно для тогдашнего руководства) ощущалась необходимость реформы, но серьезного, глубокого анализа причин (как и направлений) ее не было, в результате чего они оказались неясными даже для руководителей высшей школы[6]. А между тем существовали серьезные, объективные причины и предпосылки для существенной реконструкции системы народного образования. Реформа высшей школы СССР второй половины 50-х годов была обусловлена целым комплексом причин как внутривузовского, ведомственного, так и общесоюзного и международного масштаба. Однако в результате излишней

поспешности, имевшей место в ходе подготовки и осуществления реформы, далеко не все из них были соответствующим образом учтены, что в значительной степени предопределило те негативные последствия, которые, наряду с положительными результатами, имела реформа.

Новое направление в развитии реформы высшей школы, начавшейся в 80-е годы первоначально обнадеживало. Во-первых, потому что впервые была предпринята внешне достаточно солидная научно-методическая проработка реформы, осуществлявшаяся, в частности, в ходе реализации программ "Высшая школа" и "Университеты России" (по данным руководства над стандартами многоуровнего образования работало 30 тысяч профессоров и преподавателей). Следует отметить, что вузы нашего региона — Поволжья — весьма активно откликнулись на предложение участвовать в разработке данных программ. Из трех Всероссийских научно-методических конференций по вышеназванным программам две проходили в данном регионе — вторая в Саратове (1992 г.) и третья в Волгограде (1993 г.). Нижегородский университет являлся головным в разработке программ по естественнонаучным специальностям, важную роль играли Казанский, Мордовский университеты и другие вузы. При этом учебные заведения региона приняли участие не только в научно-методической, но и практической работе по апробации реформы. Так, по специальности "история" истфак ННГУ вышел в число трех из 39 исторических факультетов университетов классического типа, которые в 1993/94 уч. году уже начали переход на многоуровневую систему подготовки: аналогичный факультет Нижегородского педагогического университета одним из первых начал подготовку магистров в системе педагогических вузов.

Однако в вузах региона раньше других почувствовали и определенную озабоченность, которая прозвучала как на вышеупомянутых Всероссийских конференциях, так и на совещаниях», проводимых ГКВШ и головными вузами по возглавляемым ими направлениям. Да и, как видим, далеко не массовый переход вузов на новую систему свидетельствует о той же настороженности. Во-первых, следует отметить возникшее сомнение относительно целей реформы. Является ли таковой официально декларированное стремление к повышению качества подготовки специалистов, повышению мобильности вузовской системы, созданию возможности выбора различных форм и уровней образования и т.д. или за этим кроется попытка сэкономить на высшей школе, сведя массовую подготовку специалистов с пяти до четырех лет и оставив лишь небольшою "элитарную" и в основном платную форму в виде магистратуры. Подтверждением таким сомнениям служило и то обстоятельство, что если в начале реформы четко оговаривалось, что бакалавр это не специалист, а уровень образования, требующий дополнительной подготовки по специальности, то к 1993 г. официально появилась категория бакалавр-специалист. И не случайно в решениях совещания по направлению педагогической подготовки в университетах, проходившие в Ярославле летом 1993 г., единогласно было принято решение о том, что педагогов в университетах следует готовить как минимум 5 лет — бакалавр + год специальной подготовки, а для школ и лицеев повышенного типа необходим уровень магистра. Только тогда можно будет добиться не понижения, а хотя бы сохранения и, может быть, повышения качества подготовки специалиста. Разумеется, это не означает отказа от совершенствования содержания, форм и методов подготовки, корректировки учебных планов, но тем не менее подготовка учителя за 4 года без понижения качества признана не реальной — тем более, что печальный опыт был приобретен уже в 60-е годы.

Второй тревожный момент — это достаточно ясно прослеживающаяся тенденция копирования западной и, в первую очередь, американской формы подготовки специалистов. Односторонняя ориентация на американскую модель тем более не состоятельна, что в настоящее время в Европе складывается единая система вузовского образования с упором на германские университеты. И перестроив свою, признанную одной из лучших в мире систему на американский манер, мы обрекаем себя на необходимость последующего приспособления ее к общеевропейской модели. Причем здесь есть еще одна любопытная деталь: в свое время В.В. Розанов, П.Н. Милюков, К.Д. Тимирязев и другие исследователи и специалисты высшей школы отмечали значительное влияние, которое оказали на возникновение российской системы высшего образования именно немецкие университеты. Поэтому, чтобы избежать "движения по кругу", все чаще высказывается мысль о необходимости комплексного использования в ходе разработки реформы как западного, так и российского (в т.ч. и советского) опыта развития высшей школы.

Например, в дореволюционной России большинство университетов имело единую структуру и одинаковые целевые установки. Обращает на себя внимание место университетов в регионе, определенное в ходе попытки создания единой системы народного образования в начале XIX века. Как известно, страна была разделена на 6 учебных округов, во главе которых фактически стоял университет, обеспечивающий как руководство ниже стоящими учебными заведениями — вплоть до подбора

руководства гимназий и т.д., так и подготовку для них преподавательских кадров. В целом же была предпринята попытка создания действительно единой, взаимосвязанной системы народного образования, каждое звено которого обеспечивало работу нижестоящего и готовило "ученический материал" для вышестоящего. Можно найти и другие ценные крупицы опыта в истории российской университетской системы — например, достаточно стройную и взаимосвязанную градацию выпуска специалистов: действительный студент, кандидат, магистр, доктор (у нас же априори схватились за систему бакалавр — магистр с добавлением вообще немыслимого для университетов двухлетнего уровня ассоциата).

И еще одна болезненная проблема современной реформы — ее кадровое и непосредственно связанное с ним финансовое обеспечение. За последние годы из наук и в коммерческие структуры ушло несколько сот тысяч человек, идет опаснейший процесс "утечки" мозгов" за границу: причем быстрее всего исчезает наиболее ценный предэлитный слой — по подсчетам специалистов его хватит еще максимум на 8-12 лет, а на восстановление уйдут десятилетия, сокращается и приток молодежи в аспирантуру и докторантуру. Нам уже приходилось говорить о том, что тезис о нехватке средств не выдерживает критики — в тяжелейшем послевоенном 1948 году правительство одновременно повысило заработную плату преподавателей высшей школы в 5 раз, сделав эту категорию населения одной из наиболее высокооплачиваемых, а сейчас, в 90-е годы, рейтинг профессора МГУ таков, что стоит он в 5-10 раз дешевле продавца, водителя троллейбуса, уборщицы...[8] Ответом на подобное положение стали уже не протесты на конференциях и совещаниях, а забастовки работников вузов. Без решения данной проблемы никакая модель подготовки специалистов не приведет к положительным результатам. Как справедливо отмечает ректор МГУ академик В. Садовничий, "вложение средств в образование — необходимое условие развития современного общества, современной цивилизации, одним из центров которой была и должна быть впредь Россия, российское общество".

Примечания

1. Луначарский А.В. Ленин и народное образование. М., 1960. С. 10.
2. Поскольку реформа высшей школы проводилась одновременно с преобразованием средней общеобразовательной школы, анализ их также будет проводиться в совокупности.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. Т. 6. М., 1971. С. 363.

4. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. Т. 1. 1956. С. 81-82, 84.
5. Новая система народного образования в СССР: Сб. документов. М., 1960. С. 22-23.
6. ГА РФ, ф. 9396, оп. 1, д. 862, л. 24.
7. Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 236; Милюков П.Н. Очерки русской культуры. Часть 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование).СПб. 1905. С. 360; Тимирязев К.Д. Наука и демократия. М., 1903. С. 17.
8. Фещенко Н.И. Кадры и реформа: проблема кадрового обеспечения реформы высшей школы второй половины 50-х годов в свете современной реорганизации высшего образования. // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы. / Международная научная конференция. Тезисы докладов. Выпуск 2. Ярославль, 1994. С. 40.
9. Российская газета. 1999. 23 июня.

Е.В. Грязнова

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Сегодня, в условиях кризиса происходит процесс социальной диссоциации российского общества, сопровождающийся нарастанием социальных конфликтов, которые в свою очередь вызваны углублением социального неравенства. В зависимости от уровня материального благосостояния социологами выделяются следующие слои: 1) богатые — 0,7%; 2) состоятельные — 5,3%; 3) обеспеченные — 15,8%; 4) малообеспеченные — 57%; 5) неимущие — 20,2%[1].

За порогом бедности находится более 60% населения. В 1997 году в это число вошли работники первых 14-разрядов единой тарифной сетки в бюджетных организациях, размер ставок которых оказался ниже прожиточного минимума[2]. Интеллигенция, которая остается в большинстве своем на службе у государства, к сожалению, входит в данные 60%. Мы вынуждены уточнить здесь, о какой части интеллигенции идет речь. Это конечно не та часть псевдоинтеллигентов или «интеллигенщины», как их справедливо назвал Бердяев, которая «угробила Россию», те, кто лишен базового признака интеллигенции — интеллигентности, совсем не пострадали, а, наоборот, процветают. Отсутствие нравственности у этих людей «с дипломами» позволяет им жить за счет народа, грабить его, последовательно закрывать все каналы формирования подлинной

интеллигенции. Мы говорим о бедственном положении той интеллигенции, которая вышла из народа, работает с народом и для народа.

Ситуация сложилась таким образом, что произошло статусное падение отечественной интеллигенции. Сотни тысяч, миллионы – инженеры, ученые, медицинские работники, педагоги – потеряли возможность работать в соответствии со своей профессией.

Источник наших бед заключается в том, считает А.И. Ракитов, что Россия вступила на путь социальных преобразований, не выработав социального идеала и модели будущего. Исторический опыт учит, что выход каждой страны из тяжелого экономического и социального положения лежит в переходе к более высокому уровню технологизации и информатизации[3].

В этом и заключается, на наш взгляд, основное противоречие. С одной стороны, отсталая экономика не позволяет России встать на путь информатизации, с другой стороны, выход из кризиса – информатизация.

Самое слабое место в российской информатизации – низкий уровень информационных потребностей и неконкурентоспособность отечественного производства средств производства, обработки, передачи и распределения информации. Увеличение информационных потребностей россиян сдерживается не недостаточным просвещением (пока), а крайне низким средним уровнем доходов населения.

Информационная целостность — основание для целостности социальной. Информатизация общества связана с духовной сферой, с преобразованием умственного труда, с культурой. Процессы информатизации требуют нового уровня понимания мирового бытия.

Россия подошла к рубежу, за которым начинается процесс утраты научно-технической и технологической независимости.

Сейчас перед обществом стоят, на наш взгляд, задачи подготовки множества государственных служащих, экономистов, менеджеров, юристов, инженеров, ученых, технологов, врачей, учителей, обладающих высокой профессиональной компетентностью, способных аккумулировать достижения мировой науки и культуры и передать их новому поколению. Все это осуществимо на основе принципиально новых методов образования, основанных на информационных технологиях.

Отсутствие концепции и стратегии реформирования общеобразовательной, специальной и высшей школ, профессионального обучения, экономическое удушение системы образования и воспитания реально сказываются на качестве знаний нынешнего поколения школьников,

учащихся и студентов. В потенциале страна через десять лет будет иметь реальное снижение общей культуры, знаний среди молодого российского поколения, что чревато падением интеллектуального потенциала России.

Образование, в первую очередь высшее, — единственный способ сохранить, репродуцировать и создать новую интеллектуальную элиту и тем самым обеспечить переход России на стадию современного индустриально-информационного общества.

Тем, кто несет ответственность за существование нашей страны, давно пора понять, что сейчас все силы должны быть направлены на борьбу за продвижение страны в сторону информационного общества, превращение его в современное и высокоразвитое, а не на борьбу за власть в стране. Несмотря на бедственное положение, в стране есть еще силы, ориентированные на развитие истинной демократии, без которой информатизация просто невозможна, на социальный и научно-технологический прогресс, силы заинтересованные и способные осуществить реальные реформы в стране.

На наш взгляд, для решения обозначенных проблем актуальными могут быть следующие моменты:

1) система образования должна подвергаться жесткому контролю со стороны государства в плане качества педагогических технологий и кадров, с одной стороны, и финансовой поддержки высококвалифицированных педагогов всех уровней – с другой;

2) необходима разработка системы приема на роботу не по наличию диплома, а по уровню подготовки и знаний, особенно в образовательные учреждения;

3) со стороны государства должно осуществляться оснащение общеобразовательных учреждений современной вычислительной техникой и информационными технологиями.

На наш взгляд — это даст возможность интеллигенции обрести профессионализм и компетентность и это будет ее главным вкладом в возрождение России.

Примечания

1. Голенкова З.Т. Динамика социокультурной трансформации в России // Социс. 1998. № 10. С. 77-84.
2. Лебедева Ю. Массовый протест: потенциал и пределы // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 3 (29). Май-июнь С. 7.

3. Ракитов А.И. Будущее России: социально-технологическая модель // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 5-11.

Е.О. Терибунова

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ СТУДЕНТОВ

Ценностные ориентации студенчества — одно из важных направлений исследований, так как интеллигенция — главный субъект, формирующий духовную атмосферу общества. В последние годы в социологии идет поиск новых методик познания внутреннего мира личности, так как традиционные наборы ценностей и балльных шкал не всегда «срабатывают» в эпоху крушения прежних идеалов. Поэтому одна из задач социолога — «вывести» респондента из идеологического поля, сформированного в условиях противоборства политических сил. Это помогает снять фактор «моды» и в какой-то степени нейтрализовать влияние референтной группы. На наш взгляд, это можно сделать через обращение к художественным текстам, вводящим субъекта в гипотетическую ситуацию.

Для этого нами было выбрано стихотворение в прозе «Порог» И.С. Тургенева 1878 года. 120-ти студентам 2-го и 3-го курсов Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии было предложено идентифицировать его героиню с какой-либо социальной группой и выразить отношение к ее поступку в социологическом эссе. Напомним содержание стихотворения. Тургенев воспроизводит диалог «неизвестного» с девушкой, выбирающей путь революционно-демократического движения. В нем видна попытка самого автора понять сущность народников и то, что дает им силы преодолеть все трудности выбранного пути. В словах оппонента героини звучит предупреждение об опасностях, которые ждут ее. Среди них "и холод, и голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь и самая смерть". Их постепенным перечислением Тургенев усиливает впечатление о решительности девушки защищать близкие ей идеалы не только от врагов, но и от родных, друзей. "Неизвестный" предсказывает полное одиночество и отчуждение, возможную потерю имени. Он предупреждает: "Можешь понять, что обманулась и даром погубила свою молодую жизнь".

Благодаря краткости текста, написание эссе занимает 45 минут. Яркость образов и резко очерченная позиции оппонентов позволяет выявить неравнодушное отношение к происходящему в произведении. Ненавязчивая форма подачи материала в то время, когда многие исследователи приходят к выводу об апатии молодежи, ее безынициативности, позволяет получать отзывы, раскрывающие личное мнение студента. Параллельно мы получили информацию о знании отечественной истории молодежью, ее взгляд на будущее.

Среди опрошенных многие увидели в героине Тургенева девушку накануне свадьбы (13% юношей и 18% девушек): "Этот порог — это своего рода решающий шаг в ее судьбе".

18% посчитали, что автор стихотворения создал в лице девушки образ страны, стоящей перед порогом решительных перемен (6% молодых людей и 12% девушек): "Перед нами предстает отчаянная русская девушка, в образе которой показана вся нищета и бедность России".

10% увидели в девушке сестру милосердия, идущую на войну. "Я думаю, только самоотверженный человек мог пойти на фронт, ведь там ей угрожала опасность, ее могли убить. Но она выбрала этот путь..." Среди них 8% студенток и 2 % студентов

Мнения разделились на тех, то поддерживает девушку (64%): "Стихотворение "Порог", написанное в 1878 году, вызывает чувство гордости за таких людей..." – и на тех, кто не понимает самоотверженности героини (36%): "Я бы не одобрил поступок, так как не вижу цели, ради которой нужно идти на жертвы," — пишет молодой человек. "Мне безразлично, о чем писал Тургенев, о каком событии идет речь", — сознается другой. Юноши в большей степени, чем девушки, склонны осуждать героиню (24%). У девушек лишь 12% не одобряют ее поведение.

12% юношей и 3 % девушек воспринимают поступок девушки как "готовносгь перешагнуть порог общепринятых правил, пойти на преступление ради общественных интересов и собственных амбиций", в доведенной до крайности ситуации: "Я тоже испытала на себе ее положение. Отчаяние человека, в семье которого нет денег на хлеб".

Материальное положение опрошенных студентов во многом определяет их "правые" или " левые" взгляды. Ухудшение по многим позициям социального положения молодого поколения существенно расширило сферу конфликта молодежи с обществом. Понимание безысходности может создавать конфликтную ситуацию. Один из студентов пишет, отмечая крайнюю нужду как фактор, обусловливающий поведение и образ мыслей героини: "Стихотворение Тургенева "Порог" вызвало у меня чув-

ство тревоги за эту девушку. Ведь на такой поступок , на который решается она, может пойти только отчаявшийся человек, разочаровавшийся в чем-то, в родных, в друзьях, а может, в самой жизни. Она готова пойти на смерть и на преступление по своей воле. Наверное, она делает это от безысходности положения, от непонимания близких... Она что-то доказывает самой себе, а может, она даже бросает вызов обществу".

Только половина верно определила, что девушка является участницей революционно-демократического движения. Один из студентов так оценивает образ: "Женщина выбрана главным действующим лицом, так как она ассоциируется с наиболее чистой особью человека. Порог- символ перехода из жизни дня себя в жизнь для окружающих людей". Но тут же добавляет, что подобные действия "вызывают раздражение окружающих."

Год написания далеко не для всех стал подсказкой, указывающей социальную группу, к которой принадлежит героиня. Преемственность, на которой традиционно строилось воспроизводство молодежью ценностей родительского поколения, прерывается, и молодые люди поставлены перед необходимостью не столько усвоения, сколько отрицания опыта старших. Кризис создает условия, вынужденно прерывающие проявление преемственности. Если в стабильных и процветающих странах инновационный процесс протекает относительно динамично, то в кризисном (переходном) накопление нового опыта всегда сопряжено с конфликтом. Больное общество воспроизводит себе подобное молодое поколение. Одна из студенток так ярко описала современную ситуацию: "Россия не сможет преодолеть того порога, за которым она стоит, а значит, не сможет выбраться из той грязи, в которой она находится много времени, и как дерево, корни которого долгое время находятся в нечистой воде, оно начинает гнить изнутри и в конце концов сгниет и будет удобрением для других растений. То же происходит и с Россией, которая (как это дерево) является кормом для других развитых стран. Нашей задачей является осушка этого болота и лечение дерева внутри".

В нашем исследовании мы зафиксировали нормативные ориентации молодежи. Так, имея предметом исследования ценностные ориентации, а объектом — студентов НГСХА, мы сделали попытку определить тенденции развития преемственно-воспроизводственного механизма ценностей молодежи. Мы можем сделать вывод, что существует как определенная преемственность восприятия молодыми социального опыта, накопленного предшествующим поколением, так и качественное его обновление.

С.В. Устинкин

С.Л. ФРАНК О НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЯХ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

С.Л. Франк оставил заметный след в истории русской социальной философии и общественно-политической мысли[1]. Под влиянием целого ряда объективных и субъективных факторов, достаточно хорошо известных специалистам, он совершил сложную мировоззренческую эволюцию, в социально-политическом отношении выразившуюся в отречении от теории «научного социализма» и принятии идеалов «либерального консерватизма», то есть оправдания только тех социальных перемен, которые опираются на национальные традиции и абсолютные ценности религиозной веры[2].

Окончательно новое мировоззрение сложилось у С.Л. Франка к моменту публикации им в «Вехах» статьи «Этика нигилизма»[3]. Пожалуй, ни до, ни после «Вех» не издавалась в России книга, которая вызывала бы такую бурную общественную реакцию и порождала столь противоречивые оценки[4].

Как известно, авторы «Вех» виновником деструктивного развития революционных событий в России объявили русскую интеллигенцию и основное внимание сфокусировали на разоблачении ее грехов и пороков. Сегодня Россия вновь переживает мучительный и сложный период трансформации. Вновь недостатки «традиционного уклада русской интеллигенции» объявляются противоборствующими общественными силами одной из главных причин бед Отечества и прямо связываются с предательством политической элитой идеалов равенства и социальной справедливости или, наоборот, с катастрофической непоследовательностью поведения интеллигенции в процессе проведения радикальных либеральных реформ[5].

Как это ни парадоксально, но взаимные обвинения представителей политического бомонда во многом справедливы. Понять нерасторжимую связь политического экстремизма и апатии, безволия, беспринципности интеллигенции, избежать повторения ошибок, ведущих к катастрофическим последствиям, может и должно переосмысление выводов и уроков «Вех», в том числе сделанных в произведениях С.Л. Франка, пытавшегося встать по ту сторону «правого» и «левого» и претендовавшего на научную объективность[6].

В чем же обвинял С. Франк отечественную интеллигенцию? В чем видел причины несостоятельности ее наиболее крепких нравственных традиций? Как предлагал изживать органически присущие интеллигенции грехи и пороки? С какими, наконец, выводами С.Л. Франка можно согласиться? Сформулируем несколько тезисов, отражающих нашу позицию по этому вопросу.

1. С.Л. Франк безусловно прав, утверждая, что «нравственность, нравственные оценки и нравственные мотивы занимают в душе русского интеллигента совершенно исключительное место». «Если можно было бы одним словом охарактеризовать умонастроение нашей интеллигенции, его нужно было бы назвать *морализмом*. Русский интеллигент не знает никаких абсолютных ценностей, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые», — утверждал С.Л. Франк[7]. Вся история развития русской интеллигенции действительно окрашена в яркий морально-утилитарный цвет.

2. Прав С.Л. Франк в своих доказательствах того, что обязательный символ веры русского интеллигента, независимо от его политической ориентации, есть благо народное, и что служение этому благу является для интеллигента «высшей и единственной обязанностью»[8].

3. Трудно не согласиться с утверждением С.Л. Франка «о нерасторжимой, органической связи» идеи служения благу народному с политическим экстремизмом интеллигенции. Ибо страстная преданность излюбленной идее доводит интеллигента, с одной стороны, до самопожертвования и величайших подвигов, с другой — до нетерпимого и фанатичного истребления «всего несогласного с этой идеей»[9]. Нигилистический морализм, писал С.Л. Франк, есть основная глубочайшая черта русского интеллигента. Обожествление интересов народа и задач служения народу приводит последовательного интеллигента к аскетической ненависти ко всему, что препятствует, не содействует или даже только может потенциально угрожать осуществлению этой цели. Примеров подобного «служения» благородной цели, то есть проявления крайних форм политического экстремизма и массового террора, история России действительно являет великое множество.

4. Важной причиной и следствием нигилистического морализма, считал С.Л. Франк, является нигилистический утилитаризм, одно из проявлений которого — тенденциозное искажение пророками и жрецами идеи «прошлого, настоящего и будущего» России, содержания мировых социально-экономических и духовно-нравственных процессов,

закономерностей общественного развития[10]. Именно эту особенность русской интеллигенции пытался обосновать и узаконить в своем учении о «субъективном методе» Н.К. Михайловский. Пресловутая «партийность» и догматически понимаемый классовый подход в обществоведческих дисциплинах, явление того же порядка, как впрочем и методология современной демократической политической науки.

5. Нигилистический морализм и утилитаризм русской интеллигенции, с точки зрения С.Л. Франка, имел ряд серьезных негативных социально-психологических последствий. «Весь политический и социальный радикализм русской интеллигенции, ее склонность видеть в политической борьбе, и притом в наиболее резких ее приемах — заговоре, восстании, терроре и т. п., — ближайший и важнейший путь к народному благу, всецело исходит из веры, что борьба, уничтожение врага, насильственное и механическое разрушение старых социальных форм сами собой обеспечивают осуществление общественного идеала», — утверждал С.Л. Франк[11]. Политический экстремист, жертвуя собой ради воплощения идеала в жизнь не колеблется приносить в жертву жизнь, а тем более благосостояние других людей. В своих современниках он видит, с одной стороны, жертвы несовершенной общественной системы, с другой — виновников сохранения этого несовершенства. Первых он жалеет, но не старается помочь, чтобы жертвы быстрее осознали необходимость борьбы за социальную справедливость, последних — ненавидит, ибо они — препятствие к достижению согласия и гармонии. В результате чувство ненависти к врагам народа образует конкретную и действенную психологическую основу его жизни. Так из великой любви к грядущему человечеству рождается великая ненависть и презрение к людям, доказывал С.Л. Франк[12]. В этом своем рассуждении он не вовсем прав. Но совершенно очевидно, что если ненависть укрепляется в сознании и интеллектуальной жизни человека, подчиняет любовь, которая ее породила, то можно с уверенностью утверждать, что произошло нравственное перерождение личности и последствия этой драмы будут носить для окружающих катастрофический характер.

6. Несостоятельность мировоззрения русской интеллигенции ярко проявилась, по мнению С.Л. Франка, и в ее неспособности объединиться для достижения цели на основе компромисса. Политические распри, «идолопоклонническое обоготворение интересов противоборствующих партий» привели к утверждению в интеллигентской среде беспринципной, «готтентотской» морали, которая оценивает дела и мысли не объективно и по существу, а с точки зрения их партийной пользы или пар-

тийного вреда; отсюда — чудовищная, морально недопустимая непоследовательность в отношении к террору правому и левому, к погромам черным и красным, и вообще не только отсутствие, но и принципиальное отрицание справедливого, объективного отношения к противнику, — утверждал он[13]. Политическая и интеллектуальная элита современной России в значительной своей части унаследовала это полное бесплодие и бессилие интеллигентского сознания в его соприкосновении с реальной жизнью. Эта нравственная гнилость русской интеллигенции наносит колоссальный вред ее интеллектуальной власти и требует переосмысления основ всего интеллигентского миросозерцания.

Таким образом, один из выводов, который можно сделать, анализируя труды С.Л. Франка, звучит так — современная интеллигенция, лидеры политических партий и движений обязаны искать мирные пути назревших преобразований, использовать цивилизованные средства и формы политической борьбы, осуществлять реформы в интересах большинства народа, не отказывая меньшинству в праве и возможности выражать и отстаивать свои интересы.

Для достижения этой цели интеллигенции необходимо учиться соединять противоположности, использовать реальные противоречия общества в качестве источника его развития.

Нация нуждается в объединении. Интеллигенция может и должна внести свой вклад в разработку общенациональной программы устойчивого развития, показать пример достижения политического компромисса на основе совместной деятельности по реализации этой программы.

Для сохранения гражданского мира лидерам партий следует не поддаваться амбициям, а добиваться согласия в деле общественных преобразований. Поэтому чрезвычайно актуальна задача подготовки новой интеллектуальной и политической элиты, стремящейся не к переделу собственности и власти, а к распределению обязанностей, властью накладываемых, к истине и вере, которым стремилась бы подчинить всю свою жизнь.

Примечания

1. Карташев А.В. Идеологический и церковный путь Франка: Сб. памяти Семена Людвиговича Франка. Мюнхен, 1954; Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 308-340; Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 2. Ч. 2. С. 157-178 и др.
2. Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. Париж, 1936. № 146. С. 110-111.
3. Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 167-169.

4. Вехи: Pro et contra. Антология. СПб, 1998; Вехи. Интеллигенция в России: Сб. статей. 1909-1910. М., 1991.
5. Кротов А. Русская смута. Раскол и война интеллигенции современной России. М., 1999; Русский строй: Сб. статей по проблемам российской государственности. М., 1997.
6. Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4.
7. Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С. 82.
8. Там же. С. 86.
9. Там же. С. 83.
10. Там же. С. 87, 88, 90.
11. Там же. С. 96.
12. Там же. С. 94, 95.
13. Там же. С. 106, 107.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ
НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА

Материалы Международной
научно-практической конференции
10–11 декабря 1999 года

Часть I

Компьютерный набор	Вилков К., Назина И.
Корректор	Ершова Л.А.
Компьютерный дизайн	Гайкович О.И.

Подписано в печать 19.11.99. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,8. Зак. 1282. Тир. 300.

Типография Нижегородского госуниверситета.
603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37

